

Мария Великанова
Григорий Константинович Панченко
Элеонора Генриховна Раткевич
Екатерина Бакулина
Светлана Тулина
Леонид Александрович Каганов
Андрей Валентинов
Алекс Резников
Наталья Анискова
Федор Федорович Чешко
Даля Мейеровна Трускиновская
Борис Богданов
Денис Тихий
Алла Анатольевна Гореликова
Максим Тихомиров
Карина Шаинян
Евгений Юрьевич Лукин
Владимир Борисович Данихнов
Владимир Венгловский
Генри Лайон Олди
Юлия Александровна Зонис
Анастасия Шакирова
Святослав Владимирович Логинов
Александр Зорич
Майкл Гелприн
Александр Николаевич Громов
Сергей Борисович Удалин
Шимун Врочек
Олег Игоревич Дивов
Марина Маковецкая
Владимир Свержин
Марина и Сергей Дяченко
Владимир Николаевич Васильев
Александр Ройфе
Ефим Гамаюнов

Призрачный мир. Сборник фантастики

*Призрачный мир : сборник фантастики: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков,
Белгород; 2014
ISBN 978-966-14-8151-9, 978-966-14-7666-9, 978-5-9910-3035-9, 978-966-14-8150-2*

Аннотация

Уникальная коллекция отечественной фантастики! Генри Лайон Олди, Марина и Сергей Дяченко, Андрей Валентинов, Олег Дивов, Владимир Васильев и многие другие авторы откроют читателю двери в иные, призрачные, миры...

Содержание

Войны и миры	6
Олег Дивов	6
Екатерина Бакулина	30
Александр Зорич	34
Алекс Резников	48
Глава 1. Чингисхан мертв	48
Глава 2. Тайны пекинского двора	49
Глава 3. Бремя	50
Глава 4. Монумент	50
Леонид Каганов	52
Владимир Венгловский	64
Карина Шаинян	71
Григорий Панченко	77
Ефим Гамаюнов	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Генри Лайон Олди, Марина и Сергей Дяченко, Андрей Валентинов, Олег Дивов, Владимир Васильев и др. Призрачный мир (сборник)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© Григорий Панченко, составление, 2014

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2014

Войны и миры

Олег Дивов Боги войны

Младшему лейтенанту Сане Малешкину приказали спрятаться где-нибудь и не отвечать. Он так и сделал – спрятался где-нибудь и не отвечивал. А потом решил на всякий случай еще и не возникать.

Когда Саня вдруг понадобился, комбат долго не мог до него докричаться.

– Оляха, Оляха, я Сосна! Да куда же ты запропастился, посмертный герой, мать твою за ногу...

Малешкин не отзывался. Ему все это надоело.

Но только вчера, когда взбесились танкисты, Саня понял, кому надоело по-настоящему. А нынче, словно в ответ на их дикую выходку, настало затишье. Врага не видно, куда двигаться – непонятно. Впервые за войну.

Оставалось сидеть и ждать, чего дальше будет.

Вдруг все без толку, и кошмар начнется по новой?

Или случится какой-нибудь окончательный, последний кошмар...

Вчера, двадцать второго июня две тысячи десятого года, усиленная танковая рота полковника Дея пошла в наступление. «Тридцатьчетверки» взревели и лихо рванули вперед. Первый взвод, назначенный в разведку боем, наткнулся на встречную разведку немцев, проскочил сквозь нее без единого выстрела, ловко увернулся от артиллерийского залпа в борт, выскочил на вражескую базу и принялся по ней кататься, закладывая крутые виражи, паля во все стороны и даже иногда в кого-то попадая. Второй и третий взводы поначалу действовали согласно намеченному плану на асимметричный охват противника, но вдруг заскучали. Через пару минут выяснилось, что воевать некому: все разбежались по кустам ловить немецкую артиллерию, нимало не заботясь общей задачей атаки. И только приданная роте батарея СУ-100 лейтенанта Беззубцева повела себя более-менее разумно. Оценив обстановку, комбат счел за лучшее рассредоточиться и затаиться вокруг своей базы, а то мало ли. Вдруг кто приедет.

Рассредоточиться у самоходов вышло, затаиться – нет. Машина Теленкова просто не двинулась с места, делая вид, что ее все это не касается. Зимин уполз за ближайший куст и там пропал. Чегничка то и дело ерзал, говоря, что здесь он плохо замаскирован, а вон там будет гораздо лучше, а вон там еще лучше. Когда он проехал мимо комбата в пятый раз, тот крикнул, что у него сейчас голова закружится. Малешкин, у которого действительно начала кружиться голова, нашел удобный тупичок, загнал в него «зверобоя» задом, сказал наводчику поставить пушку на прямой и, если враг за каким-то чертом сунется – убивать, а сам сполз на пол, приткнулся в углу и закрыл глаза.

Посреди карты стоял одинокий КВ полковника Дея. Мимо него туда-сюда носились ошалевшие немцы.

Управление боем было безнадежно потеряно.

А сегодня вдруг не случилось боя.

Пока что.

* * *

– Оляха, Оляха, я Сосна!
– Ну чего он мне сделает? – спросил Малешкин у серой темноты бронекорпуса. – Ну вот чего он мне сделает?..

– Да ничего, – отозвалась темнота голосом заряжающего Бянкина. – Но вообще... Нехорошо так, лейтенант. Люди беспокоятся.

– Люди... Здесь людей нет, – сказал наводчик Домешек. – Я, например, не встречал.

– А мы?! – удивился Бянкин.

– Так то мы. Тебя хотя бы потрогать можно. А вот, например, комбат, это какая-то ерунда, данная нам в ощущениях. Бесплотный дух, бубнящий на радиоволне.

– Мы же его видели!

– Мало ли чего мы тут видели...

– Дурак ты, Мишка, – сказал Бянкин.

– Не отрицаю, – легко согласился Домешек. – Был бы умный, пил бы сейчас холодное пиво на Дерибасовской, а не загибался тут с вами.

– Будто от тебя зависело что.

– Тоже верно, – опять согласился Домешек. – С тех пор, как началась война, ничего уже от меня не зависело. – Подумал и добавил: – А вот с тех пор, как меня убило... Хм... Кое-что зависит. Удивительный парадокс. Я вам сейчас по этому поводу расскажу один старый еврейский анекдот!..

– Оляха!!! Я Сосна!!! – надрывался комбат.

«Еще немного, и у меня уши завянут», – решил Малешкин и нажал клавишу приема.

– Сосна, я Оляха.

Несколько мгновений комбат просто тяжело дышал у него в наушниках, а затем подчеркнуто ласково осведомился:

– Что с вами, Сан Саныч? Опять воевать надоело?

– Жить надоело, – честно ответил Малешкин. – Не могу больше. Устал. Прием.

– Ты мне это брось, посмертный герой, – сказал Беззубцев. – Ух, напугал. Я уже хотел подъехать и тебя подтолкнуть немного, чтобы очнулся. Видишь кого-нибудь?.. Прием.

– Никого. Только наших. Прием.

– Вот и никто не видит. Короче, старший приказал стоять пока. Ясно? Прием.

– Да я и так стою! Хорошо стою. Они мимо пойдут, им больше некуда сунуться...

Малешкин выпалил это машинально и тут вспомнил, что ему надоело воевать и надоело жить. Оборвал себя на полуслове и сухо закончил:

– Прием.

– Ну, они тоже не дураки, – сказал комбат. – Где узкое место, там и будут ждать засады. Поэтому ты не увлекайся. Если сможешь, выпусти одного-двух на меня, прикрой следующего и уходи на запасную, пока не накрыли. Вдруг у них опять в тылу гаубицы. Положат тебе снаряд на крышу...

– Не хочу! – вырвалось у Малешкина. – Хватит!

– Что?.. Чего?

– Вас понял, – сквозь зубы процедил Малешкин и отключился.

– Не дури, Сан Саныч, – миролюбиво попросил комбат. – Стой и жди.

Малешкин выдернул фишку переговорного устройства из гнезда.

– Сам видишь, новая карта, – сказал комбат. – И противник как сквозь землю провалился. Не время сейчас дурачить. Что угодно может случиться. Ты же сам этого больше всех хотел! Очень тебя прошу...

Малешкин сорвал с головы шлемофон и не глядя уронил его под ноги. Здесь это было можно. Пол в машине чистенький, и весь мир вокруг чистенький, и сам ты словно только из бани. Малешкин здесь набрался привычек, немислимых в обычной самоходной жизни.

Люк над головой сам распахнулся и встал на стопор, едва Малешкин его толкнул. Саня высунулся наружу и посмотрел назад. Там все было как обычно: на корме машины сидел маленький солдатик-пехотинец в большой, не по росту, шинели и вел наблюдение за тылом.

В тылу были холмы, и посматривать туда стоило. Саня по опыту знал, что там ничего нет, там конец света, край земли. И маленький солдатик это понимал. Но сейчас роту выбросило на незнакомую карту, и правильно комбат говорит: что угодно может случиться. Внезапный прорыв немцев из-за границы карты, например. Удар с воздуха, которого еще ни разу не было и не предвидится, но когда-то он ведь должен быть. Пускай тебе сто раз жить надоело, умирать все равно больно.

– Громыхало! – позвал Саня. – Вверх поглядывай.

– Птицы не летают, – сказал Громыхало, не оборачиваясь.

– И чего? – удивился Саня. – Они тут никогда не летают.

Из соседнего люка выбрался Домешек, уселся на броню и сказал:

– Не нравится мне все это, лейтенант. Что-то будет. Возможно, мы допрыгались. Громыхало! Следи за воздухом.

– Птицы не летают, – повторил Громыхало. – Значит, и самолеты не полетят.

– Ишь ты, философ, – сказал Домешек. – Здесь еще грузовики не ездят. И люди не ходят.

Громыхало чуть повернулся внутри шинели, которую надел внакидку, и уставился на наводчика. Остроносый, с маленькими глазками, он в своем несуразно большом обмундировании да еще при здоровенном ПППШ смотрелся бы донельзя смешно, когда бы все вокруг не было так грустно.

– Я хожу, – сказал Громыхало.

Малешкин и Домешек переглянулись.

– Давно? – спросил наводчик.

– Покажи! – потребовал Саня.

Громыхало выбрался из шинели, подхватил автомат, легко боком сполз с машины и отошел на несколько шагов в сторону.

Малешкин аж поперхнулся, ему вдруг захотелось крикнуть: «Назад!» – и он едва удержал себя.

Домешек глядел на солдата во все глаза и молчал.

Саня нагнулся в машину и крикнул:

– Ребята! Сюда! Громыхало ходить может!

– Ну и пускай идет... Куда подальше, – донеслось из носового отсека. – Надоели вы мне хуже горькой редьки с вашими выкрутасами... Верно Мишка говорит: допрыгались мы! Вот как вломят нам за вчерашнее...

– Совсем ты упал духом, Щербак, – сказал Саня. – Смотри, все самое интересное пропустишь.

Наверх высунулся Бянкин. Поглядел на Громыхало и спросил:

– И чего нам с этого толку?

– Не знаю пока, – напряженно сказал Саня. – Мишка, можешь слезть?

– Не могу, – сказал Домешек, не отрывая глаз от солдата. – Боюсь.

– Вот и мне как-то... Боязно.

Громыхало отошел еще на несколько шагов, попробовал ковырнуть сапогом почву – не получилось. Было очень странно видеть, как он ходит по траве, не приминая ни травинки.

– Будто улица под ногами, – сказал Громыхало. – Ровно, а не скользко.

– Как асфальт? – спросил Домешек.

– Не знаю. Я асфальт не видел.

– А ну дайте я, – сказал Бянкин и решительно полез с машины.

Саня весь сжался внутри от непонятного страха. Рядом тяжело задышал Домешек.

Бянкин уже встал одной ногой на гусеницу – и вдруг распластался по борту. Лицо его исказилось. Саня еще ни разу не видел своего заряжающего таким ошарашенным. Как любой опытный вояка, Бянкин всегда был осторожен, но назвать его боязливым не повернулся бы язык. А тут заряжающий явно перетрусил, да еще и напугался собственного испуга.

Домешек схватил Бянкина за руку и втащил его обратно на машину. Заряжающий повалился на спину и так остался лежать, глядя выпученными глазами в плоское небо.

– Что, Осип, придавило? – участливо спросил Домешек.

Бянкин неловко ткнул себя пальцем в грудь, показывая, где «придавило», еще немного полежал и, недовольно ворча, забрался в люк. Похоже, ему было стыдно за свою слабость.

Громыхало прошел чуть вперед, к кустикам, за которыми пряталась самоходка, и осторожно потрогал ближайшую ветку. Потом схватил и дернул. Куст даже не шелохнулся.

– Как железный! – крикнул солдат. – Но не железный.

– Сюда иди! – позвал Саня.

Громыхало послушно вернулся к машине.

– Значит, так, – сказал Саня строго. – Пойдешь в разведку. Да не пугайся ты. Не вперед, назад пойдешь. Видишь те холмы? Попробуй для начала забраться наверх и посмотреть, чего там. Если сможешь, иди так далеко... как сможешь. Да стой ты, не лезь! Миша, брось ему шинель.

Малешкин поймал себя на том, что опасается: солдат поднимется за шинелью обратно на машину и не сможет вновь с нее спуститься.

– Да не бойтесь, товарищ лейтенант, – сказал Громыхало. – Я сколько раз уже слезал и ходил.

– А чего молчал? – упрекнул его Домешек.

– Думал, вы тоже так умеете.

– Ага, умеем! Только не хотим! – разозлился наводчик и швырнул в солдата шинелью. – Думал он! Видкеля ж ты такой взялся...

– Из Подмышек... – привычно буркнул Громыхало, понимая, что он чего-то сделал не так, но чего именно – не понимая.

– Тьфу на тебя! – только и сказал Домешек, скрываясь в люке.

– Ну так я пошел? – спросил Громыхало.

– погоди! – донеслось снизу. – Лейтенант, не пускай его. Сейчас я...

– Так давно ты ходишь? – спросил Саня.

– Не очень, – признался Громыхало. – Где-то на той неделе меня с брони скинуло, а вы едете, а я за вами бегом... А до того я и не знал.

Саня почесал в затылке. На той неделе это, значит, больше семи боев назад. В роте принято бой считать за день, просто для удобства. Тут многое принято считать за привычное, хотя оно только похоже – как саму роту полковник Дей обозвал ротой... Ладно, подумал Саня, что у нас было на той неделе? Да ничего особенного. На войне как на войне. Надо сказать, на той неделе славный гвардейский экипаж Малешкина очень даже неплохо воевал – потому что комбат попросил. Не приказал, не потребовал, а именно по-человечески попросил бросить валять дурака, ради полковника, ради всех наших, и был очень убедителен.

А уж до того Саня похулиганил изрядно.

Появился Домешек с сумкой, примерился было кинуть ее Громыхале, но передумал и положил на самый край брони.

– Гранаты возьми. Только взрыватели привинти сразу.

Наводчик подтолкнул сумку, та сползла по борту, Громыхало ее подхватил.

– Да зачем... – сказал он, вешая сумку на плечо.

– Мало ли, – объяснил Домешек.

– Иди, Громыхало, – сказал Саня. – Только осторожно. Помни – мы очень на тебя надемся.

– Ты у нас один такой, – добавил наводчик.

Маленький солдат приосанился, заверил, что все сделает как надо, и бодро зашагал в сторону холмов, копаясь на ходу в сумке.

– Не взорвался бы, балбес... – пробормотал Домешек. – Зачем я ему гранаты дал? Проявил заботу, понимаешь... В кого он их кидать будет? В танки? – Он несмело подобрался к борту машины и уселся, свесив ноги вниз. – Привыкать буду. Иди сюда, лейтенант.

Малешкин осторожно сел рядом. Показалось неудобно, но терпимо.

Внизу была трава – как нарисованная, впереди кусты – ненастоящие, сверху небо – словно картонное, позади – холмы и уходящая в их сторону крошечная фигурка.

Новая карта. А присмотреться – все как раньше, только нет противника.

А вдруг, подумал Саня, немцам тоже надоело?..

* * *

Младший лейтенант Малешкин погиб нелепо и несправедливо – иногда война так делает, чтобы люди не забывали, кто тут хозяйка. В тот день танковый полк Дея с хода взял Колодню и закрепился в деревне, поджидая отставшую пехоту. Немец вяло постреливал из минометов, поэтому экипажи самоходок уселись обедать в машинах. Война дырочку нашла – осколок влетел в приоткрытый люк механика-водителя и чиркнул Малешкина по горлу.

Саня помнил, как это было: мгновенный ожог, и вдруг отнялись руки-ноги. И он взлетает, недоуменно разглядывая сверху младшего лейтенанта Малешкина, уронившего голову на грудь, и тянущихся к нему перепуганных ребят... «Да вы чего, да я же вот он!» – хотел сказать Саня, но его потащило выше, выше, сквозь броню, и под ним уже была его машина, и освобожденная деревня, и поля, и леса, и вдруг распахнулась вся родная страна от края до края, и он еще успел подумать, какая это красота, и позавидовать летчикам... И уже понятно было, что лететь ему так до самого-самого неба, а вернее, до самых-самых Небес, и начнется там нечто совершенно новое, и сам Саня Малешкин был уже другой, а предстояло ему стать вообще совсем другим, и казалось все это невероятно увлекательным, и по ребятам он не скучал, твердо зная, что их в свой срок ждет такое же удивительное путешествие...

И тут будто оборвалась ниточка, тянувшая освобожденную душу вверх.

Вокруг Сани схлопнулась пустота и тьма. И во внезапном мгновенном прозрении ему открылось, что он какой-то неправильный, не такой, как все, ненастоящий, и дальше вверх ему ходу нет. Обожгло ледяным холодом, Саня вскрикнул, рванулся, но пустота и тьма держали цепко, и он зашелся в вопле от безысходности и страха... навеки здесь... за что... неужели это ад... неужели он такой пустой... вечное одиночество...

И тут его так садануло лбом об панораму, что искры посыпались из глаз.

Саня проморгался, обложил по матери Щербака, устроился ловчее в своей башенке, высмотрел удобную позицию и приказал механику взять левее. Впереди «тридцатьчетверки» слегка замешкались, будто случайно подставляя немцам фланг, и «зверобои» только ждали, когда враг на это клюнет... Никакой командирской башенки Сане раньше не полагалось, он воевал на СУ-85, но сейчас в «сотой» чувствовал себя как дома и очень радовался, что была у него хорошая машина, а теперь – замечательная. Да-а, окажись у него такая в Антополь-Боярке, где они с ребятами завалили пару настоящих Т-VI, а не того, что обычно принимают за «тигры»... Ох, они бы там наколошматили!

СУ-100 была просто чудо. Мало того, что в ней замечательно работала связь, и Саня теперь слышал все переговоры внутри подразделения... Но, главное, каким-то волшебным образом перед твоими глазами маячила карта, на которой обозначались наши и немцы, и если кто из наших заметил врага, сразу видели его и все остальные. А как легко стало управлять экипажем! Не успеешь захотеть, а ребята уже сделали.

О том, что это все бред, морок, страшный сон, у Малешкина появилось время подумать только когда его снова убило. Т-IV выскочил сбоку и вlepил болванку в упор. До этого мгновения Саня ни о чем не размышлял, он просто дрался, упиваясь боем, старался драться как можно лучше и чувствовал себя прекрасно. Но тут рванула боеукладка, и гвардейский экипаж младшего лейтенанта Малешкина разнесло в клочки, размазало кровавыми пятнами по обломкам брони. Господи, как это было больно!

Саня даже закричать не смог. В долю секунды осталась от Малешкина только крошечная точка – его сознание, ошеломленное запредельной смертной мукой. И снова он взлетел над полем боя, только не воспарил легко, а швырнула его вверх грубо и властно неведомая жестокая сила. И все-таки он успел сквозь боль удивиться: самоходка внизу чадила, понуро опустив пушку, а ведь, казалось, машину должно было взрывом разложить на запасные части...

Полет был недолгим: едва под Саней развернулась вся картина боя до границ карты, как свет померк, и Малешкина поглотила знакомая ледяная тьма. Но теперь – вот чудо! – он во тьме страдал не один.

«Ну чего ты, лейтенант! – сказал знакомый голос. – Кончай ныть. Мы с тобой. И всем хреново».

«Ребята! Вы здесь?!...»

«А ты как думал? Погубил нас твой любимый полковник».

* * *

Герой Советского Союза полковник Дей был танкистом еще в испанскую, знал военное дело прекрасно и таскал за собой самоходчиков в лобовые атаки не от хорошей жизни. 193-й отдельный танковый полк был настолько потрепан, что буквально одна дополнительная машина, способная двигаться и стрелять, могла решить исход боя, склонив чашу весов в нашу сторону. Как и получилось в Антополь-Боярке, куда неопытный Саня Малешкин заехал случайно, по молодой глупости и чистому везению – потеряв связь, проворонив отступление наших, вырвавшись вперед по флангу, прикрытому дымом от горящих машин. В итоге именно Саня с одной-единственной самоходкой навел в селе такого шороху, что немцы обалдели, дрогнули, и когда наши всей силой навалились – побежали. Хотя первую атаку отбили играючи. И ведь долбал младший лейтенант Малешкин не кого-нибудь – отборную фашистскую сволочь, у которой и пушки были лучше, и прицелы, и броня. Против Сани дрались настоящие «тигры», в которых сидели эсэсовцы из дивизии «Тотен Копф» – может, не очень хорошие танкисты, зато отчаянно смелые душегубы.

И вот с этими головорезами Саня провернул штуку, особо ценную, когда взять противника можно только в лоб. Просочившись в одиночку с краю, он немцев отвлек на себя и крепко удивил. Так удивил, что фашистские наводчики, с шикарной цейсовской оптикой, даже ни разу в него не попали. И Саня их за это на два танка наказал. А пока немцы соображали, что за черт орудует у них на фланге, наши таки двинули им в лоб и по лбу.

И полковник Дей тогда заявил: если б не Малешкин, бог знает, чем бы все это закончилось. И велел представить Малешкина к Герою, а экипаж к орденам.

И комбат Беззубцев подумал, только никому не сказал, что теперь его батарея точно конец.

* * *

Для успешной боевой работы «на картах» надо было постигать самую что ни на есть самоходную науку – стать незаметным, подвижным и метким. Осваивать, собственно, то самое, чему Малешкина учили ради обыкновенной войны. Но едва Саню с ребятами уронило вниз, в новую машину, экипаж мигом сдурел. Его охватила «горячка боя» – как и всю батарею, и всю роту. Словно полковнику Дею опять поставили задачу выбить немцев любой ценой, да побыстрее. Танки рванули вперед, будто наскипидаренные, самоходки неслись следом. Малешкина накрыло неопишваемым счастьем – себя не помня, он наслаждался всем этим: неукротимым движением стальной лавины, рокотом дизелей... Даже звонкий лязг гусениц, который и танкисты, и самоходы терпеть не могли, звучал тут, «на карте», музыкой...

Накрыло счастьем, а потом накрыло пятнадцатью сантиметрами по голове. Малешкин удачно встал, удачно выцелил панцера, зашиб его с одного выстрела, повернул на следующего – и тут «Хуммель», только ждавший, когда кто из наших засветится, положил Саню фугаску на крышу.

По ощущениям, самоходка просто развалилась, и вместе с ней развалился младший лейтенант Малешкин. Господи, как было больно!

А когда немного отпустило, из холодной темноты проскрипел зубами Домешек: «Лейтенант, вот на фига? Я ведь сказал тебе, что мы не успеваем взять второго. Он уходил за скалу раньше, чем Осип зарядит. И чего ты ждал, стоя на месте? Пока нас прихлопнут?!»

«Я хотел отойти, – сказал Малешкин. – Я все видел. Просто не смог почему-то...»

«В следующий раз смоги», – только и сказал Домешек.

«А он будет, следующий?»

«Готов поспорить, – сказал наводчик. – Готов поспорить, это наказание нам очень надолго. По вере нашей, ха-ха-ха...»

«Нет. Понимай как хочешь, Мишка, не в вере дело. Тут совсем другое. Я еще не до конца понял, но обязательно разберусь».

«По-твоему, мы не в аду?»

«Во дураки-то!» – сказал Бянкин.

* * *

Бой, в котором Малешкин заработал представление к Звезде, прошел для полка в целом очень удачно, и никто старался не вспоминать, как глупо потеряли на ровном месте Пашку Теленкова – сгорел вместе с экипажем. Потому и погиб, что на ровном месте: как было приказано, Теленков шел в ста метрах за танками Дея. Поддерживал их, что называется, огнем и маневром. И остальные машины батареи так же шли, головой вперед на смерть. И на месте Теленкова, которому «тигр» закатал болванку в слабое место – люк механика-водителя, мог оказаться кто угодно. Не сегодня, так завтра, если и дальше ходить в лобовые атаки. А придется, ведь у Дея свой приказ: немца гнать, пока бежит, и полковник будет гнать, пока сам не упадет.

Вопрос был не в том, когда придет твое время гореть, а сколько вообще батарея продержится и кто уцелеет, когда не останется машин. Вот что заботило комбата Беззубцева, и вот почему нелепая гибель Сани Малешкина словно ударила его под дых. Только-только этот малыш почувствовал себя командиром, и Беззубцев уже готовился внимательно следить за ним, поддерживать, вовремя щелкать по носу, чтобы не зарвался и не пропал, – а тут война сама решила, что с Сани хватит. Это было до того несправедливо, что суровый по натуре

комбат едва не расплакался. И даже полковник Дей, великий воин, не щадивший ни себя, ни своих бойцов, на мгновение показался растерянным, когда ему доложили о смерти Малешкина. Любить Дея за это больше комбат не стал, но увидеть нечто живое в человеке, который рано или поздно тебя подведет под монастырь, было хотя бы занятно. А то совсем грустно помирать, зная, что ты загнулся по велению существа, не только лязгающего голосом, как гусеничный трак, но и одушевленного примерно в той же степени.

Полковник хотел посадить на машину Малешкина одного из безлошадных лейтенантов-танкистов, но Беззубцев его опередил, своей властью назначив командиром расчета Домешека. Наводчик был, конечно, недоволен, но это никого не волновало. Полковнику комбат хмуро сообщил, что у самоходов – артиллерийская специфика и от танкиста не будет никакого толку, а сержант Домешек бывалый вояка с подготовкой едва не офицерской. Что бывалого вояку погнали из офицерского училища за раздолбайство, а если честно – за упорное нежелание становиться командиром, знали в батарее все. Ну покантовался человек в тылу после госпиталя, с кем не бывает? Что Домешек сам танкист и в госпиталь угодил прямым из «тридцатьчетверки», тоже было известно. Об этих интригующих подробностях комбат докладывать не стал. Они полковника не касались. Комбату не нужны были чужаки на батарее, и все тут.

Жить батарее Беззубцева оставалось всего ничего, пару дней буквально.

Тридцать первого декабря 1943 года, когда обе воюющие стороны потихоньку готовились к негласному короткому перемирию в районе полуночи, измученный полковник, третий месяц не вылезавший из танка и сам чудом живой, задумал испортить немцам праздник. Танкисты сидели в редком лесочке, где из последних сил ковыряли землю, чтобы сгрудиться вокруг печек в ямах под машинами. Тем временем немец жировал в хорошо сохранившейся деревне и еще имел наглость вести оттуда беспокоящий огонь. Взять деревню прямо сегодня приказа сверху не было – действуйте, сказали, по обстановке, понимаем ваши стесненные обстоятельства... Но тут поневоле сам захочешь поменяться с противником местами. Вот сейчас, пока еще светло, выгнать ганса на мороз, и пускай там бродит, к ночи только очухается, авось до следующего года назад не сунется.

Беззубцеву эта затея не понравилась с самого начала. Полк остановился в лесу не из любви к природе: чтобы нормально двигаться вперед, не хватало боеприпасов, топлива, пехоты, а главное – элементарных человеческих сил. 193-й отдельный танковый мог сейчас называться полком только на бумаге, которая все стерпит, и держался на честном слове. Выбить немца из деревни еще сумеем, чисто из вредности, а вот если дальше дело пойдет наперекосяк, резервов уже никаких. А на войне что угодно может пойти наперекосяк в любой момент, тут-то нас и расчехвостят... Но лезть под машину и встречать там новый год с печкой в обнимку комбату тоже не улыбалось.

Когда ему сказали, что никто на этот раз не гонит самоходов в атаку, а напротив, их задача – скрытно уйти на фланг и работать, почти не высываясь из леса, по заранее разведанным целям, а потом уже по всем, кто подвернется, Беззубцев прямо удивился.

Атака не задалась с самого начала: едва наши двинулись, повалил густой снег, да такой, что аж стемнело. Если мы ни черта не видим, то немцам и того хуже, решил Дей, и знай погонял своих. Обе стороны почти одновременно открыли беспорядочную пальбу в молоко, имевшую чисто психологический смысл: немцы все больше дурели, наши все больше зверели. Дей очень надеялся на такой эффект, почему и приказал, не считаясь с пустой тратой боекомплекта, вести массированный огонь с хода. Полный вперед и побольше шуму, а упрямся – разберемся. На важность стрельбы с хода обращал внимание танкистов сам Верховный Главнокомандующий, который в наведении шухера кое-что понимал.

Единственным, кто точно знал, куда стрелять, был Беззубцев – однако и его батарея, в свою очередь, выглядела для немцев единственной мало-мальски понятной мишенью. По

ней сразу начал садить «ванюша», но быстро заглох: немцы не озаботились перетащить миномет, а он у Беззубцева стоял в списке целей номером первым.

Отстрелявшись, батарея ушла на запасную позицию и там замерла, безуспешно пытаясь выудить из танкистов хоть какие-то свежие целеуказания. Впору было выбираться из леса и ползти к деревне. Но там творилось черт-те что: «тридцатьчетверки» уже ходили у немцев по головам, а орудийная пальба становилась только злее. Кто же знал, что именно тогда, когда нам это было совсем не надо, в деревню вперлась колонна немецкой бронетехники. Танкистам Дея оставалось только развивать успех, не сходя с места: куда ни стрельни, отовсюду лезет противник, а дистанции такие, что разница в бронепробиваемости не играет роли. Лишь бы снарядов хватило. Самым трудным в круговерти и неразберихе было не поубивать своих.

Беззубцева позвали на подмогу, когда он уже весь извертелся: и лезть в деревню не пойми с какого края было неразумно, и сидеть дальше в лесу глупо. Комбат вывел машины на поле, и тут же в батарею едва не врезались две «пантеры», ехавшие в обход деревни и слепо заплутавшие.

Будь столкновение лобовым, еще бабушка надвое сказала бы, у кого сегодня праздник. Тот же Домешек, увидав перед собой какую-то непонятную черную кучу, саданул бы в нее болванкой не раздумывая – а потом хоть трибунал. Но танки зашли откуда не ждали, сбоку по широкой дуге – там их вроде бы заметили, но вроде бы приняли за наших и вроде бы доложили, мол, кто-то мимо ковыляет, но вроде бы доложили непонятно кому... Немцы, точно зная, что друзей у них здесь нет, едва наткнулись на батарею, разбираться не стали, достойная ли это цель, а принялись лупить самоходкам в борт на пределе скорострельности и за какие-то полминуты сожгли всех напрочь – никто даже не выпрыгнул.

Ледяная тьма ждала артиллеристов.

А во тьме их ждало много такого, чего они не хотели бы знать.

* * *

Попади Малешкин «на карты» в другой компании, он бы долго не мог понять, что тут к чему, да и не хотел бы – носился бы, стрелял, побеждал и погибал. Саня еще не навоевался, ему только-только предстояло войти во вкус настоящей боевой работы. И вдруг такие волшебные условия: знай себе бей фашиста да в ус не дуй. Красота – тепло, уютно, чисто, после выстрела никакого задымления в машине, есть не хочется, курить не хочется, ничего не хочется, только воевать. Одна неприятность: даже успешный бой завершался прыжком во тьму. Просто, если тебя не убили, это было не больно. Но притерпеться к ожиданию нового боя во тьме оказалось можно. Тем более в хорошей компании.

Как раз компания и растрясла Саню, заставила очнуться.

Домешек, Бянкин и Щербак навоевались в земной жизни, мягко говоря, до отрыжки. Нет, там-то они готовы были идти до Берлина, но здесь... Здесь больше всего беспокоили два вопроса: куда их, собственно, угораздило, и какая чертовщина с ними «на картах» творится? О самом главном и жутком – что они за выродки такие, которым места нет на Небесах, – говорили редко, полунамеками и шепотом. Сначала надо разобраться, в чем вообще дело.

Щербак очень не нравилось, что стоит ему попасть за рычаги, как он превращается в безмозглый придаток машины. Домешек прилипал к панораме, Бянкин знай себе кидал снаряды в пушку. У них не было ни секунды передышки, ни мгновения задуматься – они просто воевали.

«Но ведь надо воевать. Наши же дерутся!» – сказал Саня.

«Это правильно, – согласился Домешек. – Но я как-то привык воевать своим умом. И ты, лейтенант, тоже. Одно дело – приказ. Совсем другое – как мы его выполним».

Саня вспомнил, как его заклинило на ровном месте, когда надо было отъехать хотя бы метров на двадцать, и призадумался.

В следующем бою они попытались самую малость оглядеться трезвым глазом и начать действовать осознанно. Получалось не очень. Попав «на карту», экипаж будто пьянел. Там все было хорошо. Все было как надо.

Только во тьме все было плохо.

Прошло, наверное, с полсотни боев, прежде чем Малешкин пересилил нестерпимое желание «поехать вон туда» и отдал приказ двигаться в другую сторону, где позиция была очевидно лучше.

Щербак очень хотел его послушаться, но не сумел. «Руки не подчинились», – сказал он потом. Машина покатила именно туда, куда настойчиво указывала невидимая стрелка в Саниной голове, – и там самоходку немедленно прихлопнули. Это оказалось последней каплей.

В следующем бою Домешек, скрипя зубами и временами кусая себя за кулак, пролез к Щербаку и попытался схватиться за рычаги. Механик такого прямого указания на свою слабость не вынес – то ли зарывав, то ли застонав, он дал по тормозам, и самоходка замерла.

– Ребята! – заорал Щербак. – Я смог!

Тут их сожгли, и этот болевой шок окончательно высвободил экипаж.

В начале следующего боя Бянкин открыл верхний люк и высунулся наружу. И вдруг захохотал.

– Мишка! – позвал он. – Ты только посмотри.

Домешек выставил наверх голову и тоже заржал.

– Да что у вас там? – спросил Саня.

Он уже взялся за защелку своего люка, но было как-то боязно. Мало ли чего ребята смеются. Может, им смешно, а тебе покажется страшно. А бояться младшему лейтенанту Малешкину надоело – страха он наелся досыта.

– Не поверишь, что у нас там, лейтенант. Громыхало у нас там.

– Чего – громыхало?!

– Ну вот такое Громыхало. Из деревни Подмышки Пензенской области!

Малешкин выпрыгнул из люка, будто на пружине. Когда горят, и то не всегда так выскакивают.

– Здравсте, товарищ лейтенант! – обрадованно приветствовал его маленький солдатик.

– Откуда он тут? – Саня обернулся к Домешеку.

– Спроси чего полегче, лейтенант.

– Давно здесь сiju, – сообщил Громыхало.

– А ты почему там, – Саня ткнул пальцем в небо, – с нами не говоришь?

– А это где? – удивился Громыхало и посмотрел вверх.

И тут наконец-то вся компания как следует огляделась по сторонам.

Через оптику и смотровые щели этот мир выглядел немного странно, а сейчас, чистыми глазами, видно было: он попросту ненастоящий. Словно его нарисовали. Нарисовали прекрасно – ярко, четко, достоверно. Красиво сделали.

В наушниках у Сани бубнил комбат, и толкал в затылок неведомый местный кукловод, повелитель марионеток, да так настойчиво, что руки невольно подергивались, но Малешкину впервые было все равно.

– Кино, – только и сказал Бянкин, провожая взглядом уходящую вперед батарею.

– Кино, – Домешек кивнул. – И немцы.

* * *

Громыхало сидел на корме машины как приклеенный и, когда в самоходку попадало, ничего особенного не чувствовал, только дергался поначалу, а потом вообще привык. Никуда он после гибели машины не возносился, а так и торчал на обугленной броне, пока «зверобоя» не кидало на следующую карту, где тот становился вдруг новеньким и опять шел в бой. Солдат пытался стучаться прикладом в люки, но те оказались заперты, и никто изнутри не отзывался. Еще немного, и Громыхало свихнулся бы от тоски и одиночества. Он был уверен, что угодил в преисподнюю.

– Не дури, – посоветовал Бянкин. – Мы за правое дело сражались, нам в аду не место.

– Может, до того нагрели, – буркнул солдат.

– Война все списала, – отмахнулся Домешек.

– Тогда где мы? – спросил Саня. – Если мы не в аду, то, получается, это такой специальный рай для танкистов?

– Ну его к чертовой бабушке, такой рай! – крикнул из машины Щербак.

– Каждому воздастся по вере его! – напомнил Домешек и подмигнул Сане.

– Да я... – крикнул было Щербак и умолк. Задумался.

– Вот дураки-то, – сказал Бянкин и полез обратно в машину.

– Ты сам-то понял, чего сказал, Мишка? – спросил Саня, чувствуя, как покрывается холодным потом. Хотя мертвые вроде не потеют, но ощущение было именно такое.

– Ну, лейтенант, ты же первый был против религиозной постановки вопроса. Сам говорил: здесь что-то другое. Припоминаю по этому поводу один анекдот. Приходит Абрам в синагогу...

– А если – по вере? – вырвалось у Сани. – Вот оно! Чего я видел в жизни, кроме войны? И во что верил? Я победить хотел фашистов! Только боялся, что меня с машины снимут, каждую минуту боялся... Да я на войне по-настоящему всего день прожил – и тут меня срезало! Один бой – и готов Саня Малешкин! Когда мне было в себя поверить?! Ну вот, какая вера, такой и рай! Неделанный, игрушечный!

Наводчик глядел на Саню усталыми грустными глазами.

– Не бойся, лейтенант. Это все вообще не по правде, – сказал он наконец.

– Почему?!

– Потому что... Иногда я вспоминаю, как ты погиб. И вдруг вижу, что все не так. Я прекрасно помню, что ты остался жив-здоров, это меня убили.

– Как – тебя? – буркнул Саня. – Почему тебя?

– На войне, как на войне, лейтенант. – Домешек криво усмехнулся. – Только дело было не зимой, а летом. Та же самая история: мы проскочили в деревню по краю поля, под прикрытием дыма, ты бежал перед машиной, потому что Щербак... растерялся. Все в точности, но летом. И мы сожгли два «тигра». Второй успел перебить нам гусеницу, машина на заднем ходу разулась, мы залегли вокруг нее, отстреливались. А потом Громыхало сцепился врукопашную с немцем, который вылез из-за хаты с «фаустом». Я побежал на помощь, убил немца, и тут меня из пулемета... Очень больно. – Подождал, все так же устало глядя на Саню, и добавил: – Вы меня очень хорошо похоронили, спасибо, я был тронут. Честное слово.

– Хорошая Мишке досталась земля... – пробасил из машины Бянкин.

– Мягкая, как пух... – прошептал Саня.

На глаза навернулись слезы. Малешкин шмыгнул носом и отвернулся.

* * *

Через несколько дней Сани удалось поговорить с Пашкой Теленковым. Не обменяться данными, а именно по-человечески поговорить. Их самоходки как раз встали рядом в засаду... И так остались стоять.

Теленков чувствовал себя терпимо, просто «устал от всего этого». Он еще не пробовал высунуться из машины, но, к счастью, уже научился владеть собой и подчинил экипаж. В разговоре открылось нечто странное: во-первых, Пашка своего экипажа не знал, это оказались какие-то совершенно новые для него люди, во-вторых, и не люди вроде. Послушные, но бесчувственные куклы с пустыми глазами. Теленков на войне навидался трупов – так эти и на мертвецов не были похожи. Куклы и куклы. И слава богу, все лучше с игрушечным экипажем, чем с неупокоенным.

«Я их крестил поначалу! – сказал Пашка, смеясь. – Перекрещу – и жду, чего будет. А им хоть бы хны».

Насчет идеи рая для танкистов Теленков высказался нецензурно. Но признавать себя в аду тоже не хотел.

«Про чистилище слыхал?» – подсказал Домешек, хитро шурясь.

Идею чистилища Теленков отверг: это заведение ему представлялось чем-то вроде запасного полка.

«Ладно, вылезай, – сказал Малешкин. – Хоть посмотрим на тебя. Ничего не бойся, мы рядом».

В земной жизни он не стал бы так запросто командовать, что Теленкову делать и чего не бояться, но прежнего Сани Малешкина уже не было.

В командирской башенке открылся люк, высунулась голова.

– Ого! – сказал Теленков.

С соседней машины ему дружно помахали руками.

Теленков огляделся, снова сказал «Ого!» – тут заметил Громыхало и вылупил глаза.

– А это что? – спросил он.

– Это наш десантник Громыхало, – объяснил Домешек. – Его никто не звал, он как-то сам прилип. Сидел на броне черт знает сколько боев подряд.

– Бедняга, – сказал Теленков. – Я бы помер.

– Да мы и так померли, – обрадовал его Саня. – Чего уж теперь волноваться.

– Это понятно. – Пашка слегка поморщился. – Я в переносном смысле. Делать-то что будем?

– Пока не знаю, – честно признался Саня.

– А наши дерутся...

Вдалеке грохотал бой. Наши прорвались к немецкой базе.

– Зимины сожгли! – Пашка дернулся было назад в машину.

И машина дернулась вместе с ним.

– Да погоди ты! Ну сожгли и сожгли, сколько он уже горел? Сто раз.

– Тоже верно, – согласился Теленков. – Просто неудобно как-то.

– Ты устал воевать, ты о госпитале мечтал, чего теперь здесь суетишься?

– Да не устал я, просто чувствовал, вот-вот убьют, а деваться некуда, – объяснил Теленков. – Нервишки разгулялись, вот я и ныл о том, как хорошо в госпитале...

– Отсюда точно деваться некуда, – сказал Саня. – Но и воевать не обязательно.

– Это ты не слышишь, как нас с тобой комбат матом кроет.

– Прекрасно слышу. Ну и что? Пашка, тут все неправильное, ненастоящее.

– И сами мы какие-то ненастоящие, – вернул Домешек.

Теленков поглядел на него очень внимательно.

– Поэтому нас и в рай не пускают, – высказал Домешек то, о чем все побаивались говорить. – Да чего там, для нас даже в аду места нет!

– Бабушкины сказки, – отмахнулся Теленков.

– Все равно здесь война не взаправду, – убежденно сказал Саня.

– Так я и спрашиваю: делать-то чего?

– Давай ее похерим для начала, эту игрушечную войну. Наплевать, кто в нее играет, бог или дьявол. Похерим, а там видно будет.

Теленков пожал плечами.

– Толку-то...

– А вдруг, если мы упрямся, игрушка сломается? – ляпнул Домешек.

– Во дураки-то! – сказал Бянкин с неким даже восхищением.

* * *

Уговорить Теленкова больше не воевать оказалось неожиданно трудно: очень он не хотел подводить комбата. Малешкин тоже не желал Беззубцеву никакого зла, просто был уверен: если всем вместе «упереться», что-то может произойти в этом понарошечном мире, от чего всем станет лучше, и комбату в первую очередь.

Легко поддался Зимин, которому надоело гореть. В прежней жизни его подбили только раз, зато с одного снаряда насмерть, и теперь «на картах» он любое попадание в свою машину переживал мучительно, все не мог привыкнуть.

Чегничка колебался. У него были какие-то идеи насчет всего происходящего, которыми он не спешил делиться. Кажется, он побаивался, что если проявлять свободу воли, то станет только хуже.

Комбат Беззубцев вообще не понял, чего от него хотят. Комбатом здесь управлял железной рукой не только кукловод, но еще и полковник Дей, суровый военачальник. Выбраться из-под такого двойного гнета было очень нелегко. На предложение высунуться из машины и поговорить комбат ответил: «Трепаться после войны будем».

Пообщаться с командирами танков пока не удавалось. Танки ездили закрытые по-боевому, переговаривались односложно. Сдружиться с танкистами Дея в прежней жизни никто из самоходов не успел, даже фамилий толком не знал, и было подозрение, что там не только экипажи, но и командиры – куклы.

Так или иначе, со следующего боя экипаж Малешкина начал бессовестно «дурить», как это называл комбат, Зимин – «пропадать», а Теленков – «халтурить». Да и Чегничка не лучшим образом вел себя. Вроде бы все в наличии, а никого не докличешься. Вялые и неисполнительные, еле ездят, лениво постреливают. А то просто замаскируются – и нету. Благодаря низкому профилю, СУ-100 пряталась отменно: не видать, пока буквально не наткнешься на нее, а тут еще, как нарочно, у всех появились маскировочные сети.

Наконец в один прекрасный день батарея просто встала и никуда не поехала. Мы, сказали, будем охранять базу. Отличная ведь идея. Вы там давайте катайтесь по карте. А мы тут спрячемся, и, если что, граница – на замке. И не беспокойтесь за нас.

С несчастным Беззубцевым случилась истерика. Он натурально потерял самообладание: принялся ездить от машины к машине и пытаться их толкать, как будто они от этого сдвинулись бы с места. Да не тут-то было. Самоходка не танк, чтобы толкаться, ствол впереди торчит, мешают. Озверевший комбат, себя не помня, распахнул люк и выскочил наружу...

И увидал, как с машины Малешкина ему улыбаются и машут.

* * *

Малешкин рассчитывал на одно, а вышло совсем другое. Саня надеялся, что Беззубцев, взрослый и мудрый, сразу поймет смысл «заговора лейтенантов» (так обозвал их предприятие ехидный Домешек) и если не возглавит его, то хотя бы присоединится. Увы, у комбата было свое видение долга и ответственности. Он вроде бы очень быстро понял, куда их занесло и что тут творится. Осмотревшись по сторонам, он признал, что это все декорация и даже – Саня и слов таких не знал! – «профанация и порнография».

– Но воевать-то надо, – сказал он.

Саню он этим выводом просто огорошил, тот только глазами захлопал. Теленков и Зимин беспомощно развели руками. Чегничка сидел на своей башенке и явно ждал, чья возьмет.

Несколько минут они препирались, но комбат был неумолим. Нельзя оставлять танкистов без поддержки, говорил он. Нехорошо так. Неправильно. Пускай тут все неправильно, но смотреть, как наши горят, еще хуже.

Что интересно, Беззубцев обмолвился: полковник Дей умер от ран летом 1944-го. То есть они успевали вести какие-то внеслужебные разговоры, и это Саня запомнил. Куклы так не поступают. Значит, Дей был живой. Ну, в смысле, такой же, как он. И нечто странное в его хозяйстве происходило: иногда танки начинали «разбредаться», это и Беззубцев видел, и Саня недавно заметил какие-то необъяснимые маневры.

– Если у него там одни куклы, может быть, полковник устал, – предположил Домешек. – Не справляется с ними со всеми.

– Ну так поможем ему, – сказал комбат. – Надо помочь, сами видите.

– Наоборот! – воскликнул Саня. – Мы ему поможем, если будем мешать! Тогда здесь все остановится!

– Тогда немцы будут просто убивать нас, ты об этом не подумал?

– Перестанут рано или поздно, – упрямо заявил Малешкин. – И все закончится!

– Сан Саныч, друг мой, – сказал комбат. – Мы теряем время. Закончится тем, что сюда примчится сам полковник и спросит, в чем дело. Он и так уже на стенку лезет... И всем будет очень стыдно...

– Пусть приедет! Пусть откроет люк и выглянет! Пусть увидит, что тут все нарисованное!

– Молчать!!! А вам, Сан Саныч, будет стыдно в особенности. Полковник тебя представил к Герою, а ты...

– Да не хочу я быть Героем! – заорал Саня. – Я человеком хочу быть!

И скрылся в люке. Он понимал, что разговор окончен.

– Мы тут болтаем, а наши там умирают, – просто сказал комбат. – Сами знаете, умирать очень больно. По коням, ребята.

Четыре машины ушли вперед – выручать наших, пытаться вытянуть безнадежный бой. Саня остался на месте. А потом медленно тронулся следом.

Все погибли.

* * *

В следующем бою Саня впервые покончил с собой.

«Заговор лейтенантов» проваливался на глазах. Батарей снова воевала, пристыженная комбатом, и Малешкин ничего не мог никому доказать. А стоять в стороне, когда твои боевые товарищи дерутся...

Саня просто вышел из игры: покинул бронекорпус и уселся на маску пушки. Разбейтесь, мол, без меня.

Невидимый кукловод дергал за ниточки. Ругался комбат. Рядом переживал Громышало. Снизу упрасивали вернуться Бянкин и Домешек. Саня не реагировал. Машина неуверенно ползла по карте – без командира ей было трудно. Мимо проскакал легкий немецкий танк-разведчик, жажнул почти не целясь – и Саню разнесло в клочки.

Он умер с облегчением.

Ребята страшно обиделись, потому что мелкий немчик в итоге самоходку заклевал. Носился кругами и долбил, пока не задолбал.

– Мне все равно, – сказал Малешкин.

Он губил себя и машину бой за боем. Он потерял страх и ощущение боли. Ему действительно стало все равно, не на словах, а на самом деле. Разве что случаи самоубийства иногда веселили.

Шикарная была гибель, когда он только высунулся из башенки, и тут ему болванкой снесло голову. Так и свалился на Домешека – без головы.

Или вот тоже неплохо: стоял на броне в позе Наполеона, сложив руки на груди, – взяло, да просто сдуло Саню Малешкина, а на машине ни царапины.

Много было всякого забавного.

Экипаж ругался: оказалось, что без командира ребятам заметно труднее противостоять кукловоду. Они бы сами вылезли из машины – и пропадай, моя телега, все четыре колеса! – да теперь сил не хватало. Вдобавок у них перед глазами не маячила карта поля боя с цветными значками и сигналами «внимание на такой-то квадрат»: это полагалось только командиру. Без подсказок кукловода экипаж был тут вроде слепых котят, а слушаться кукловода означало снова стать марионеткой. Ребята мучились, Саня изводил их и себя заодно, но держался стойко. Он не хотел во всем этом участвовать.

Потом на броню кое-как выполз Домешек, за ним вскоре Бянкин. И Щербак приспособился спать за рычагами, ну, не по-настоящему, но как бы отключаться.

А потом Малешкин заметил, что опять Зимин пропал куда-то. И Теленков не спешит. И Чегничка не туда заехал.

И странное творится с нашими танками. Вроде бы воюют, а приглядишься – катаются. На прогулку выехали, понимаешь. Дурака валяют.

Саню еще убить не успели, когда рядом остановилась машина Беззубцева, и голос комбата очень мягко произнес:

– Сан Саныч, у меня к вам просьба.

* * *

– Старик наш сдает, – говорил комбат. – Ты не думай, я многое понимаю и кое-что знаю. Уж побольше твоего. Полковник все это время, с самого начала, чего-то мудрит со своими танкистами. А еще у старика очень сложные отношения с тем, кого вы зовете кукловодом, с этим местным божком...

Саня сидел на башенке и молча слушал. Рядом торчали из люков Бянкин с Домешек, на корме примостился Громышало, но комбат словно не замечал лишних ушей. Да и говорил он вроде бы с одним Малешкиным, а на самом деле – обращался ко всему мятежному экипажу.

– Давайте понимать, что полковник Дей самый опытный из нас, – говорил комбат. – У него свои идеи насчет всего этого, и свои методы. А еще на нем громадная ответственность – и сплошные куклы в подчинении, человеческим словом не с кем перекинуться. И если мне было в десять раз труднее очнуться, чем вам, то ему в сто раз труднее, чем мне. Но я знаю,

он давным-давно очнулся. И он пытается сделать что-то. Пытается как может. Из последних сил. Свой экипаж и еще девять командиров с экипажами – одни куклы, да вы представьте, каково ему! Давайте и мы из последних сил будем делать то, что сейчас нужно полковнику, – сказал комбат. – Давайте верить ему. Просто чтобы у нас была чистая совесть. Когда он сломается, мы увидим. Если он выиграет, мы тоже увидим. Я думаю, осталось недолго. Тут что-то происходит. Короче, давайте еще немного повоюем.

Саня неуверенно теребил провод шлемофона. Он, честно говоря, здешнего полковника Дея видел фанатиком боя, убежденным, что попал в «рай для танкистов». Или в ад для танкистов, разницы никакой. Слова комбата поколебали его уверенность. О том, что запертый в своем КВ полковник оторван ото всех и сражается с богом нарисованного мира в одиночку, пытаясь расшевелить кукольные экипажи и чего-то добиться от них, Саня раньше не думал.

– Я ведь надеялся, что он приедет к нам и вылезет из машины... – сказал Саня. – Он бы увидел, что не один такой. Почему вы не захотели?..

– Ничего бы он не увидел, – сказал комбат, опуская глаза.

Повисло неловкое молчание. Слышно было, как вдалеке начали долбить танки Дея.

– Я думаю, чего-то со стариком вышло неправильно еще когда его в первый раз бросило сюда из тьмы. Что-то сломалось... Не знаю. Сам понимаешь, Сан Саныч, где война, там всегда неразбериха, и обязательно что-то пойдет наперекосок. Или наоборот, это мы с тобой полуманья и неправильные, а с полковником все так, как должно здесь быть...

– Он не может открыть люки? – быстро спросил Саня. – Но если хорошо приглядеться, то и через смотровые приборы...

– Он управляет боем только по карте. По такой же карте, что у тебя перед носом, понимаешь?

– Мама родная... – прошептал Домешек.

– И еще он кое-что видит глазами своих командиров, но...

Снова пауза, и комбат по-прежнему разглядывает сапоги.

– Я нащупал его там, во тьме, – сказал Беззубцев и наконец-то поднял взгляд на Саню. В глазах комбата была гордость. Гордость и боль. – Мы поговорили... Для полковника вся разница между тьмой и боем – что здесь не холодно и что он видит карту. В остальном полковник слеп. Я не представляю, как мы умудряемся побеждать раз за разом, но у него получается. Заметили, что мы стали побеждать все чаще? Даже когда вы, Сан Саныч, хулиганите? Да и товарищи ваши... Так или иначе, старик почти что отнял танкистов у кукловода. Сначала он просто надеялся смотреть их глазами. А теперь в каждом танковом командире сидит частичка полковника Дея.

– Так пусть в начале боя... Нас же выбрасывает рядом всех! Из любого танка видно, как я на броню вылезая!

– Не видно нас. – Беззубцев покачал головой. – Ни тебя, Сан Саныч, ни кого еще.

– Нас что, нет?! – спросил Малешкин, холодея.

Комбат равнодушно пожал плечами.

– Есть мы, нет нас... Так или иначе, для куклы этот мир – настоящий. Вспомни: мы тоже не очень понимали, в чем дело, пока не высунулись из люков. Пока сами были не лучше кукол. Вчера я стоял на броне, глядя в дуло «тридцатьчетверки». Кукла не видела меня через прицел. Зато, по словам Дея, была чудесная погода, легкий ветер шевелил траву, по небу бежали облака... Все понятно, Сан Саныч?

– Кто мы?!

– Это не имеет значения, – твердо сказал комбат. – Мы те, кто мы есть. Я, например, все еще твой командир батареи. Ты хотел быть не героем, а человеком, верно? Ну вот и будь человеком, дорогой мой посмертный герой! Кончай дурить. Помоги старику. Мало ли... Вдруг у него что-то получится.

Саня молча глядел на комбата.

– Надо помочь, лейтенант, – проворчал Бянкин.

– Помолчи, Осип! – прикрикнул Домешек. – Что ты понимаешь?! Что ты видел?! У тебя-то карта не висит перед носом... И башку тебе болванкой не сносило. У лейтенанта свои трудности. Пусть думает.

– Дураки вы все, – сказал Бянкин. – Ну чего тут думать-то?

* * *

...А теперь они сидели на броне и ждали, чем все это закончится. Вокруг не было никого, только неподалеку за кустами едва угадывалась замаскированная машина комбата. Танки куда-то разъехались и тоже затаились. Громыхало давно скрылся в холмах за кормой.

И вдруг будто в глазах потемнело.

– Ну вот и допрыгались! – В голосе Щербака звучало злое веселье. – Если что, прощай, лейтенант. И вы, ребята, прощайте!

Малешкин крепко сжал зубы. Нарисованный мир бледнел, краски тускнели, детали сливались. Трава стала ровным зеленым ковром, кусты и деревья – размазанными пятнами, словно кто-то прошелся по картине мокрой тряпкой.

Машинально Саня поднял руку к глазам – и застыл.

– Вот так, лейтенант, – сказал рядом полупрозрачный Домешек. – Это не карту уничтожают. Это нас стирают с карты.

Саня посмотрел на него сквозь ладонь.

– Хоть ты-то догадался, кто мы? – спросил Малешкин уныло.

Страху особого не было, тоска одна. И досада, что никто тебе ничего не в состоянии объяснить.

– Те, кого можно стереть, – хмуро отозвался наводчик. – Значки на бумаге... Рисунки... Герои из книжки... Тьфу!

Стало трудно говорить. И вроде как дышать трудно. Мы исчезаем, понял Саня. Ох, до чего обидно...

Сколько раз он «на картах» нарочно подставлялся под снаряд – так это было по своей воле. Сколько раз его убивали – но в бою. А теперь, когда Малешкина бесцеремонно стирали, будто криво написанное слово с классной доски... Такой обиды он раньше не знал.

– Давай лапу, что ли, – медленно, глухо проговорил Домешек. – Пока я ее вижу еще.

Рукопожатие вышло крепким, хотя сквозь него виднелись заклепки на броне.

– А машина – почти как настоящая... – прошептал Саня.

Он вспомнил прежнюю свою, настоящую машину, убившую двух «тигров», и в груди разлилось тепло. Ух, как мы тогда с ребятами...

И пускай комбат подначивает насчет «посмертного героя» – с тех пор, как я умер, мне это совершенно все равно. Кому интересно, кто ты после смерти. Главное – что я успел, пока был живой. Короткая вышла жизнь, зато есть, чем гордиться. Можно было сделать лучше, конечно, и больше. Но мне просто не повезло, я не успел. Долго не везло сначала, потом не повезло в конце. Но пока была возможность, я Родине нормально послужил.

Я – человек, подумал Саня. За кого бы меня ни держали здесь, я – человек.

Я ЧЕЛОВЕК, подумал он громко, в полный голос.

Я ЧЕЛОВЕК, отозвался Домешек.

Я ЧЕЛОВЕК, поддержали Бянкин и Щербак.

Я ЧЕЛОВЕК, донеслось отовсюду.

И что-то странное произошло.

– А машина – как настоящая... – сказал Саня.

– С любовью, значит, рисовали, не то, что всякие кустики... Ты чего, Осип?

– Глянь-ка туда. И ты, лейтенант.

Из полуразмытой грязной кучи, в которую превратились кусты, торчала корма самоходки Беззубцева. На ней стоял комбат, уперев руки в бока, и недовольно озирался.

И машина, и комбат были такие взаправдашние – аж глаза резало.

Саня толкнул в плечо Домешека.

– Ты меня видишь?

– Отставить помирать, лейтенант. – Наводчик усмехнулся. – Что за чертовщина опять?

Они снова были здесь и чувствовали себя живее всех живых. Только мир вокруг потускнел и размазался. Зато машины и люди – наоборот, стали ярче и четче. Как будто карта отступила в тень, а батарею Беззубцева на ней подсветили яркими лампами.

– Оляха, с вами будет говорить Орел, – послышался сухой мертвый голос.

Саня с трудом поборол желание встать навтыжку.

А в эфире знакомо проскрежетало:

– Малешкин!

Полковник Дей был словно тяжело раненный или больной, которому говорить скучно, и делает он это через силу, по обязанности.

– Видишь его, Малешкин? Давай навстречу.

Саня посмотрел, куда указывала невидимая рука Дея, и увидел на карте, с той стороны, откуда выдвигался обычно противник, один-единственный значок. Тот медленно приближался. И был это не немец, а самая обычная «тридцатьчетверка».

– Извините, не понял, – смущенно пробормотал Саня.

– Ты все понял.

Саня кивнул. Угадал полковник: он просто стеснялся оказанной ему чести.

– По местам, ребята. Щербак, заводи!

И тут полковник вдруг почти весело, молодо крикнул:

– Давай, Малешкин! Жми, Малешкин!

И пропал.

И Саня нажал.

Машина весело бежала к центру карты. Под гусеницы ложился зеленый ковер, мимо пролетали мутные пятна кустов, домиков и сараев. Все это было похоже на декорацию в сельском клубе, даже еще хуже, но Саня поймал себя на мысли: никогда раньше он здесь не дышал полной грудью, никогда не был по-настоящему свободен, а вот именно сейчас – получается.

* * *

Малешкин осторожно сполз с брони, поставил ногу на зеленый ковер, сделал несколько шагов. С непривычки пошатнулся, взмахнул руками. Рассмеялся.

– Слезай, ребята, все нормально. Пойдемте разговаривать.

«Тридцатьчетверка» встала шагах в десяти от самоходки. Распахнулся люк механика-водителя, из него выбрался парень в танкистском комбинезоне и бегом кинулся навстречу самоходчикам.

– Ребята! – крикнул он. – Давайте быстро! Сейчас тут все накроется!

– Чего – быстро? – спросил Малешкин.

– Там, за холмами, – парень махнул в ту сторону, откуда приехал Саня, – сейчас откроется коридор. Громыхало найдет его с минуты на минуту. Вы берете две машины, эту и Беззубцева, сажаете на них всех... э-э... настоящих самоходчиков и по коридору уходите с карты. Десантника своего подхватите по дороге. Ну, чего встали? Давайте шевелитесь!

– А полковник Дей?

– Он за вами, он за вами, давайте в темпе! Говорю же, сейчас тут все развалится. Вы по сторонам поглядите! Дальше будет только хуже.

Малешкин глядел на него – и не верил. Весь этот парень был какой-то гладкий, сытый, ухоженный. И очевидно слабый физически для механика-водителя. Из люка вылез неправильно, не так мехводы это делают. «Не танкист ты, – подумал Саня, – ох, не танкист». А кто?

Парень метнулся было обратно к «тридцатьчетверке», но тут громадная лапа Бянкина ухватила его сзади за ремень.

– Ты чего?! – удивился «танкист».

– Не верим мы тебе, мил человек, – сказал Домешек с приторной ласковостью. – Больно ты похож на Рабиновича, который продавал вареные яйца по цене сырых. Это такой старый еврейский анекдот, – пояснил он, оборачиваясь к Сане.

– Говори, в чем дело! – приказал Бянкин, легонько встряхивая парня. Голова у того замоталась, как на одну ниточку пришитая.

– Да я сказал уже! Уходите с карты! Быстрее!

– А если не уйдем?

– Ну, тогда капец вам! Отпусти!

– Оставайся с нами за компанию. Вместе поглядим, какой такой капец.

Парень захлопал глазами. Испуганным он не выглядел, скорее озабоченным и несколько растерянным.

– А что там про Рабиновича? – спросил Саня, нарочно не глядя на «танкиста».

– Ну, он покупает яйца по пять рублей десяток, варит и продает вареные по пятьдесят копеек штука. Его спрашивают: «Рабинович, но что ты с этого имеешь?» – «Ну как же, – отвечает Рабинович, – разве непонятно? Я имею, во-первых, навар, а во-вторых – суматоху!»

– Понял?! – неожиданно резко спросил Домешек «танкиста». Тот в страхе отдернулся, насколько позволяла железная хватка заряжающего. – Суетишься много, мил человек. А нас на хапок не возьмешь. Давай рассказывай!

– А то положить его под каток... – донеслось из самоходки.

– Ну, Щербак, ты вообще зверь!

– Он с той стороны приехал, целоваться с ним, что ли...

Тут до «танкиста», видимо, дошло, что его принимают за провокатора.

– Ребята! – сказал он. – Все не так, как вы думаете. Вытащите меня отсюда!

– Чего? – изумился Бянкин.

– Вытащите меня отсюда! – требовательно повторил парень, глядя под ноги.

– В каком смысле? – спросил Домешек. – Душу из тебя вынуть, что ли? Это мы сейчас, это мы запросто...

Малешкин хотел уже вмешаться, а то вдруг экипаж и правда вздумает припугнуть «танкиста» да сгоряча перестарается... Но тут случилось удивительное.

Раздался странный чавкающий звук, и «танкист» исчез. Испарился. Остался только протянутый вперед пустой кулак Бянкина.

– Ничего себе... – буркнул Домешек.

Бянкин глядел на свою руку. Потом с тяжелым вздохом опустил ее.

Саня оглянулся на «тридцатьчетверку». Та стояла на месте, и вдруг из нее снова кто-то высунулся.

Малешкин не спеша пошел к танку.

«Столько загадок, голову сломаешь», – подумал он. Хлопотный выдался денек.

* * *

Из того же самого люка вылез невысокий мужчина. Этот был одет не по-полевому: хромовые сапоги, китель с большими погонами... И широченные лампасы на брюках. Повернулся спиной к самоходчикам и принялся шарить в люке.

Наконец он отыскал фуражку, надел ее и обернулся к Сане лицом. На погонах у новоприбывшего красовалось по шитой золотом звезде, а в петлицах – танки.

– Товарищ генерал-майор! – отчеканил Саня, бросая ладонь к виску. – Экипаж младшего лейтенанта Малешкина...

– Вольно, вольно, – перебил его генерал. – Так вот вы какой, Малешкин. Герой, герой... Рад познакомиться. Генерал Макаров.

Голос у генерала оказался смешной, почти бабий, зато таким удобно командовать в грохоте боя. Басом только на плацу распоряжаются, в бою – орут да визжат, иначе тебя не слышно... Ростом генерал вышел самый что ни на есть танкист, правда, в ширину пухленький, ну так не полковник, может себе позволить.

Вслед за Саней генерал сунул руку наводчику, сказал: «Так вот вы какой, Домешек...» – и то же самое проделал с Бянкиным, чем здорово его смутил. Выглядел генерал очень довольным, едва не сиял.

– А Щербака куда дели?

– Туточки я, товарищ генерал!

– Чего же ты прячешься... Ну, здравствуйте, товарищи.

Генерал заложил руки за спину и покачался в раздумьи с пятки на носок. Саня тем временем разглядывал награды на его кителе, незнакомые, какие-то не наши, похожие на значки, все с изображением танков.

– Не знаю, с чего даже и начать, – сказал генерал. – Лучше, наверное, с главного. Извините за этот нелепый спектакль. Но мы надеялись, вдруг вы уйдете с карты без лишних разговоров. Времени в обрез. Однако, как верно заметил сержант Домешек, вас на хапок не возьмешь. Тем не менее все, что вы слышали, – правда. Вас ждет коридор там, за холмами. Берите две машины, сажайте всех своих и отправляйтесь. Как можно скорее.

Наступила тишина, по-настоящему мертвая – какая бывает только в мертвом мире, где даже воздух не шевелится.

– Все, что могу, – сказал Макаров, глядя Сане прямо в глаза.

И тут Малешкин поверил: этот пухлый дядечка с непонятными значками на советском кителе действительно генерал.

Вот здесь и сейчас, «на карте» – точно генерал.

– А полковник Дей?

– Нет. К сожалению. Он не сможет.

– Что с ним?! – почти крикнул Саня.

– Ничего, – ответил генерал сухо и донельзя понятно.

– Но я говорил с ним... После того, как все переменялось.

– Когда вы говорили, его существование уже заканчивалось. Он просто очень хотел с вами попрощаться, – сказал генерал, и опять Малешкин ему поверил.

– Они его все-таки стерли, – произнес Домешек голосом, напрочь лишенным выражения. – Вычеркнули.

Малешкин опустил глаза и сжал кулаки.

Генерал сдвинул фуражку на затылок и потер ладонью лоб. Потом шагнул к танку, забрался на броню и уселся на шаровой установке пулемета.

– Ну давайте, – сказал он. – Спрашивайте. Черт с вами, имеете право.

– Это – что? – Саня обвел рукой вокруг.

– Хм... В понятных вам словах – полигон. Для военной игры.

– Ну да, мы все еще воюем... – вспомнил Саня.

– Нет, мы победили.

– Правда?!

– В мае сорок пятого мы заняли Берлин. Девятого мая немцы капитулировали. Гитлер успел покончить с собой, но остальных гадов судили и повесили.

Малешкин почувствовал, что ноги у него словно ватные. Он тяжело привалился к крылу танка. Рядом – ф-ф-фух! – выдохнул, как проколотый мячик, Домешек. Бянкин просто сел на землю или что тут вместо нее. Щербак расплылся в широченной улыбке, но, поглядев на остальных, тоже сник.

– Устали? – спросил генерал понимающе.

– Устали ждать, – сказал Домешек. – Спасибо за добрую весть.

– Воевать устали, – объяснил Малешкин. – Слава богу, слава богу... Неужели война закончилась? Я знал, что она скоро кончится. Но сорок пятый? Это долго. А-а, ладно... Счастье-то какое, ребята...

– А это точно? – вдруг спросил Домешек, пристально глядя на генерала.

– Видите? – показал тот на свои значки. – У меня никогда не будет таких славных боевых медалей, как у вас. Не успел заслужить. Кстати! Расчувствовался и чуть не забыл...

Он спустился вниз, сунул руку в карман кителя, достал оттуда что-то маленькое и блестящее.

– Пускай с опозданием, но Родина вас награждает. Поздравляю, товарищ Малешкин, с высоким званием Героя.

– Служу Советскому Союзу!

– Все, что могу, – буркнул генерал извиняющимся тоном. – Ни документов, ни коробки... Ну да зачем вам это тут.

Экипажу он раздал ордена, точно так же добывая их из кармана, будто фокусник.

– А вот это, – сказал он, протягивая Малешкину медаль «За отвагу», – передайте десантнику Громыхало. Кстати, он уже нашел коридор и сейчас возвращается. Вы особо не тяните, двигайтесь быстрее.

Домешек непочтительно подбрасывал на ладони Красную Звезду и о чем-то думал.

– Много вопросов? – участливо спросил его генерал. – Хорошо. Вижу, без этого не уедете. Значит, мы создали полигон, и нам надо было его оттестировать... Проверить на работоспособность. Для этого мы запустили сюда технику с условными экипажами. И одному из наших товарищей пришла в голову идея... Смею вас заверить, он сурово наказан.

– Идея вызвать нас к жизни, – отчеканил Домешек. – Кто вы такие, черт побери?!

– Сержант! – прикрикнул Малешкин.

– Да ладно, – отмахнулся генерал. – Это же сугубо штатский человек, филолог, его даже из офицерского училища турнули.

Домешек поморщился.

– Никто не вызывал вас к жизни. Тут вообще жизни нет. – Генерал заметно посуровел. – И бессмертных душ здесь нет. Были задействованы только ваши имена. Поэтому не злитесь из-за полковника Дея, который с самого начала криво встал... Блин, да как же вам объяснить-то...

– Так кто мы?! – взмолился Малешкин.

– Герои, – жестко и емко ответил генерал. И добавил: – К сожалению. А то бы ничего этого не случилось.

– Не герои, – сказал Малешкин. – Я – человек.

– Я слышал, – процедил генерал, а глаза его улыгнулись, и Саня понял, о чем это он. – Хотите быть людьми – будьте ими. Честно сказать, я вами горжусь. Да мы все гордимся. Вопрос в том, что мы не можем оставить вас на этой карте. И стереть вас с нее не можем. Грохнуть вас вместе с картой наверняка получится, но в нее вложено очень много сил и средств.

– Ага-а... – протянул Бянкин и едва заметно усмехнулся.

– Я бы на вашем месте не особо злорадствовал, товарищ ефрейтор. Вам драпать надо отсюда, пока есть возможность. Сегодня вас отпускают, завтра могут и передумать. Да поймите же вы все наконец! Здесь не рай для танкистов и не ад для танкистов! Здесь игра в танчики! И ее тестирование... ну, отладка заканчивается со дня на день. Пора запускать сюда людей. Проблема в том, что... Проблема в вас. Мы вас прошляпили. Пока мы соображали, отчего движок так глючит... У-у, блин!.. Мы пытались узнать, из-за чего у нас сбой т управление машинами – а это вы здесь набирали силу. Долго никто не верил – и у вас осталось время, чтобы стать еще сильнее и самостоятельнее. Потом мы уже предметно изучали вас. Доизучались... Вон вы теперь какие. Крутые, как яйца Рабиновича по пятьдесят копеек!

Генерал был недоволен, он уже почти кричал, и самоходчики в ответ привычно набычились. Фронтвики не любят, когда на них орут, пусть и по делу, а сейчас они вовсе не чувствовали за собой никакой вины.

– Мы придумали, как вам уйти, – сказал генерал, сбавляя тон. – Никто так раньше не делал, не пробовал даже... Может, и не получится ничего. Но уходить вам – надо. Потому что есть и другие мнения. Например, все-таки оставить вас на карте, как подопытных крыс, и продолжить изучение. Очень, очень перспективно. Это открывает такие возможности... Золотые горы! Всемирная слава! Нобелевка в кармане! К счастью, некоторые считают это решение... Не бесчеловечным, нет, просто лежащим за гранью добра и зла. И пока «некоторые» не остались в меньшинстве – бегите отсюда. Сегодня здесь карта, завтра может оказаться клетка. Так понятно, сержант Домешек?

– А там – что? – Домешек мотнул головой в сторону далеких холмов.

– Много разных миров. Не знаю, сколько вам до них идти. Не знаю, куда вы попадете. Не знаю, удастся ли эта авантюра вообще. Но если вы упретесь рогом и останетесь тут... Молитесь, чтобы у меня хватило пороха стереть карту. С подопытными не церемонятся, знаете ли...

Угрюмые самоходчики, обступившие генерала, переглянулись. И тут с «нашей» стороны послышался знакомый шум.

– Комбат едет, – буркнул Саня.

– Он все слышал, – сказал генерал. – И все понял. У вас есть шанс, его надо использовать. Я только одно еще скажу: пока люди помнят вас, пока в вас верят – вы что угодно сможете. И безумную затею с побегом отсюда мы сумеем повернуть только благодаря вам. Потому что вы, конечно, считаете себя людьми, но на самом деле вы – бессмертные герои...

Подъехала СУ-100, Малешкин увидел на броне комбата, Теленкова и Зимина. Из люка механика выглядывал Чегничка. А на корме привычно устроился Громышало.

– Товарищ лейтенант!..

– Да все он знает! – оборвал солдата Беззубцев. – Сан Саныч! Заводи, поехали. Солдат покажет дорогу. А эти... Пускай идут...

И комбат сказал, куда надо идти тем, кто все это устроил.

Генерал даже не поморщился, напротив, усмехнулся.

– Какой сегодня день? – спросил вдруг Домешек.

– Двадцать второе июня две тысячи десятого года, – ответил генерал.

– Опять двадцать второе июня... Слыхал, лейтенант? Может, и правда, ну их к матери, пока снова не началось? – Бянкин отодвинул генерала плечом и зашагал к машине. Вслед за ним молча направился Щербак.

– Пойдем, наверное, Миша, – сказал Саня и взял Домешека за рукав.

– Много разных миров... Бессмертные герои... Как бы мне сдохнуть? – задумался тот. – Я устал как собака. Я не хочу быть Вечным Жидом, мы так не договаривались.

– С вами будет целая компания Вечных Русских, – напомнил генерал.

– Да пошел ты, – сказал Домешек.

И пока Саня почти волоком тащил его к машине, успел через плечо детально объяснить генералу, куда тому идти.

* * *

Некто, назвавшийся «генералом Макаровым», сидел на шаровой установке пулемета Т-34 и обмахивался фуражкой, хотя здесь, «на карте», не было ни ветерка, да и воздуха не было.

Генерал пытался объяснить себе, что все идет хорошо, но чувствовал только усталость. Попробовал сделать доброе дело, а тебя за это мало того, что с ног до головы обматерили, так еще и возненавидели замечательные люди. И сколько ни убеждай себя, что ты молодец, а осадок неприятный остался.

Ладно, наплевать, лишь бы они вышли из игры. Вышли из игры и в прямом, и в переносном смысле. Самозародившиеся боги из машины. Боги войны. Смешно, некоторые из них на полном серьезе думали, что боги – это мы.

Нет, ребята, боги – это те, кого достаточно назвать по имени, а дальше они сами справятся. Кто бы мог подумать, что подходящие условия создаются так просто: выдуманный мир танков и несколько имен, тоже выдуманных, но культовых.

Вот точное слово – культовых. А мы дурочку валяли. А с культом не шутят.

Жаль, конечно, что стерли полковника Дея, любимого всеми героя. А вот, допустим, будь полковник таким же жизнеспособным, как Малешкин и компания? Подумать страшно, чего бы этот харизматический лидер наворотил на просторах Интернета со своими десятью танками. И нам еще за него отвечать, никто же не поверит, что он бог, просто маленький. Скандал на всю планету – и не объяснишь ничего... К счастью, команда Малешкина попроще. Они будут вечность блуждать по проводам и никому не помешают. Мы сто раз померли, а они все едут, болтают, хохочут над анекдотами, вспоминают войну... Хотя, конечно, есть крошечный шанс, что уже сегодня приедут они к каким-нибудь эльфам и дадут им шороху...

Ну, скоро узнаем...

Две СУ-100 катились к обрезау карты. В машинах и на броне сидели хмурые молчаливые самоходчики. Вход в коридор впереди выглядел круглой черной дырой.

Я человек, подумал Саня.

Я человек, дружно кивнули все остальные.

Машины нырнули в дыру.

* * *

– Вот это красота... – замороженно протянул Малешкин.

Вокруг были звезды. И впереди, и сверху, и под гусеницами – звезды без числа, выбери любую. Малешкин не чувствовал движения машины, но точно знал, что она мчится с беспредельной скоростью и легко за короткий срок долетит куда хочешь.

– Пожалуй, – сказал Домешек, – я все-таки немного побуду Вечным Жидом, черт с вами со всеми!

И рассмеялся. Как в старые добрые времена.

– Домой заедем? – крикнул Малешкин. – На Землю? Или ну ее пока?

– Давай лет через сто! – ответил комбат. – Все равно у нас там никого знакомых не осталось. И игрушки эти их нынешние мне не нравятся. Пускай вырастут чуток, поумнеют.

– Согласен. Ну, с какой начнем?

– Погоди, я ищу! – Комбат внимательно глядел вперед, что-то высматривая среди звезд. – Надо же найти место, где не воюют.

– И где девчонки красивые! – ввернул Теленков.

– Во дураки-то, – сказал Бянкин, вдруг смутился, покраснел и полез в машину.

– Громыхало! – позвал Саня. – Айда к нам, тут для тебя кое-что есть.

Солдат оттолкнулся и легко прыгнул через много километров безвоздушного пространства, разделявших две машины.

– Держи. – Малешкин отдал ему медаль. – Поздравляю.

– Ой, спасибо... То есть Служу Советскому Союзу! Спасибо, товарищ лейтенант. И вас поздравляю со Звездой!

Теперь все звезды наши, подумал Малешкин, но эта, маленькая и золотенькая, навсегда самая дорогая. И каких бы космических тигров мне не предстояло встретить – опасней тех двух, фашистских, не будет.

И кто бы я ни был, я человек.

– А давай-ка вон туда, Сан Саныч, – сказал комбат. – Видишь?

– Понял! Щербак! Полетели за комбатом.

– Есть! – Щербак воткнул четвертую и дал полный газ.

И они полетели.

Екатерина Бакулина Четвертый, черный

...а значит, время чудовищ подходит к концу. Скорострельное автоматическое оружие, авиация и отравляющие газы навсегда изменили поля сражений...

Газета «Новое время»

Десятипудовый чан перловой каши. Шматок масла. С мясом совсем туго.

– Мань... Манюш... ну поешь, а...

Семенов, молоденький, едва закончивший обучение подпоручик, сидит рядом на корточках, глядит с такой тревогой...

– Мань, ну хоть немножечко... Я, смотри, чего тебе еще принес!

В руке – банка тушенки, из тех, что офицерам выдают по праздникам.

– Смотри, а! Мясо! Ты, конечно, сырое любишь, да и... Мань...

Манарага медленно приоткрывает один глаз – желтый, круглый, размером, пожалуй, что с два кулака. Смотрит. Потом закрывает снова.

– Мань...

Семенов судорожно подается вперед, гладит между глаз, словно лошадь. На ладони остаются мелкие струпы черной краски.

Манарага фыркает, дергает задней лапой, словно собираясь почесаться, но передумывает, привстает, сворачивается поудобнее, отвернувшись, положив голову на хвост. Крылья безвольно клонятся к земле.

– Манюш...

«Уходи», – говорит она всем своим видом. Но кто сейчас понимает драконов? Зачем учиться полноценной ментальной связи, если есть поводья? Быстрее и дешевле. «Вправо! Влево! Но, залетная! Пошла, пошла...» Больше и не нужно. Семенов тоже, конечно, умеет лишь рулить. Он, может, и хотел бы, но что толку, этому уже никто не учит. Семенов хороший мальчик... Но одними намерениями сыт не будешь.

Перловка уже стоит поперек горла.

– Ты же понимаешь, – говорит Зеленский, штабс-капитан, глядя Манараге прямо в глаза, – на всех у меня мяса нет.

Он всегда говорит с драконами словно с людьми, с подчиненными: твердо, спокойно, без сюсюканья или пренебрежения, словно будучи твердо уверен – его выслушают и поймут правильно. И его понимают. Они все понимают.

Дороги почти полностью перекрыты, продовольствие и фураж подвозят с перебоями, а уж о свежем мясе и речи нет... Поди напасись на четырех прожорливых драконов.

Двое из них – грязно-бурые, почти черные кабардинцы, мелкие, и человека не каждого могут унести, всадники у них невысокие, худые, словно подростки. Им много не надо... Бурые быстры и бесшумны, маневренны, легки. Вж-жик, и уже там. Разведкой летают за линию фронта, их не разглядишь в темноте. Чегем и Черек, братья, из одного помета, молодые, еще и сотни нет. А вот днем любому фору даст Ласка – серебристая скандинавка. Ее серебро не то, что золото Манараги, оно сливается с небом так, что и не понять, дракон или так, померещилось, словно движение ветра в вышине. Ласка постарше Манараги, она едва ли не викингов носила на спине.

Манарага – золотой уральский дракон. Крупный, как и все уральцы, больше трех тонн весу, больше, чем кабардинцы и скандинавка вместе взятые. Неповоротливый. Зато у нее

толстая крепкая шкура. Огонь из пасти метров на двадцать... Только что этот огонь против пулеметной очереди? Смешно...

А главная беда Манараги даже не размер, не тяжесть, а то, что ее золотая шкура блестит. Демаскирует. Поэтому Манарагу красят черным. От краски все чешется и зудит. Сил просто нет. Хочется реветь, валяться и сдирать чешую... Но нельзя. Тогда облезет свежая краска, тогда Семенов придет и начнет красить по новой. И будет хуже.

...он не со зла...

– Потерпи, – будет говорить он, поджимая губы, – потерпи, Манюша...

Иначе нельзя.

Черный дракон еще может сгодиться на крайний случай, а вот блестящий золотой – нет.

И Манарага терпит. Ждет. Однажды она пригодится, однажды они пойдут в атаку и...

Там будет видно. Возможно, это будет последняя битва, ну и пусть, не страшно. Страшно – если битвы не будет вовсе.

Нужно лишь подождать...

Она ждет и терпит. И перловку терпит тоже... Пытается терпеть, но с каждым днем выходит все хуже.

Кабардинцев кормят мясом. Хоть немного, но кормят. И Ласку. А Манараге не хватает. Да, скажите на милость, как прокормить такую тушу?

– Они летают, а ты нет, – ровно и жестко говорит штабс-капитан. – Мне нужны их крылья.

А крылья Манараги ему не нужны. Зачем ему столько крыльев? Она – обуза. Ее бы давно пристрелили...

Это раньше дракон – сила! Раньше было иначе. Отдельный императорский драконий корпус, элита! Ох, как Манарага заиграла еще в ту, Отечественную, Наполеоновскую войну! И под Смоленском, и под Москвой... Ох, как жгла! И пушки были ей не страшны, дракону увернуться от одиночного пушечного выстрела – раз плюнуть. Да она чуяла этот выстрел, еще когда заряжали! Ее боялись, бежали, как от огня! От огня бежали!

Теперь не боятся. Теперь у них есть достойный ответ. Тра-та-та-та-та!

Драконы больше не сражаются в полях. Да и люди в полях не очень-то сражаются, сидят в земле, окопавшись, словно кроты. Словно черви.

Манараге снится еще иногда... но уже все реже.

Пусть уж лучше не снится.

В ночи, где-то далеко, на границе слышимого, строчит пулемет. У драконов хороший слух. Та-та-та...

По телу волной пробегает дрожь.

Туда бы сейчас...

Поспать бы сейчас. Лучше поспать, потом чесотка утихнет, так бывает всегда. И можно будет жить дальше.

Что это за жизнь...

Вот... Тихо-тихо. Вначале она скорее чувствует... да, скорее чувствует, чем слышит, мягкие шаги. Это Бейканов, а значит, не за ней, за Чегелом. Конечно... Потом уже отчетливо. Стучит задвижка... мерное, довольное пофыркивание, скрип седла, позвякивание пряжек. Шелест и снова шаги, теперь другие, тяжелые, неровные, нечеловеческие. Потом, в отдалении, короткий резкий хлопок и долгое удаляющееся вшшшу-вшшшу... Чегел скользит над землей, в ночном тумане. Счастливый. Свободный...

Надо поспать.

От голода урчит в животе.

– А раньше, говорят, слоны еще боевые были, слышал?

Сквозь сон доносятся знакомые голоса и потрескивание костра, Манарага слушает вполуха.

– Представляешь, когда такая махина прет на тебя, да еще в броне... земля дрожит! Страшно! Затопчет ведь.

– Так они, поди, сами пальбы боятся. Слоны-то, они твари глупые.

– Ну, не скажи...

– Так чего ж их нет теперь?

– А может, есть?

В кустах, безразличный ко всему, поет соловей. Заливается трелями. Земля одуряюще пахнет весной.

Масла сегодня нет, да и самой перловки меньше вдвое. Повар лишь разводит руками.

– Она ж все равно не жрет. Чего добру пропадать?

Не жрет Манарага.

Она пытается, нюхает, даже лакает слегка, аккуратно и неуклюже зачерпывая языком, словно собака. Но быстро отворачивается. Уходит к себе в угол, ложится.

– Да чего она, в самом деле? – презрительно кривится повар. – Если ей мяса так надо, то пусть летит на ту сторону, сожрет там кого-нибудь. Все польза!

На него зло шикают. Если дракон хоть раз попробует человеческое мясо, контроль над ним будет потерян. Пусть не сразу, но это уже не остановить. Мясо есть мясо, добыча, жертва... жертву дракон слушать не станет. Не забудет никогда... И все насмарку. Воспитание дракона и так штука сложная.

– Загнется ведь без еды-то...

Прямо перед самой войной приезжал некий усатый и страшно довольный собой промышленник, хотел выкупить Манарагу. «Красавица! – говорил. – Какая фактура, какой блеск!» Хотел держать у себя, показывать гостям, чтоб катала (только остороженько) пьяных нафуфыренных девиц и их бравых кавалеров... девицы чтоб визжали от счастья, а кавалеры... кавалеры – как пойдет... Кавалеров, если честно, вообще катать не обязательно. Ну и чтоб добро охраняла заодно, словно большая собака. Обещал кормить лучшим свежайшим мясом, отпускать гулять, полетать там... живи да радуйся. Но Манарага тогда так страшно зашипела на усатого и так красноречиво заклацала зубами, что промышленник счел за благо ретироваться. Сказал, Манарага ему не подойдет, боевой дракон, дикий, мало ли что...

Может, стоило тогда вести себя поприличнее?

Но Манарага прекрасно понимала, что от такой жизни, сытой да довольной, она сдохнет еще раньше, чем от перловки. Как раз именно потому, что боевой дракон, а не какая-нибудь болонка.

Она хотела снова в бой.

Вот только на войне она больше не нужна.

Может, в штабе ошиблись, может, отправили ее не туда, может, есть места, где она могла бы быть полезна... Может, и есть, но теперь уже поздно менять. Ей не повезло. Но, может, повезет еще? Хоть разочек! Хоть разок бы еще подняться в небо да как жхнуть огнем! Ух! И пусть все летит к чертям!

Семенов, молоденький подпоручик, сидит рядом, обхватив ее шею. Молчит. Он тоже чувствует себя лишним, неприкаянным. Дракон и всадник – одно целое. Конечно, сейчас уже не то, что в старые времена, настоящей связи нет, никто не пытается... но есть что-то другое. Иногда Манараге кажется, что это мальчишка под ее опекой, а не наоборот.

По крышам барабанит весенний дождь, Манарага подставляет нос холодным каплям.

Недолго... кажется, недолго осталось...

Не может это тянуться вечно.

Ночью снова летят кабардинцы, да не один, оба в этот раз. Возвращаются к утру, возбужденные. А чуть рассветает, Ласка летит с донесением в штаб.

Манарага настороженно ждет. Неужели скоро что-то случится? Она устала надеяться, сколько раз... Но вдруг...

В небе, тихо стрекоча, проносится самолет. Скоро даже бурые кабардинцы станут не нужны, куда им тягаться...

Что-то будет.

Вот-вот что-то будет.

Чужой тревожный запах уже щекочет ноздри. Оно там...

Нарастает.

– Радуйся! – еще издалека кричит штабс-капитан, машет рукой. Только вид у его совсем не радостный, а очень собранный, какой-то сухой...

– Радуйся, – повторяет он Манараге. – Завтра мы наступаем! Для тебя есть работа!

Манарага прислушивается. Что-то еще... есть в этом что-то еще. Штабс-капитан зло поджимает губы.

– Без седла полетишь, – резко говорит он. – Без всадника. Поняла?

Манарага смотрит на него удивленно. Где это видано?

– Поняла? – спрашивает штабс-капитан. – Кивни, если поняла.

Она кивает. Поняла. Ох как поняла! Значит, все. Ну и славно!

А мальчик, Семенов, начинает заметно нервничать.

– Как это? А я? – требует он. – Я тоже должен лететь!

– Нет. Это приказ, понял? А ты, – штабс-капитан снова поворачивается к Манараге, – ты слушай внимательно. Завтра мы наступаем. Ты полетишь сама, впереди. Будешь там жечь и убивать сколько сможешь, сколько успеешь. Можешь даже кого-нибудь сожрать, но не увлекайся, твоя задача не в этом.

Обратно мы тебя не ждем.

Нет, это он, конечно, не говорит, но и так ясно.

Все. Не будет больше перловки.

Семенов еще пытается возражать.

– Да брось! Ты посмотри на нее, она тебя просто не возьмет, – говорит штабс-капитан, и Манарага энергично фыркает, соглашаясь. – Зачем ты ей там нужен? Это ее битва. Она драться получше тебя умеет.

Не возьмет. Пусть только попробуют седло надеть, она ж стряхнет. Да, это ее битва! Только ее! Она так долго ждала. Всадники в дозоре нужны, а там она справиться и сама. Ух как справится! Аж огонь вскипает в крови!

Напоследок, вечером, Манараге приносят барана, такого жирного и вкусного, что... да что там...

Разве не этого хотела?

Этого.

Свободна!

Лети!

Александр Зорич Тридцать первый, желтая ворона

В советских документах танк назывался МЗл – «эм три эл». «Л» значило «легкий».

Танк собрали в Америке на заводах «Дженерал Моторс» и через иранский порт Абадан привезли на советский Кавказ.

Англичане, получавшие от американцев такие же точно танки, называли их «Стюартами» – в честь генерала Джеба Стюарта, лихого кавалериста времен Гражданской войны Севера и Юга. Но в Рабоче-крестьянской Красной Армии на англичан не оглядывались. Так что никаких «Стюартов»: МЗл!

– Всем приличным людям, – вздохнул пулеметчик Андрей Курсилов, – дают наши «тридцатьчетверки». А нам что досталось? Какое-то «эм три»...

– Нормальная машина, ты чего, – возразил механик-водитель Константин Чевтаев. – Вон внутри сколько места.

Летом 1942 года Чевтаев воевал под Воронежем на легком танке Т-60.

В Т-60 вдвоем было тесно, после него «американец» казался Чевтаеву роскошным, как во сне – ты все возишься, а места много!

Красноармеец Виктор Леонов, который тем же горьким летом служил артиллеристом на бронепоезде «За Родину!», высказался неопределенно:

– Пушка есть, и на том спасибо....

Говоря по совести, пушка «Стюарта» ему не шибко нравилась. На бронепоезде в его распоряжении была солидная 76-мм морская дура, зверь, а не пушка. А на «Стюарте» стояло что-то такое, в полтора дюйма, если и зверь – то землеройка... Но подрывать боевой дух экипажа подобными сравнениями Леонов не хотел.

А старший сержант Сергей Обухов, командир экипажа, задумчиво промолчал.

Он воевал в 563-м отдельном танковом батальоне еще с первого формирования, и тоже на ленд-лизовских танках – английских «Валентайнах». А потому к матчасти Обухов относился философски: какая ни есть, а пока она едет – радуйся. Но не приведи Господь сломаются ходовая, машина встанет – все, суши весла. А в отношении ремонта ходовой иной могучий отечественный танк, какой-нибудь там «Клим Ворошилов», может, еще и похуже для танкиста, чем это вот вертлявое американское невесть что.

Итак, их батальон принял «Стюарты». Ровно тридцать машин.

Правда, через два дня один танк сгорел. Обычно сгорел, как положено.

На занятиях по вождению, когда под декабрьским дождиком машины батальона исправно месили красную кавказскую грязь, в танке номер 13 под управлением мехвода Чевтаева полыхнул радиальный семицилиндровый бензиновый двигатель «Континенталь».

Пока суетились вокруг непривычного танка, пока сообразили включить встроенный огнетушитель... Машина сгорела.

Трибунал не трибунал, но серьезные неприятности для мехвода и командира танка очень даже замаячили.

Почему на других танках ничего не загорелось, а у вас загорелось? Почему плохо тушили? Вопросы не праздные.

Однако вечером того же дня в батальон приехал посыльный от коменданта железнодорожной станции Туапсе.

– Товарищ капитан, вы танк не теряли? – спросил он у капитана Агеева, исполняющего обязанности командира батальона.

– Какой танк? – нахмурился Агеев.

– Да вот такой точно, – посыльный указал пальцем на ближайший «Стюарт». – Только посветлее.

Агеев вызвал понурых Чевтаева с Обуховым.

– Поедете на станцию, разберетесь. Если что, пригоните своим ходом.

За выпускной стрелкой, едва не колесо к колесу с зенитным орудием, защищающим станцию от немецко-фашистских стервятников, стоял танк МЗл. Полностью тождественный сгоревшему, если не считать окраски. Все «Стюарты» батальона успели покрыть отечественной темно-зеленой краской, а этот был какой-то бледно-желтый.

Эта песочная окраска была английским пустынным камуфляжем. Сюда, на Кавказ, англичане время от времени подбрасывали через Иран то батальон «Валентайнов», то «Матильды» россыпью – списанные из состава африканской армии, азартно гонящей Ром-меля, лиса, итить его, пустыни.

МЗл был идеально укомплектован. Тут тебе и новехонькая лопата в скобах на корме. И пожарный топор на длинной рукояти. И саперная кирка...

На башне танка от руки было написано красной краской: «Gen. Stuart for Russian comrades. Merry Christmas!»

– Берем найденьша? – спросил Чевтаев у Обухова.

– Берем, – без колебаний утвердил командир.

Проблема была одна: бензин.

Танк стоял с пустыми баками. А чтобы пригнать машину в расположение батальона, требовались минимум два ведра бензина. Причем хорошего, авиационного – «Стюарт» был по-буржуйски привередлив.

Бывалый Обухов полез обшаривать внутренности танка и спустя пять минут показался из башни с трофеем.

Безымянные английские доброты оставили на командирском месте бутылку виски! На этикетке под аркой-надписью «Whyte & Mackay» были нарисованы два воинственных красных льва.

Львов-то и сменяли на бензин из расчета голова за ведро.

К вечеру батальон был восстановлен до прежней численности: тридцать танков.

Поскольку сгоревший «Стюарт», по мнению Обухова, сына сельского священника, явно пострадал из-за несчастливого номера 13, сержант уговорил капитана Агеева, чтобы найденьшу дали номер 31. Во-первых, это 13 наоборот, а во-вторых – он действительно тридцать первый по счету в их батальоне!

– Потакаю суевериям... – вздохнул Агеев.

То ли дело было в лишнем английском «Стюарте», то ли в дивных для зимы погодах, но слухи по батальону поползли самые художественные.

– Целую дивизию на импортной технике комплектуют, – авторитетно заявлял ком-взвода Бандалет. – А когда скомплектуют – поедем в Африку! А оттуда вместе с американцами – второй фронт открывать!

– Для десанта нас готовят, – соглашался сибиряк Будин. – Дело ясное. Только не для второго фронта. Высаживать будут в Крыму. Пойдем на Феодосию, как в том году.

– Эх, веселые вы ребята, – ухмылялся киевлянин Цимбал. – Только ничего в стратегии не смыслите. Здесь и будем воевать! Сейчас закончат обучение и бросят на Новороссийск, в лоб!

Удивительно, но правы оказались и те, кто говорили «Новороссийск», и те, кто говорили «десант».

– Значит, так, товарищи танкисты, – сказал капитан Агеев в один из последних январских дней 1943 года. – Есть приказ: взять Новороссийск. Наш батальон включен в состав

десанта вместе с морской пехотой. Мы высаживаемся в деревне Южная Озерейка, у немцев в тылу. Оттуда выходим на деревню Глебовка и поворачиваем на восток. То есть – на Новороссийск.

«И как они танки повезут, интересно?» – подумал Обухов, который всегда думал о главном.

Словно бы прочитав его мысли, капитан Агеев пояснил:

– Для наших танков выделены специальные баржи. Флотские называют их болиндерами. Черт знает что за слово такое, на флоте все не как у людей. На каждую баржу поместятся десять танков. Три баржи – тридцать танков, весь батальон...

– Нам бы только до танков ихних добраться, и дело пойдет! – хорохорился наводчик Леонов.

Он искренне считал, что их дело – курочить вражеские танки, а вот давить всякую там пехоту... несолидное это дело!

– До танков... Ты до суши вначале доберись, – мрачно проворчал радист-пулеметчик Курсилов.

Курсилов зрел в корень.

Стояла недобрая февральская ночь. Море тяжело дышало могильным холодом.

Корабли с десантом призраками подошли к берегу. За спиной ухал главный калибр крейсеров и эсминцев. Снаряды летели на холмы, засаженные виноградной лозой, рвали ледяную землю, будили спящих румынов.

Да, на берегу сидели румыны, а вовсе даже не ненавистные немцы – от тевтонов была только батарея из трех тяжелых зениток.

Как и было условлено, к этому моменту Обухов и весь экипаж «тридцать первого» находились уже в танке. Более того, мехвод Чевтаев запустил двигатель.

Это было правильно. Как только баржа опустит сходни, танки должны рвануть вперед, не задерживаясь на борту ни одной лишней секунды!

Обухов не утерпел, открыл люк, высунулся из башни по пояс.

И тут берег ответил...

Заговорили авторитетные немецкие зенитки. Им подгавкивали пушки помельче. С завораживающим шелестом сыпались из-под рваных туч минометные мины. Ну и, конечно, залаяли два десятка пулеметов сонного румынского батальона...

Идущую рядом баржу с танками осветили прожекторы.

Сразу же вокруг нее поднялись столбы воды – это зенитки взялись за самую крупную цель.

Меньше минуты шквального артогня – и прямое попадание в танк, стоящий на барже!

Продолжение истории Обухов не досмотрел. Осколок, щелкнувший по створке люка, заставил командира вспомнить об осторожности и нырнуть обратно в башню.

– Экипаж, к бою! – крикнул он в ТПУ, танковое переговорное устройство. – Внимание, осколочным заряжаю!

Это Обухов сообщил для наводчика Леонова – на «Стюартах» заряжающим выступал сам командир танка.

– Наводить по вспышкам! – приказал Обухов.

– Есть по вспышкам! – отозвался Леонов.

– Огонь!

«Стюарт» выстрелил.

Так начался тот бесконечный бой.

Как показалось Обухову, их танк провел на борту баржи еще полночи. Эта половина состояла из сотни кусков и кусочков серой ткани военного времени. На ткань были нашиты, словно блески, мириады брызг ледяной воды и мириады искристых осколков, яростно стучащих по броне, по барже, по снующим повсюду катерам с морской пехотой...

На самом же деле баржа прошла вперед еще с полкабельтова и беззвучно – удар полностью заглушила канонада – напоролась на один из сварных противодесантных ежей, затопленных супостатом на мелководье.

Матросы мгновенно опустили сходни и замахали флажками. Дескать, танки на выход.

К счастью, танк Бандалета, стоящий перед их «тридцать первым», сразу же сорвался с места и образцово-показательно скатился по сходне в бликующую отсветами разрывов черноморскую воду.

Им повезло буквально во всем.

И в том, что их баржа не получила снаряд ниже ватерлинии.

И в том, что они поймали противодесантного ежа, когда до берега было уже рукой подать. Длины сходней как раз хватило, чтобы перекрыть самый опасный район с глубинами полтора-два метра – там их желтый «Стюарт» навсегда заглох бы, наглотавшись горькой воды.

– Вперед на малом ходу! – распорядился Обухов.

Танк радостно заревел и, мощно содрогаясь, двинулся к сходням.

Снаряд немецкой зенитки пробил палубу ровно там, где «тридцать первый» был секунду назад. Еще одно везение. Но почему бы и нет, ведь 31 это 13 наоборот!

Сориентироваться на берегу было невозможно.

Исчезла даже та мнимая ясность, которая существовала, когда Обухов смотрел на вражеские позиции с моря, высунувшись из башенного люка.

Он приказал мехводу включить фары. Но тут же отменил приказание – побоялся, что на яркий свет немецкая зенитка пришлет свой увесистый восьмидесятивосьмимиллиметровый гостинец.

«Нам бы только до танков ихних добраться, и дело пойдет!» – вспомнил Обухов слова наводчика Леонова, а ведь еще смеялись над ними.

В самом деле, «до танков» теперь не отказался бы добраться и сам Обухов. Почему?

Да потому что ему до чертиков хотелось видеть цели!

Реальные цели!

По которым можно бить бронейными, как учили!

А в хмельной круговерти ночного боя, когда враг невидим за брустверами и маскировочными сетями, много ли навоюешь?

Обухов видел, как слева от них два танка попытались продвинуться вглубь берега. Но совсем скоро затихли оба, получив по снаряду каждый.

– Спрячься за подбитыми танками, – приказал Обухов мехводу. И, чтобы экипаж не думал, что он трусит, пояснил: – Иначе нас сожгут.

Бой не ладился... Но это не значило, что он, старший сержант Обухов, должен был просидеть остаток ночи как просватанная девица – в безделье и мечтаниях!

Надо было действовать.

Но чтобы действовать, требовалось оценить обстановку, а сделать это изнутри машины, через танковый перископ, было ну никак невозможно!

Задержав дыхание, будто ныряльщик, командир резко толкнул вверх люк и каким-то нечеловеческим, змеиноподобным движением выскользнул из него на башню. А с башни тотчас стек, миновав зенитный пулемет, на горячую решетку моторно-трансмиссионного отсека.

Обухов уже собирался спуститься на землю, но в последний миг удержался: на его памяти два командира экипажей погибли вот так же, на минах. (В том, что берег здесь наверняка заминирован противопехотными, Обухов не сомневался.)

Так что сержант остался лежать на танке, за башней.

Вокруг рвались минометные мины.

Осколки с жужжанием подлетали к танку, похожие на огромных жуков-хрущей, и с нехорошим стуком бились о броню. Любой из них мог убить сержанта наповал.

Но все это были сущие пустяки по сравнению с главным: теперь Обухов видел.

Видел все совершенно отчетливо. При помощи какой-то особенной, небеснорожденной, холодной мудрости опытного танкиста он проникнул всю картину боя, понимал начертание вражеской позиции и легко разбирал ее на отдельные элементы.

«Нам бы только до танков ихних добраться...»

На самом деле какие там, к черту, танки!

Если вообще допустить, что их «тридцать первый» мог дожить до утра и принести хоть какую-то пользу десанту, то и выживание, и польза эти были связаны с выходом во фланг вражескому батальону, который держал оборону пляжа, запирая десант у кромки воды, не позволяя ему расправить блестящие черные крылья, вырваться на оперативный простор.

Фланг этот был совершенно четко обозначен мерцающими звездами пламенного выхлопа двух станковых пулеметов. Правее них лишь изредка вспыхивали огоньки винтовок.

За этой батальонной позицией, где-то на бугре над деревней Южная Озерейка, располагалась та самая батарея зениток, которые разделали под орех первую баржу с танками, а затем и вторую – ту самую, с которой очень вовремя убрался их счастливый «Стюарт».

И вот теперь Обухову надо было сманеврировать так, чтобы зенитки не убили его машину и в то же время чтобы выйти врагу во фланг...

Обухов прикинул маршрут и поспешил вернуться в башню, под защиту брони.

– Ну чего там, командир? – жадно спросил мехвод Чевтаев, ему хотелось новостей, как в жару хочется пить. – Воевать будем?

– Сейчас будем, – ответил Обухов. – Действуем, как учили. Я говорю куда едем, а ты четко отработывай, никакой самостоятельности... На ходу огонь не ведем, пустая трата снарядов. Вот ворвемся на позиции пехоты – там уже отведем душу...

Когда песочно-желтый, кажущийся в темноте почти белым «Стюарт» с номером 31 на башне зашептал вдоль пляжа на правый фланг, он привлек к себе внимание обеих сторон.

Румыны попытались достать фасонистого торопыгу из двух своих полевых орудий.

А танкисты родного батальона – в ту минуту на ходу были еще четыре «Стюарта» – решили, что «тридцать первый» выполняет приказ командования, и устремились за ним. Ну а морячки десанта, в свою очередь, инстинктивно рванули за «броней».

Вышло, что Обухов со своим танком, сам на то не рассчитывая, возглавил первую осмысленную атаку в этом бою.

Выворачивая из земли колья с колючей проволокой, танк споро выбрался на пригорок в тылу у вражеских пулеметчиков.

Отсюда же отлично просматривалась жирная змея окопа, над которой здесь и там покачивались высокие меховые шапки румынских пехотинцев. Тут уж всю зарботали пулеметы «тридцать первого», а Обухов мгновенно взмок, забрасывая в прожорливую пушку снаряд за снарядом.

С неподражаемым ревом «Полундра!» по обе стороны от танка пошли в атаку злые матерщинники-морячки.

Румыны дрогнули сразу же, всем батальоном. Гальваническая искра ужаса промчалась по окопам, по пулеметным точкам и блиндажам.

Враг бежал без оглядки. Немецкие зенитчики, видя такой оборот, поспешили подорвать свои пушки и тоже бросились наутек.

Пьянящая волна боевого восторга поднялась в душе Обухова.

– Вперед! Вперед, Костя! – выдохнул он.

Еще секунду назад казалось, что неудача полнейшая, что всех перебьют там, на галечном пляже, под рокот чугунных волн.

И вдруг – оборона врага рухнула, и стало ясно, что они, танкисты десанта, не просто выжили, но и победили!

Морские пехотинцы с танками вели преследование до девяти утра. За это время пять «Стюартов» и несколько сотен морпехов прошли по грунтовой дороге до восточной окраины деревни Глебовка.

А когда стало ясно, что задача выполнена, они остановились.

Оборотистый Леонов принес откуда-то два больших котелка румынской кукурузной каши. Обухов по такому случаю выдал каждому по полному сухпайку.

Ох и попиروвали же они!

Вероятнее всего, Обухов и три его товарища погибли бы вместе с танком в ближайшие сутки. Но радиостанция – о которой командир экипажа и думать забыл – неожиданно ожила.

О чем сообщил состоящий при ней Андрей Курсилов – может быть, единственный человек во всем их танковом батальоне, свято верящий в победную силу радиосвязи.

Итак, было 10.32 и они приняли радиограмму, переданную азбукой Морзе:

ДЕСАНТУ. ВВИДУ НЕВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗОВАТЬ СНАБЖЕНИЕ ОПЕРАЦИЯ ПРЕКРАЩЕНА. ВЫХОДИТЕ РАЙОН СТАНИЧКИ ЮЖНЕЕ НОВОРОССИЙСКА ЗАХВАЧЕННЫЙ ДЕСАНТНЫМ ПОЛКОМ КУНИКОВА

Этой радиограммой Обухов поспешил поделиться с капитаном третьего ранга Лихошваем, который после гибели многих достойных офицеров оказался старшим командиром в их десантном отряде.

Лихошвай прекрасно понимал, что, несмотря на тактический успех с захватом Глебовки, десант в целом провалился.

Ясно было: лучшее, что они могут сделать, – пробиться на восток, к своим.

Однако сразу отдавать приказ всему отряду уходить с боем из Глебовки капитан третьего ранга не стал.

Вместо этого приказ выдвинуться в восточном направлении получили только оставшиеся на ходу «Стюарты». Им вменялось провести разведку боем вдоль дороги Глебовка – Новороссийск. В случае успешного продвижения на пять километров они должны были дать сигнал: две зеленые ракеты, одна красная.

Обухов заранее условился с командирами других машин, что в разведку пойдут на полной скорости. Полная скорость по грунтовке для «Стюарта» – двадцать пять километров в час. На словах кажется немного, но на самом деле для большинства танков того времени и пятнадцать были за счастье.

Также условились, что поломавшихся ждать не будут, – боевая задача важнее.

Обухов как в воду глядел: на первом же километре из-за разрыва гусеницы встала машина номер 28. «Стюартов» осталось два. А еще через полтора километра механик-водитель «Стюарта» с номером 24 не вписался в поворот, и танк завалился в придорожную канаву.

Они на своем «тридцать первом» в одиночестве проехали вперед еще полкилометра, как вдруг в наушниках раздался голос наводчика Леонова:

– Командир, справа танки противника!

– Где?! – Обухову казалось невероятным, что он, торчащий из башни танка и вертящий головой по сторонам, проглядел такую важную вещь как танки, которую смог заметить наводчик через свой мутный перископ.

Однако Леонов оказался совершенно прав! Параллельным курсом с ними, но в противоположном направлении, по едва различимому проселку между полями шли танки!

И уж конечно, это были танки врага.

Две машины оказались румынскими танкетками R-1. Вооруженные только пулеметами, они не представляли для «Стюарта» никакой опасности, но могли крепко попортить кровь морской пехоте, окопавшейся на окраине Глебовки. Эти танкетки построили в Чехии.

Еще три танка, тоже с румынскими опознавательными знаками, имели французское происхождение. То были легкие R-35 с пушками такого же калибра, что и у «Стюарта». Но пушки эти отставали от американских на целое поколение, так что в дуэли у румынов шансов было немного.

Самыми страшными противниками – хоть для морской пехоты в Глебовке, хоть для их «тридцать первого» – были, конечно же, два тяжеловеса В-2, тоже построенные во Франции. Эти танки получали при рождении по две пушки – весьма опасное для танков 47-мм и 75-мм орудие, установленное не в башне, а в лобовом бронелисте.

Оприходовав эти танки в качестве трофеев, немцы поставили на них огнеметы вместо главного калибра и отправили штурмовать Севастополь.

Из Крыма несколько танков попали под Новороссийск. И вот теперь, когда немцы спешно бросились искать по тылам технику, которую можно бросить против большевистского десанта, паре исправных В-2 была уготована роль ударного тарана.

– Справа танки противника, – повторил Леонов. – Жду приказаний.

И только тут Обухов, чьи мысли лихорадочно метались, сообразил: надо что-то командовать. Надо. Что-то.

А что командовать?! До немецких танков самое меньшее километр! С такой дистанции все равно не попадешь. А если и попадешь, то броню не пробьешь. Какой же смысл?

– Может, они просто мимо проедут? – Мехвод Чевтаев отважно высказал вслух мысль, которой постеснялся сам Обухов.

Вот бы и вправду мимо! Сержанту, досыта завоевавшемуся в 1942, сейчас больше всего хотелось, чтобы немецкие танки поехали куда-то по своим делам, никак не связанным с морскими пехотинцами в Глебовке. И чтобы он, Обухов, прокатив на восток еще два километра, с чистым сердцем завершил разведку. После чего рапортовал капитану третьего ранга Лихошваю условленными сигнальными ракетами. Так, мол, и так, дорога свободна, можно выводить десант, выносить раненых.

Да не тут-то было.

Ведь ясно же как день, что танки эти едут по их морские души. Если наши морячки останутся на позициях, через каких-то полчаса до них доползет эта железная семерка, доползет и отутюжит...

– Машине полный вперед! – скомандовал Обухов. – Курсилов, попробуй передать ключом, что мы имеем контакт с семью танками противника на третьем километре дороги Глебовка – Новороссийск. Леонов, заряжаю бронбойный... – И, помедлив еще пару секунд, Обухов нервно добавил: – Огня не открывать! Только по моей команде!

Последнее, возможно, было лишним. Наводчик Леонов был на удивление дисциплинирован и никогда ничего не делал без приказа.

К счастью, когда их танк пролетел вперед несколько десятков метров, серый, облытый бугор, неряшливо заросший кустарником, спрятал их от танков супостата. Заметили их? Не заметили? Кто знает!

– Чевтаев, слушай, – продолжал Обухов, – мы должны быстро и аккуратно выйти им в тыл. Для этого нужно проехать еще метров четыреста вперед, а потом поворачивать направо. Ты меня понимаешь?

– Понимаю... Понимаю, командир... Не видно ни черта, вот что я тебе скажу. Подскажешь, где поворачиваем?

«Мне бы кто подсказал», – с досадой подумал Обухов, но для поддержания авторитета ответил:

– Да.

Дорога... Обычная фронтовая дорога... Скелеты лошадей... Артиллерийский передок в кювете...

Обухов пожирал глазами все изгибы, все складочки местности, выбирая вариант поудобнее.

Наконец впереди показалось подходящее ответвление!

– Костя, вот грунтовка направо, видишь?

– Да.

– Туда свернешь... Ты, Витя, цели наблюдаешь?

– Ни одной.

– И я не вижу. Ладно, слушай: если что-то заметишь – сразу докладывай. Но без меня не стрелять!

Тем временем «Стюарт» ходко выскочил на пригорок и ровно там, где Обухов ожидал увидеть противника, он его и увидел.

Это была корма легкого танка R-35, на которой в качестве опознавательного знака был нарисован белый румынский крест – с «ласточкиными хвостами» на торце каждой перекладины. Само собой, в такие тонкости Обухов не вникал и однозначно опознал танк как немецкий. С крестом же!

До супостата было метров семьсот.

Остальные машины, видимо, уже ушли в низинку. Хотя их «Стюарт» двигался вдвое быстрее, чем R-35, – они летели как на крыльях! – была опасность, что через несколько секунд вражеский танк исчезнет из поля зрения.

– Целься ему в корму, прямо в центр креста, Витя, – приказал Обухов. Сам он тем временем нырнул вниз, извлекая из боеукладки новый унитарный патрон.

– Так точно, – ответил Леонов.

– Костя, короткая! – скомандовал Обухов.

Мехвод плавно притормозил, делая короткую остановку.

– Витя, готов?

– Да!

– Огонь! – выдохнул командир и мгновенно перезарядил оружие. Не тратя ни секунды – нырнул вниз, за следующим бронбойным. – Доклад, Витя, – потребовал он (наводчик-то, в отличие от него, все время смотрел в перископ, наблюдал цель непрерывно).

– Прямое попадание.

– Отлично! Повторим!

Подбитый R-35 загорелся с третьего попадания. «Стюарт» вновь помчался вперед.

Оросив двух румынских танкистов в пышных беретах свинцовым дождем из пулеметов, они аккуратно обогнули горящий танк и почти сразу за поворотом, отмеченным внушительным сараем, уткнулись... в сухопутный дредноут В-2!

Это чудовище с обнимающими громоздкий корпус по периметру гусеницами – как на английских танках-«ромбах» времен Империалистической войны, такие трофейные Обухов видел как-то в Ворошиловграде, – как раз начинало разворот.

Похоже, командир немецкого танка успел получить по радио вопль о помощи, а может, сам что-то заметил – кто знает?

И теперь монстр поворачивал, подставляя свой необъятный бок.

– Короткая! – выкрикнул Обухов мехводу, а сам, багровея от натуги, навел пушку вручную, при помощи плечевого упора (была у «Стюарта» такая особенность), и выстрелил.

Сноп искр обозначил место попадания, но француз В-2 был бронирован до неприличия здорово, почти на уровне советских тяжелых танков «Клим Ворошилов»!

– Командир! Командир! – закричал Леонов. – Гляди, у него на жопе какой-то короб!

И в самом деле, на корме В-2, выступая за верхний габарит, горбатилась громоздкая надстройка неясного назначения.

– И что короб?! – спросил Обухов.

– Надо по нему бить!

– Одобряю. Наводи!

Башня В-2 – которая, ясное дело, вращалась куда быстрее, чем танк разворачивался, – тем временем навелась на их «Стюарт». Но немецкие танкисты поспешили с выстрелом: снаряд пролетел мимо.

Тотчас выстрелил и Обухов.

Бронебойный шарахнул по железному коробу на корме В-2 – ровно туда, куда прицелился Леонов.

Кормовой бронелист В-2 имел основательную толщину: пять сантиметров. Пробить его снаряды «Стюарта» могли бы только в самых идеальных условиях (которых не было).

Но на В-2, с которыми имел дело экипаж «желтой вороны», вместо 75-мм пушек были установлены огнеметы. А поскольку огнесмесь для них занимала внушительные объемы, разместить ее получилось только в специальном баке, вынесенном в корму машины. Бак этот защитили 30-мм листами брони. Конечно, немецкие военные инженеры охотно воспользовались бы более толстой броней, но тогда перегруженный В-2 утратил бы остатки и без того незавидной подвижности.

В итоге немецкие военные инженеры пошли на компромисс. Этот самый компромисс и был прошит бронебойным снарядом «Стюарта».

Вслед за чем взорвалась огнесмесь.

Полыхнуло так, будто на многострадальную новороссийскую землю упал отколовшийся кусок солнца.

Вражеский танк полностью скрылся в гудящем шаре пламени.

Но Обухов, который не поддавался чарам внезапного успеха и ни на секунду не позволял себе расслабиться, немедленно скомандовал Чевтаеву:

– Полный ход!

И в этом приказании Обухов не ошибся: командир вражеского танка еще толком не успел осознать, что по его машине разлита тонна пылающей огнесмеси, зато успел перезарядить пушку и внести поправки в прицел. Обреченный В-2 снова выстрелил – сквозь завесу огня!

Не прыгни «Стюарт» вперед, вражеский снаряд пробил бы насквозь его башню и, конечно, убил бы Обухова.

Мехводу Чевтаеву показалось, что рывок «Стюарта» на один миг опередил его собственные, Чевтаева, манипуляции с органами управления машины. Но чего только в бою не померещится, верно?

Так или иначе, хитрюга «тридцать первый» вышел из-под удара, а для третьего выстрела у немца кишка оказалась тонка. У В-2 вместе с двигателем сдохло и все электропитание. В боевом отделении клубился удушливый горький дым, и командиру оставалось только отдать приказ оставить машину.

Немцев в черных куртках причесали из пулеметов.

Опасаясь, что у охваченного пламенем В-2 вот-вот сдетонирует боезапас, Обухов приказал Чевтаеву притормозить в полусотне метров. После чего командир взялся решать: искать ли пути объезда или, прикрываясь горящим танком, ждать, что предпримут уцелевшие немцы?

Победило наступательное мышление.

Чевтаев, охотно выполняя приказ командира, двинул танк вперед. Давая опасные крены, «Стюарт» пополз вверх, объезжая пылающий В-2 по широкой дуге.

Тут по ним взялись стрелять из своих коротких пушечек оба уцелевших румынских танка R-35.

Снаряды кувалдами колотили по броне.

Но – ни одного пробития!

Обухова, однако, больше всего интересовало, куда подевался второй сухопутный дреднот В-2. Ведь в нем он вполне оправданно видел главнейшую угрозу!

К его ужасу, В-2 обнаружился в наихудшем виде из возможных: развернувшись к ним непрошибаемым лобовым бронелистом, он открыл огонь из 47-мм пушки!

Само собой, Обухов немедленно скомандовал: «Задний ход, быстрее!» – но первый снаряд уже ударил по броне.

Впрочем, передок у их танка оказался крепче, чем о том судил Обухов.

Три немецких снаряда, один за другим, попали в наклонный передний бронелист между смотровыми приборами механика-водителя и радиста, и все три ушли на рикошет!

Леонов между тем ответно бил бронебойными в лоб В-2 – а что еще оставалось? Увы, столь же безуспешно!

По всему было видно, что из боя самое время выходить – и тут очередным снарядом их «Стюарту» порвало гусеницу!

По инерции машина проползла отмеренные ей судьбою метры и остановилась, нелепо развернувшись поперек дороги.

«Похоже, довоевались», – грустно подумал Обухов. Он хотел уже отдать команду: «Оставить машину», но сообразил, что они успели достаточно сдать назад, чтобы их прикрыл корпус горящего гиганта В-2.

– Все живы? – спросил он.

– Да, командир, – ответил Курсилов.

– Живы, – подтвердил Чевтаев.

– Вроде бы, – пробормотал Леонов.

– Ну, тогда еще повоюем.

Немцы достаточно самонадеянно запустили свой В-2 впритирку с горящим собратом – уж очень им хотелось догнать и добить вертлявый русский танк! – и вдруг случилось именно то, чего несколько минут назад опасался Обухов. Правда, сержант думал, в горящем танке сдетонирует боезапас, а вместо него рванули бензобаки!

Эффект был как от гаубичного снаряда.

Взрывная волна обрушилась на прущий по обочине немецкий танк, ворвалась в воздухозаборники его двигателя и... заглушила его!

«Немец» внезапно остановился. К счастью для экипажа «желтой вороны», башня второго горящего В-2 мешала орудию его еще живого собрата навестись на обездвиженный «Стюарт».

В то же время Обухов со своего места видел краешек кормового горба с горючей жидкостью для огнемета – самое уязвимое место наглого супостата!

Он мгновенно навел пушку на горб и выстрелил.

Удар! Искры! Облачко пыли! Но – слишком невыгодный угол встречи, снаряд не смог пробить даже тридцать миллиметров брони!

Делать, однако, было нечего. Обухов терпеливо перезарядил пушку и выстрелил в ту же точку. И снова нет пробития!

– Ну же, командир, – умоляюще простонал Леонов. – Дава-ай! Бей снова! Металл устанет! Мы его расковыряем! Чай не впервой... Расковыряем!

И точно.

Выхлопные патрубки В-2 выплюнули два чадных шлейфа – это водитель все же сумел совладать с заглохшим мотором.

Но прежде чем махина стронулась с места, третий снаряд «Стюарта», ударивший в каких-то миллиметрах от двух предшествующих, проломил-таки броневую защиту бака с огнесмесью!

Если на первом В-2 бак взорвался, да так эффектно, что хоть для хроники снимай, то на этом лишь лениво загорелся – медленным оранжевым пламенем школьной химлаборатории.

Однако пожар в корме не помешал вражине протянуть чуток вперед и вклепить в башню «Стюарта» бронебойный!

Немецкий снаряд пробил маску пушки, обдал Леонова и Обухова дыханием смерти и, выломав из башни кусок брони размером с пачку папирос, улетел в неведомые дали.

По счастью, оба танкиста не получили даже царапин! Однако было ясно, что следующее попадание станет роковым.

– Экипаж, покинуть машину! – крикнул Обухов.

Выхватив из укладки пистолет-пулемет «Томпсон» (ими была укомплектована сгоревшая машина номер 13, поставленная напрямую из Америки), командир успешно вывалился на горячую решетку моторно-трансмиссионного отделения – за истекшие сутки этот выход стал его коронным трюком.

Остальные члены экипажа тоже благополучно добрались до земли и спрятались за корпусом танка.

И очень вовремя – потому что на немецком В-2 затакал башенный пулемет «Шателро». Разумеется, он выцеливал недобитых большевистских танкистов!

Теперь вопрос стоял так: успеет ли немецкий гигант доползти до их брошенного «Стюарта» прежде, чем пожар в баке с огнесмесью его добьет? Или же все-таки рванет прямо сейчас, в ближайшие секунды?

Обухов рывком выглянул из-за левого ведущего колеса «тридцать первого» и сразу же схоронился.

То, что он успел заметить, вселяло пессимизм: из башни выбрался тощий немецкий танкист с огнетушителем и теперь, балансируя на броневой спине танка, пробирался назад, к горящему баку.

Этак он его еще и потушит, сукин сын...

Ну уж нет! Не бывать этому!

Поставив «Томпсон» на боевой взвод, Обухов опрометью бросился вперед, под защиту развороченного недавним внутренним взрывом В-2.

Немец с огнетушителем его, конечно, заметил.

Но пока он, неловко удерживая огнетушитель одной рукой, тащил из кобуры пистолет, Обухов успел побить все рекорды на стометровке и, вскинув «Томпсон», дал по врагу длинную очередь.

Немец упал. Стукнул о броню беспризорный огнетушитель.

Обухов приметил, что незадачливый пожарник допустил серьезную оплошность: оставил открытым люк в кормовом бронелисте башни.

У сержанта в придачу к «Томпсону» имелись две гранаты. Что ж, отлично! У вас товар – у нас купец!

Сержант швырнул гранаты, одну за другой, целясь в открытый люк.

Первая граната, как ему показалось, даже куда-то там попала! Но вторая – точно нет. Отскочив, она покатила по броне горящего В-2.

Вот же дрянь! Сержант упал, закрыв голову руками.

Что и как взорвалось в немецком танке, он не понял. Однако – взорвалось!

Двух ошалевших немецких танкистов прикончили Курсилов с Чевтаевым – молодцы, не зевали.

Обухов пытался внести предложение из разряда «Не взять ли языка?». Но мысль свою из-за полученной легкой контузии связно донести до товарищей не смог.

Это был самый результативный танковый бой, проведенный сержантом Обуховым в его жизни. И, к слову, самый результативный из виденных им!

Все, кто умеют считать патроны в «маузере» красного командира, глядя в кинотеатре фильм про борьбу с басмачами, легко сосчитали бы: «Стюарт» Обухова уничтожил три немецко-фашистских танка вместе с экипажами!

Обухов считать умел, и его очень беспокоил вопрос: а где же оставшиеся четыре танка из числа тех, что они видели?

Ведь каждую секунду в поле зрения мог появиться R-35! И хотя пушечка его не внушала почтения, ее в паре с пулеметом «Шателро» вполне хватило бы, чтобы перебить наших героических танкистов, как куропаток.

– А пожара-то нет, – голосом без выражения сказал Курсилов, кивнув на их родной «тридцать первый».

– Тут вопрос, работает ли у нас пушка, – вздохнул Леонов.

Действительно, делать выводы о боеспособности «Стюарта» можно было, только проверив пушку. Если она не в порядке – отбиться от вражеских танков никак не выйдет, и машину придется бросить.

– Леонов, быстро в танк, проверяй оружие. Вы, – глаза разгоряченного боем Обухова пылали, как уголья, и он буквально опалил взглядом Чевтаева с Курсиловым, – приступайте к ремонту гусеницы. Ну а я на рекогносцировку.

За несколько метров до гребня холма сержант упал в мягкую, пегую прошлогоднюю траву и с легкостью человека, редко евшего досыта, пополз.

Что ж, а вот и те самые четыре танка... Два R-35 и две пулеметные танкетки. Все – с румынскими, а не с немецкими, экипажами.

Последнее обстоятельство было существенным и счастливым. Потому что румыны поторопились продемонстрировать присущие себе стойкость и боевитость (а капитан Агеев сказал бы – «уровень политико-морального состояния») и, узрев гибель обоих гигантов В-2, спешно драпали!

«Нам бы только до танков ихних добраться, и дело пойдет». Слова Леонова оказались пророческими. На одном легком «Стюарте» разогнать отряд из семи танков, два из которых тяжелые!

Обухов улыбнулся во все зубы.

– Пушка сдохла, – доложил Леонов, когда сержант вернулся.

– А еще у нас от обстрела полно трещин, – добавил мехвод Чевтаев. – Много бензина вытекло. Того, что осталось, хватит на считанные километры.

– Ну, значит, будем выполнять приказ командования, – заключил Обухов. – Выходить на плацдарм, захваченный к югу от Новороссийска.

– Пешком?

– Почему пешком? На вверенной нам технике.

Через три часа, уже в сумерках, «Стюарт» с чудом заклепанной гусеницей пополз на восток.

Когда совсем стемнело, впереди бешеным танцем вспышек дал знать о себе горячий бой. Музыка этого боя была лучшим из всего, что они могли услышать. Она значила, что морская пехота майора Куникова еще держится за плацдарм в Станичке.

На дороге впереди показались подводы, мотоцикл, легковая машина. Это были тылы немецкой части, брошенной против неустрашимых морпехов.

– Курсилов, Леонов, огня не открываем, – предупредил Обухов. – Чевтаев, включай все внешнее освещение. Сделаем вид, что нам прятаться не от кого. И аккуратненько, не давани кого-нибудь ненароком.

– А может, даванем?

– Не навоевался? Тут передовая! Влепят из противотанковой, даже не поймешь, откуда прилетело.

– Ну, как скажешь. Я бы даванул.

– Даванешь еще. Ближе к переднему краю.

Многие немцы, которых они обгоняли, приветливо махали руками. Им, конечно, и в голову не могло прийти, что из их глубокого тыла приехал танк-чужак. Ну а то, что пехтура ни черта не смыслит в моделях танков, – это Обухов усвоил давно и накрепко, ничего другого он и не ждал.

Вот впереди показался пост немецкой фельджандармерии.

– Останавливаться не будем. Если попросят остановиться, не открывая огня едем дальше.

Крупный немец с винтовкой, однако, остановил идущий перед ними кургузый вездеход, а к танку не выказал никакого интереса. Аккуратно приняв левее, Чевтаев объехал вездеход и двинул дальше.

Судя по взлетающим впереди осветительным ракетам и ожесточенному пулеметному перестуку, линия фронта была уже совсем близко.

Прорвались легко. При этом Чевтаев наконец даванул пулеметный расчет...

Только когда танк уже катился по нейтральной полосе, по нему открыли огонь. Причем свои же, морячки.

Обухов хотел выскочить и побежать вперед, сказать, чтобы не стреляли, но образумил себя тем же, чем и сутки назад под Южной Озерейкой: наверняка тут полно мин, можно ведь и погибнуть ни за грош.

В итоге «Стюарт», царственно не заметив брошенных в него морячками гранат, пролетел мимо свежих стрелковых ячеек и помчался вглубь плацдарма.

Вот здесь уже интуиция подсказала Обухову: сейчас полковой противотанковый резерв с ружьями Симонова всполошится и навертит ему дырок в корме. Поэтому он скомандовал Чевтаеву: «Стоп», а сам вылез из танка и крикнул в темноту:

– Эй, братки! Есть тут кто?!

В качестве ответа он услышал: «Хенде хох!»

– Я свой! Командир танкового экипажа сержант Обухов!

Через десять минут все четверо – Обухов, Чевтаев, Леонов и Курсилов, – широко и бессмысленно улыбаясь, стояли перед майором в коротко подрезанной шинели.

Они находились в теплом блиндаже. Им наливали чай. Для них нарежали краюху белого хлеба, драгоценную драгоценность.

Они были живы!

Все четверо дойдут до Белграда и вернутся с войны домой. Вернутся.

Что же до «желтой вороны», «Стюарта» с номером 31...

Снаряд немецкого дальнобойного орудия, выпущенный с северо-западной окраины Новороссийска, пролетел двенадцать километров и вывалился из низких облаков над плацдармом.

Снаряд попал в башню «Стюарта». Легко проломал броню, вошел внутрь, разнес в клочья командирское сиденье, достиг днища машины и взорвался.

Вместе с дальнобойным снарядом рванули остатки бензина в баках.

«Желтая ворона» исчезла. На месте танка, необычайного счастливец, осталась лишь многометровая воронка.

Но железная душа «Стюарта» пережила взрыв. Как и положено душе.

– Отважный! – услышала душа «Стюарта». – Ты должен был погибнуть вместе с экипажем. Но и твой экипаж, и ты сумели невероятное, сотворили невозможное. И за это тебе положена награда. Ты будешь перемещен в общество братьев, победивших предопределение. В мир, где живет суровый гигант КВ, не пустивший немцев в Ленинград. И яростный красавец «тигр», не пустивший русских в Париж. Там наслаждаются жизнью малыш «Рено FT», который защищал Мадрид, и стремительная самоходка Wolverine, которая обороняла Бастонь...

Так «Стюарт» отправился в мир, где все танки счастливы.

Где всегда полно бензина и запчастей.

Где всякий день есть с кем повоевать.

Где в досталь силы, скорости и радости движения.

Где несть ни печали, ни воздыхания, только жизнь бесконечная.

И лишь об одном жалел иногда «Стюарт»: что не ведают о его светлой судьбе ни сержант Обухов, ни красноармейцы Чевтаев, Леонов и Курсилов.

Алекс Резников Война за Небесный Мандат

Глава 1. Чингисхан мертв

За морем, в далеком Китае, и рядом – в степях травяных – тангуты, кидани, бохаи и сотня народов других, в тулупах и белых перчатках, одеты в броню и халат, сходились в бесчисленных схватках за вечный Небесный Мандат.

Войну прекращали на время – торговцы, используйте шанс! И только монгольское племя нарушило этот баланс, когда воплощение духа, китайцам и туркам назло, бесстрашный воитель Джамуха все кланы собрал под крыло. Разбивший своих антиподов, носивший кинжал в башмаке, он звался «Владыкой народов» – «гурханом» на их языке. Слагавший печальные вирши, любимец монгольских мужчин, молочного брата казнивший – как звали его, Темуджин? Теперь неприятностей ждите, граница – тончайшая нить, а этот степей повелитель задумал весь мир покорить.

Тогда в поднебесном Пекине, владевшая Севером всем, сидела династия Цзиней, не ждавшая этих проблем.

– Совсем обнаглели араты, нелегкая их принесла! – с тоской приказал император отправить к монголам посла. Зависнуть в гостях у гурхана на месяцев шесть или пять, расстроить монгольские планы и тщательно все разузнать.

Кобылки, жевавшие травку, и в небе паривший орел не знали, что в ханскую ставку приехал пекинский посол. Он был полководец известный, сразивший немало врагов, их души отправивший в бездну! Воспитан, умен и толков. Рожденный для вечного боя, до гроба любивший войну...

– А как называли героя?

– Пусянь из семейства Ваньну. Но раз приказал император, Пусянь отказаться не смел – оделся в костюм дипломата и прибыл в монгольский удел.

Сначала прохладно и сухо, на что-то обижен притом, Пусяня встречает Джамуха. Но после, забыв обо всем, в шатре, что натянут упруго, и ночью, и в солнечный день, обнявшись, как два старых друга, сидели монгол и чжурчжень.

И там они спорили долго, скрепившие тайный союз. Не двинуть ли сразу на Волгу? Кому угрожает индус? Быть может, горит император желанием тайным давно разрушить державу Ямато и к черту отправить на дно?

Запутавшись в картах и планах, сменили тональность речей. О славе и доблестях бранных, о крепости острых мечей, о шлемах из бронзы и меди, о звоне пластинок и шпор, о том, как сражались соседи, – об этом пошел разговор.

Пусянь возмущается глухо:

– Мой друг, разберемся в конце...

Тогда отвечает Джамуха с усмешкой на темном лице:

– Сильны и могучи чжурчжени, но в яростной битве одни монголы не знают сомнений, не ведают страха они.

Живот, словно бочка раздулся, горит от похлебки гортань – под самое утро вернулся в палатку посольства Пусянь. Но в этих бессмысленных спорах добыл информацию он.

Услышал таинственный шорох. Подумал: «Убийца, шпион! Наверное, враг недобитый мне шлет из Китая привет», – решил полководец сердитый и выхватил свой арбалет. Раздался чудовищный выстрел! Упал чернокнижный колдун, убитый стрелой из баллисты посланник империи Сун.

– Измена! – Пусянь догадался. – Нам в спину направили нож! Монгольский подлец собирался продать нас китайцам за грош! И вот, под прикрытием жатвы, убийцу ко мне подослал! А как же священные клятвы и дружба, что он обещал?! Я больше не жду ни минуты! Достала меня болтовня!

В удобные туфли обутый, садится Пусянь на коня. Готовый скакать без оглядки до самых пекинских ворот. Однако бежит из палатки Джамуха и громко орет:

– Откуда такая обида?! Зачем ты сидишь на коне?

– Заткнись, подколотная гнида. Ты братом не можешь быть мне!

На миг онемевший от гнева, Джамуха кричит, возмущен:

– Потомок ходившей налево, проклятый пекинский шпион! Рожденный в смешительном браке, пропивший наследство отцов!

– Ты сын желтоухой собаки, пожравший своих мертвецов!

И так они долго ругались, забыв про войну и любовь, потом наконец-то расстались и больше не встретились вновь.

Глава 2. Тайны пекинского двора

Приятно домой возвратиться!

Исходу чудесному рад, Пусянь приезжает в столицу, идет во дворец на доклад. В саду, что небесного краше, под шепот гаремных богинь сидел, от забот подуставший, владыка империи Цзинь. С одной из пекинских художниц неспешный ведет разговор, а дюжина юных наложниц пытается радовать взор.

– На этом волшебном портрете я выгляжу словно живой, – с тоской император заметил (он слился навеки с тоской). – Я видел такой в мавзолее, где бывший лежит хуанди... Но кто там, в начале аллеи? Пусянь, дорогой! Проходи.

– Владыка, монголы опасны. Их тысячи взрослых мужей...

– Министры с тобою согласны. О прочем я знаю уже. Про быстрые точные стрелы и реки, бегущие вспять. Мой друг, ты не справился с делом. Придется тебя расстрелять. А может, – сказал император, – другим разгильдяям урок, как символ грядущей расплаты, я дам тебе тонкий шнурок?

Пусянь, возмущенный словами, что только слышали все, стоял, окруженный цветами, в своей первозданной красе. Вернувшись домой из пустыни, такого исхода не ждал! И тут же решение принял.

– Я жизнью своей рисковал! Ты просто подлец, человек! – воскликнул великий герой. – Я был батальонный разведчик, а ты – писаришка штабной! Предавшись разврату и блуду, забыл про Небесный Мандат! Я сам императором буду, а ты отправляешься в ад!

Ужасной обидой раздавлен, как с места сорвавшийся пес, он выхватил острую саблю и голову гадине снес.

Засунув в глубокую нишу пугающий труп мертвеца, с мечом окровавленным вышел Пусянь на ступени дворца. Как филин вращая глазами, презрев нарастающий гул, он поднял имперское знамя и голову сверху воткнул. От шока упав на колени, как самый последний холуй, ему поклонились чжурчжени и крикнули громко:

– ВАНЬСУЙ!!!

– Ваньсуй! Императору слава! Ваньсуй! (Это значит «Банзай!») Ваньсуй, Золотая Держава!

Молчит подневольный Китай.

Еще не остывший от драки и демона смерти бледней, Пусянь восклицает:

– Собаки! Седлайте своих лошадей! Готовьтесь к последнему маршу и к яду на каждой игле! Я только империю нашу оставлю на этой земле!

Глава 3. Бремя

Во мраке ночном похоронен пустой императорский зал.

На кровью заляпанном троне угрюмый Пусянь восседал. Пусянь окружен ореолом судьбой перепутанных струн. Принесший гибель монголам, разбивший империю Сун. Подобный героям Шекспира, как Ричард и злобный Макбет, Пусянь – властелин полумира, но против него – целый свет!

Который по счету посланник вошел, оживляя рассказ?

– Владыка, восстали кидани! Восток отобрала у вас! Пятная окрестности алым, идут по холодным снегам, и флаги династии Ляо опять развеваются там!

– Мы будем сражаться, покуда не сгинет последний кидань! А кто предводитель ублюдков? – спросил хладнокровно Пусянь.

– Проведали верные слуги: рожденный в сибирской тайге кидань по фамилии Лю'ге. А может быть даже Люгэ.

– Довольно! Поднять по тревоге моих беспощадных солдат. И пусть разбираются боги, кто правый, а кто виноват, когда побежденный воитель отправится в царство теней. В бою никого не щадите – ни женщин, ни малых детей!

Солдат перепуганный вышел с приказом, звеневшим в ушах. Но вскоре, дыхания тише, заходит китайский монах. Знаток первобытных камланий, ушедший от мира, блажен, в одной из далеких кампаний он взят императором в плен. Пусянь пощадил иноверца и взял во дворец. Потому он стал по велению сердца советником верным ему. Когда полководец был ранен, умело его залатал, и гнев бесконечный Пусяня не раз на войне умирал.

– Мой друг, я не ведаю страха, с тех пор как покинул Тибет, – Пусянь повернулся к монаху. – Поэтому честный ответ надеюсь услышать сегодня. Ты видел грядущего тень. Готов на коленях в исподнем об этом молиться весь день. Ответь мне, отец, без утайки – кому суждено победить?

Монах улыбнулся.

– В Китае не любят подобную прыть. Истории бешеный ветер не властен над нашей страной. Мы движемся много столетий, года наполняя собой. Ты хочешь прославить чжурчженей? Узнай, что цена высока. Ты должен набраться терпенья и план растянуть на века. И предков забытые лица тебе не должны помешать. Ты должен, Пусянь, научиться врагов ежедневно прощать. Оружием тайных алхимий, потоком военных машин ты можешь расправиться с ними. Но должен остаться один владелец небесных мандатов, китайцам отец и другим, на Небе один Император – один император под ним.

И снова пугающий ветер метнулся по залам пустым. Пусянь ничего не ответил.

«...один император под ним...»

Глава 4. Монумент

Одна из любимых наложниц внезапно скончалась во сне – холодные лезвия ножниц торчали в ее животе. Ничтожная пасть открывала пошире любого слона и «Пусик» его называла – за что расплатилась сполна!

Поднявшись с кроватной постели, Пусянь из семейства Ваньну вернулся к поставленной цели. Лицом повернулся к окну. Качнулся и в ужасе замер.

– Я вижу багровую тень... В окне отражается пламя горящих вокруг деревень! – Он выскочил пулей наружу, хватая доспех на ходу. Спустился, железом нагружен, готовый отбросить Орду от стен и ворот Поднебесной в пустыню, за водораздел, в сибирский мороз. Бесплезно. Пусянь ничего не успел.

Внизу, в императорской ставке, в приемном покое дворца, сидят генералы на лавке и слушают молча гонца. Солдат с опаленным мундиром и кровью залитым лицом поведал своим командирам, что битва пошла кувырком. Обмотан обрывками ткани, стоявший едва на ногах, запнулся, увидев Пусяня. Но тут же продолжил:

– В горах последние крепости пали. Проломы в стене городской. Пожары в японском квартале...

– Как смели вы ужас такой сокрыть от меня, негодяи?! – Сын Неба упал на кровать. – Я мог бы позвать самураев и верных бохайцев призвать... Осколки потерянной чести...

– Никто не посмел доложить. Гонцов, что печальные вести приносят, ты любишь казнить, – один из его капитанов ответил. – Мой царственный брат, увы, но мятежные кланы разбили имперских солдат. И я предложить собирался. Решение только одно...

– Довольно, – Пусянь отозвался и выглянул снова в окно. Едва ли властитель Китая предвидел такой поворот! Пекин осажденный пылает, на улицах битва идет... Похоже, конец абсолютен. Но в центре последней войны с ним самые верные люди. Другие давно казнены.

– Товарищи, больше ни слова. И вот мой последний приказ. Мы вряд ли увидимся снова. Прощаемся здесь и сейчас. Вы верными были друзьями. Мы вместе встречали беду и храбро сражались с врагами. Я вас в преисподней найду, в далеком заоблачном крае. Ступайте, не ведайте страх, и если Господь пожелает – увидимся в лучших мирах...

А что после этого было – никто не расскажет уже. Кто бросился в битвы горнило, пропал на веков рубеже. И брешь в обороне нащупав, отряды врагов наконец, шагая по множеству трупов, ворвались в Запретный Дворец.

– Повсюду сплошная измена! – кричал за спиною монах. Шипела кровавая пена на сжатых до боли губах. В щите, ненадежном и тонком, застряли четыре меча.

– Ко мне подойдите, подонки! – Пусянь, отступая, кричал. Под мощным огнем арбалетным вперед продвигалась толпа, а страшный Пусянь беззаветно убудкам дробил черепа...

...Где звезды далеких галактик мерцают на Млечном пути, в пространстве Тамаса и Шакти ты сможешь планету найти.

Кольцом в пустоте мироздания земной обращается диск. Стоит над могилой Пусяня совсем небольшой обелиск. Над скромным приютом владыки (его без причины не тронь!) лежат золотые гвоздики и вечный пылает огонь. А рядом, в почетной охране, прижав арбалеты к ноге, застыли гвардейцы-кидани, потомки Елюя Люге...

Леонид Каганов Адреналин его превосходительства

– Три миллиона жизней – это плата за независимость?! – воскликнул Томаш и покрутил пальцем у виска. – Ты действительно считаешь, что независимость Метрополии от Империи этого стоит?

– За сто лет это не так уж много, – зевнул Дайбо, на миг оторвал могучие руки от руля вездехода и сладко потянулся. – Ты ренегат и дезертир, Томаш. Не понимаю, как военные психологи пустили тебя в армию. Сидел бы у своей мамочки Терезы на аграрной планетке, разводил кроликов.

– Мясных ламантинов, идиот, – обиделся Томаш, пихнув Дайбо в ребра прикладом бластера, – сколько раз тебе повторять?

– Сколько раз тебе повторять, салага, чтобы не обзывал меня и не тыкал, когда я за рулем? – взревел Дайбо и резким ударом вогнал могучий кулак Томашу в нос.

Томаш всхлипнул и умолк, размазывая кровь бумажным платочком.

Некоторое время они ехали молча. Вездеход медленно катился вдоль карьерной балки, под гусеницами скрипел оранжевый песок. Внизу в карьере копошились роботы-рудокопы, похожие сверху на больших стальных муравьев. Уже час, как солнце закатилось за барханы, и лишь справа над горизонтом светил маленький далекий Денеб, раскладывая по песку прямые и ровные тени.

– Ты мне нос разбил, – пробормотал Томаш. – Сильный, да? Врагов бы так бил.

– Некоторые напарники хуже врага, – хмуро объяснил Дайбо. – Вот дали мне салагу в караул... Хилый, наглый, спорит и разговоры подрывные ведет.

– Зато я ножи лучше всех кидаю! – ответил Томаш обиженно и шмыгнул носом. – Убиваю ламантина в глаз со ста метров!

– Дурак ты деревенский, – зевнул Дайбо миролюбиво. – Ламантина он убивает. Ножей солдаты не используют. Качай мышцы, стреляй из бластера и меньше рассуждай про войну.

– Все равно, – упрямо повторил Томаш, хлюпнув носом. – Все равно это неправильная война. Сам полковник говорит, что столетняя война несет только смерть и зло!

– Полковник может говорить все, – усмехнулся Дайбо. – Он же полковник. Он говорит то, что считает нужным, но ты никогда не узнаешь, что у него на уме. Запомни: он всех видит насквозь, он знает все, что ты скажешь, раньше, чем откроешь рот. А когда надо воевать, он абсолютно безжалостный. Он как робот, понимаешь? Никаких эмоций: только тактика. Он ничего не говорит и не делает без расчета. Плохого слова не скажет без нужды. Но когда есть смысл убить – убьет кого угодно, не задумываясь. Ты просто не видел, как он казнит пленных лазерником: спокойно, быстро, как хлеб режет. Ни один мускул на лице не дрогнул.

– Врешь ты, Дайбо! – покосился Томаш.

– Сам видел, – объяснил Дайбо, – ты еще здесь не служил. Да ты пойми: он полковник. У него все в роду были полковниками, и всех звали Зоран. Зоран Грабовски, герой Метрополии, которому памятник в столице, – это его прадед. А его сын, Зоран Грабовски, погиб в бою за Вегу двадцать лет назад. У него никого нет, у него война в крови, он сдохнет за независимость, но не уступит имперцам. Учись у него, салага!

Вездеход выехал из балки и покатился по полю, уставленному ветряками. Ветряки крутились вяло, на стальных лопастях поблескивал далекий Денеб. Зрелище завораживало. База осталась далеко позади, пора было разворачиваться.

– Интересно, что он будет делать, когда война за независимость закончится? – пробормотал Томаш. – Он же совсем старик, кроме войны, получается, ничего не умеет.

– Война никогда не закончится, – откликнулся Дайбо. – Сто лет тянется, и никогда не закончится. Пока живы люди, они найдут повод драться. Так полковник говорит.

– А все-таки, если война закончится?

– Я трактир открою. – Дайбо притормозил и начал закладывать неспешный разворот.

– Да я про полковника нашего, – перебил Томаш.

– Понятия не имею. Я про себя. Сгону мышцы, отращу пузо. А еще бороду и хвост на затылке. Буду носить кожаный фартук и подтяжки, стоять за барной стойкой, жарить лангеты и разносить пиво. А к стойке будут подсаживаться посетители и вести неспешные беседы. Про жизнь советы спрашивать. И девки будут приходить, садиться передо мной на барные табуретки, закидывать ногу на ногу в черных колготках...

Томаш не понял, что произошло. Лобовое стекло взорвалось ослепительной вспышкой, а следом взвыла аварийка разгерметизации, потянуло резким холодом, и кабину заволочло туманом, как всегда бывает, когда снаружи просачивается холодный аргон. Вездеход резко дернулся, и двигатель смолк. Остро закружилась голова. Томаш бросился на пол кабины, сжимая зубами мундштук кислородника.

– Руки за голову! – надрывался над ухом незнакомый голос, а в шею тыкался раскаленный раструб. – За голову, сказал, убью, сука! Бластер отцепить! Медленно!

Томаш медленно завел руки за голову и отцепил браслет. Бластер тут же вырвали из его рук и отбросили – Томаш слышал, как он упал на песок шагах в десяти от вездехода.

– Коробка связи где? – надрывался голос в самое ухо. – Отвечай, убью!

– Слева... В кармане... – прохрипел Томаш. – Не убивайте...

Жесткая перчатка ощупала комбинезон и выдрала связную коробку вместе с карманом. Она упала на песок, а следом раздался залп лазерника. Со связью было покончено.

– Встать! – скомандовал голос. – Медленно! Не оборачиваться!

Томаш медленно поднялся, приходя в себя. На полу кабины виднелась лужа крови, саднила прокушенная губа, и кислородный мундштук казался на вкус соленым – видно, он слишком сильно сжал его зубами. Но откуда столько крови? Не снимая рук с затылка, Томаш поднялся на колени, а затем медленно встал.

Кабина оказалась залита кровью и засыпана осколками. В кресле водителя сидел Дайбо. Руки его сжимали руль, но голова была неестественно откинута, и он смотрел вперед широко открытыми глазами. В могучей груди Дайбо чернела оплавленная дыра с засохшей коркой крови.

– Не оборачиваться! – повторил голос. – По моей команде выйти наружу из вездехода, сесть на песок!

За спиной послышался лязг, заскрипел песок под подошвами – незнакомец первым вылезал из кабины. Томаш решил пока не спорить. Он медленно выполз и сел, прислонившись спиной к теплому траку. Лицо и легкие жег холодный аргон атмосферы. Томаш судорожно сжал кислородный мундштук и затынулся поглубже. И только когда головокружение улеглось, поднял взгляд. В десяти шагах перед ним стоял незнакомый чернявый парень в оранжевом камуфляже. Без шапки на таком холоде – значит, шлюпку оставил недалеко. Лицо его было скрыто кислородной маской, а в руке он сжимал «Вакс» – тот самый, которым имперцы вооружали своих десантников и диверсантов. Если Томаш правильно помнил занятия в корпусе, бластер этот был короткофокусный, шестизарядный, а мощностью чуть ли не восемнадцать амстрель. У нас таких не делали. А это значит, шансов никаких.

– Имя? – требовательно спросил чернявый.

– Томаш.

– Полное имя?

– Томаш Мирослав Тереза Новак.

– Повстанцы, сепаратисты... – Чернявый презрительно сплюнул в оранжевый песок. – Что за имя для бойца – Тереза?

– Дурак ты, – спокойно объяснил Томаш. – Полное имя гражданина свободной галактики, кроме имени и фамилии, включает имя отца и имя матери. Это вы, имперцы, как безродные собаки с кличками!

Томаш пригнулся, и вовремя – чернявый вскинул бластер и дал залп высоко над кабиной. Сверху полыхнуло огнем.

– Еще раз скажешь такое – убью, – объяснил чернявый. – Отвечай быстро: численность гарнизона?

– Тысяча человек! – бойко ответил Томаш. – Непробиваемый подземный бункер, двенадцать катодных зениток и два крейсера на орбите!

– У вас пустая орбита, – снова плюнул чернявый и поднял раструб. – Еще раз совершь – я тебя убью.

– А если скажу правду, не убьешь? – усмехнулся Томаш.

Чернявый смутился.

– Не убью, – пообещал он, подумав. – Свяжу и брошу в овраг без одежды.

«Вот что ему нужно!» – подумал Томаш, представив, как лазутчик пробирается на базу в его, Томаша, комбинезоне.

– Даешь слово Империи? – спросил он.

– Да, – кивнул чернявый, помедлив.

– Хорошо, – ответил Томаш, понимая, что терять нечего, а время надо тянуть. – На базе тысяча человек. Комендант базы – бригадир-полковник Зоран Зоран Петра Грабовски. Заместитель – файер-капитан Замир Пауль Ольга Юсупов. Планета небольшая, называется «Велга-328», состоит из гадолия, его и добываем.

Томаш мог рассказывать все это совершенно спокойно – эти факты были известны кому угодно, и имперцам тоже. Но вряд ли они знали, что по тяжелым временам гарнизон базы сокращен в десять раз, катодная зенитка всего одна, и зарядов у нее мало. Сколько – полковник не рассказывал, но старшие поговаривали, что аккумуляторы пусты.

– Снимай комбинезон, – скомандовал чернявый, качнув бластером, – покажешь, где вход на базу.

– Я же замерзну! – возразил Томаш.

– Снимай! – рявкнул чернявый. – А то бластером отопгрею!

Томаш подумал, что парень – тоже совсем еще мальчишка, тоже лет двадцать, не больше. Он нарочито медленно стал расстегивать комбинезон. Специально опустил взгляд и смотрел в песок, чтобы чернявый не смог ничего прочесть в глазах. И специально начал стягивать куртку с левого рукава – чернявый не мог знать, что он левша. Только бы успеть и все сделать правильно. Сердце бешено заколотилось, в крови забился адреналин. Томаш потянулся к правому рукаву – не к самому рукаву, чуть повыше, за отворот. И когда ладонь нащупала рукоятку ножа, отсчитал три удара сердца и пригнулся, одновременно делая бросок.

* * *

Кабинет полковника Грабовски был обставлен со вкусом – мебель натуральной древесины, настоящий рошанский ковер на стене с коллекцией старинных бластеров. Сам полковник сидел в кресле и раскладывал на экране старинную «косынку», чуть склонив на бок седую голову. На его носу стильно топорщилось старомодное пенсне.

Загудел селектор, и полковник, не оборачиваясь, нажал клавишу.

– Плохие новости, господин полковник, – послышался голос Замира. – Поймали имперского лазутчика. Погиб один из наших, разбит вездеход.

– Общая тревога по форме три, – быстро произнес полковник. – Если лазутчик жив – перевести в бункер ноль и доложить мне. Выполняйте!

Полковник нажал отбой и положил руки на консоль. «Косынка» сразу исчезла, а на экране появилась таблица орбитальных вспышек за последние сутки. Спустя несколько минут полковник сам нажал вызов селектора.

– Кто дежурил сегодня на локаторах и проспал посадку капсулы? – спросил он. – Обоих выпороть электрохлыстами и в карцер.

– Так точно, господин полковник, – ответил Замир.

– Кто поймал диверсанта – объявить благодарность. – Полковник помолчал. – Кто погиб? – спросил он наконец.

– Дайбо.

– Жаль... – сухо сказал полковник. – Прекрасный был боец, сильный и толковый. Вечная память герою Метрополии!

– Вечная память! – откликнулся Замир.

Оба помолчали.

– Диверсант доставлен в бункер ноль, – доложил Замир.

– Ждите, я спускаюсь, – кратко кивнул полковник.

Диверсант сидел на железном стуле посередине бункера. Его правая рука висела как плеть, а плечо было замотано коллоидной повязкой, через которую проступала кровь. Вид у парня был испуганный.

– Кто задержал имперского диверсанта? – спросил полковник, оглядев бункер.

– Я, господин полковник. – Томаш шагнул вперед.

– В одиночку?

– Так точно, – кивнул Томаш слегка смущенно. – Подлец убил Дайбо, господин полковник!

– Томаш Мирослав Тереза Новак, – размеренно констатировал полковник, в упор разглядывая пленника, – самый молодой и слабый курсант, голыми руками, с ножиком, обезоружил и взял живым шпиона-диверсанта имперской армии?

Чернявый парень затравленно дернулся.

– Другого я и не ожидал... – усмехнулся полковник. – Слабаки имперцы!

Он вдруг шагнул к диверсанту и резко приподнял его голову за подбородок.

– Кто тебя подослал и зачем? – спросил он тихо.

Парень молчал.

– Оскар, подготовьте электрохлысты, иглы, кислоту и две ампулы с болестимулятором, – скомандовал полковник.

Руки парня затряслись.

– Как тебя зовут, мальчик? – участливо спросил полковник.

– Клаус Бонд, – ответил тот.

– Клаус, – спокойно начал полковник, – твоя жизнь тебе уже не принадлежит. Ты имперец, ты воюешь против свободной Метрополии. Ты влез на военную базу и убил нашего друга, и уже за это достоин смерти. Если ты думаешь, что будешь геройски молчать, – это ошибка. Героизма не существует, поверь. Героизм бывает в бою, когда салага ловит диверсанта с помощью ножика. А вот в плену героизма не бывает. Ты простой кусок страдающего мяса, который расскажет в ближайшие полчаса все. Это знаем мы, это знаешь ты, это знают и те, кто тебя послал, – никто от тебя не ждет героизма. Но ты можешь облегчить всем эту неприятную процедуру, если станешь отвечать на вопросы сам. И тогда у тебя есть шанс

остаться в живых. Обещать не буду, но шанс есть. Думай. У тебя есть несколько минут, пока готовят оборудование.

Полковник отошел к стене и принялся разглядывать клепки на стальной двери. Вернулся Оскар и поставил на каменный пол поднос с лязгнувшими инструментами.

– Хорошо, я буду говорить, – выпалил диверсант, нервно облизнув губы. – Вы со мной откровенны, господин полковник, и я с вами буду откровенен. Меня послали в разведку, чтобы я доложил о численности базы. Я посадил свою капсулу за полем ветряков в яме у заброшенной мачты.

Полковник быстро взглянул на Замира, и тот показал глазами, что это правда.

– Я должен был выйти на связь час назад, – продолжал пленный, – но я не вышел, и это значит, что я убит или в плену. Если вы меня заставите что-то передать – моим донесениям уже не поверят. Вам нет никакого смысла меня убивать, потому что сюда движется эскадра и через два дня возьмет планету штурмом. Империи понадобился гадолиниевый рудник.

– Что за эскадра? Кто ее ведет? – спросил полковник.

– Это эскадра адмирала Эрнесто Мариануса из шести эсминцев. И с ней добавочный корпус из двух эсминцев ко-адмирала Санчеса Диего Хуана Мигеля Фернандеса.

– Он врёт! – воскликнул Замир и поднял электрохлыст. – Нет никакой эскадры!

– Отставить, – тихо скомандовал ему полковник. – Продолжай, Клаус Бонд.

– Эскадра выйдет на связь с вашей базой завтра к полудню, а послезавтра начнет атаку. Вы не успеете вызвать помощь и не сможете дать отпор, полковник. У вас пустая орбита, нет оружия и энергии. Вас бросила ваша Метрополия в этой дыре. Но вы, – теперь парень явно передразнивал полковника, – сможете облегчить нам всем эту неприятную процедуру, если сдадитесь. У вас есть шанс остаться в живых, хотя обещать не буду. Думайте. У вас есть время.

Клаус Бонд гордо поднял голову.

– Он врёт! – снова воскликнул Замир, взмахнув хлыстом.

– А что, – спокойно продолжал полковник, не обращая на Замира никакого внимания, – Эрнесто Марианус все еще входит в изумрудный клан и носит зеленую треуголку?

– Да, – кивнул Клаус гордо. – Мы десантники изумрудного клана!

– А этот... э-э-э... как ты его назвал? Санчес, он тоже в клане изумруда?

– Нет. Он из клана тигров.

– Кто он такой? Сколько ему лет?

– Не знаю точно, полковник. Я сам его не видел. Но думаю, тридцать пять – сорок. Говорят, он молодой ко-адмирал. Говорят, потерял в боях глаз и имеет личную награду Императора.

– Кто из них командует всей эскадрой? – продолжал полковник. – Кому подчиняется Санчес? Сколько тигров на двух эсминцах? Сколько зеленых треуголок?

– Зеленых треуголок – двадцать тысяч, – начал бойко Клаус, – тигров – пять тысяч...

– Замир, вот теперь дай мне хлыст, – тихо попросил полковник, и Клаус осекся. – Клаус Бонд, я с тобой был честен, и ты обещал быть честным. И за каждую твою ложь...

– Я перепутал! – быстро поправился Клаус. – Зеленых треуголок полторы тысячи, тигров – не знаю, они на своих крейсерах живут...

* * *

Сбор в кабинете полковник называл советом, хотя ни с кем не советовался, а лишь отдавал распоряжения. Пригласил он только бригадиров и почему-то Томаша – видно, за недавние заслуги. Распоряжение были в основном самые будничные. Хозбригаде полковник велел провести в нижний ангар водопровод и канализацию. Кладовщику сказал выпи-

сать новые скатерти для столовой. Адаму, который считался художником, полковник вручил эскиз и велел раскрасить заднюю стену столовой, не жалея красок.

Затем полковник неожиданно для всех прочел небольшую пламенную речь, в которой повторял общеизвестные, в общем-то, вещи – о свободе Метрополии, о подвигах отцов и дедов, о лжи и подлости Империи, о том, что победа всегда будет за Метрополией, потому что за нами правда. А еще о том, что жалкие имперские собаки достойны лишь унижений и насмешек. Что и будет им продемонстрировано через час, когда они выйдут на связь.

– Господин полковник, разрешите вопрос? – спросил Замир. – А если диверсант врет?

– Он не врет, – объяснил полковник. – Ведь это сразу видно, когда человек врет, а когда нет.

Замир удивленно пошевелил бровями, но уточнять не стал.

И действительно, через час в эфире появился запрос контакта и зазвучал Имперский гимн – самое мерзкое музыкальное произведение из всех, написанных человечеством.

– Вызываю базу «Велга-328»! – послышался в эфире голос имперского связиста. – Сейчас с вами будет говорить его превосходительство адмирал Эрнесто Марианус и его сиятельство ко-адмирал Санчес Диего Хуан Мигель Фернандес. Наш сеанс связи транслируется на всех кораблях эскадры!

«Вот это они зря, – подумал Томаш, – сейчас им полковник покажет!» На экране появились три фигуры, но связь была неустойчивая, картинка пестрела квадратами, и выражение лиц разглядеть было нельзя.

Полковник откинулся на спинку кресла и оглядел свой маленький штаб гордым взглядом.

– Вам отвечает комендант базы «Велга-328» бригадир-полковник Зоран Зоран Петра Грабовски, – произнес он в микрофон так же торжественно. – И мой заместитель – файеркапитан Замир Пауль Ольга Юсупов. Я плохо расслышал, кто там у вас пристроился рядом с адмиралом Эрнесто?

– Его сиятельство ко-адмирал Санчес Диего Хуан Мигель Фернандес, – старательно повторил имперский связист.

Полковник удивленно хмыкнул.

– Что, мальчик из проблемной семьи? – отчетливо спросил полковник и первым захохотал.

А следом захохотал Замир, прыснул Томаш и загоготали остальные.

Судя по тому, как побагровели лица на экране, имперцы догадались, почему над ними смеются.

– Грабовски! – послышался властный голос. – Тебе недолго осталось смеяться, к тебе движется эскадра. Если ты сдашь базу, ты и твои люди останутся в живых.

– Эрнесто, – спокойно возразил Грабовский, – ты же меня хорошо знаешь, я никогда тебе не сдамся живым. И вы, трусливые имперские собаки, это прекрасно знаете, не зря же собрали такую эскадру. Но у нас есть чем ответить, поверь, Эрнесто. Вы получите сполна и подохнете в страхе и позоре, как сдох вчера ваш шпион Клаус.

– Грабовски, – Эрнесто повысил голос. – Клянусь, твоя голова...

– Ты старое бездарное ничтожество, Эрнесто, – перебил полковник. – И твои десантники – трусливые щенки, которые оставят в нашем песке свои жалкие кости. Это будет страшный бой, и никто из вас не уйдет живым, клянусь! У нас на базе есть такое оружие, которого никогда не знала ваша плешивая Империя. Даю тебе свое слово – слово Зорана Грабовски! Больше я не желаю с тобой разговаривать!

Полковник протянул руку и выключил передатчик.

– Цирк окончен, – сказал он. – А теперь за работу! Я дал распоряжения. Вопросы есть?

Замир помялся и покосился на Томаша.

– Говори вслух, – уловил полковник его движение. – Сейчас уже не важно.

– Господин полковник. – Замир кашлянул. – Но у нас ведь всего одна катодная пушка...

– Да, – ответил полковник.

– А энергии в аккумуляторах на один залп...

– Да, – повторил полковник.

Замир помолчал, а затем до него дошло: он вытянулся и шелкнул каблуками.

– Я готов умереть за Метрополию! – сказал он. – Слава свободной галактике!

– Отставить пораженческие настроения, – строго прервал полковник. – Мы все остаемся живы и блестяще разобьем врага. Выполняйте мои приказы!

* * *

Теперь несущаяся эскадра была видна на всех локаторах. Эрнесто Марианус сделал простой, но безошибочный маневр – он шел на «Велгу-328» строго от Денеба, чтобы до последнего дня быть в засветке на локаторах. Теперь эскадра выстраивалась полукольцом для десантной атаки.

– Господин полковник, я уверен – флагман вот этот! – Замир указал пальцем на самую крупную точку. – Прикажете навести пушку? Если нам повезет...

– Флагман вот тот. – Полковник ткнул мизинцем в небольшую точку с краю. – Но стрелять мы не будем. Подготовьте связь, я буду с ними говорить.

– Они давно пытаются выйти на связь, – доложил связист.

– Пусть пытаются, – кивнул полковник. – Еще не время.

Следующие полчаса ничего не происходило, если не считать того, что эскадра захватила орбиту и перегруппировывалась для десантной атаки. Вскоре началась артподготовка. Даже здесь, на глубине трех километров, ощущался гул и толчки, а что творилось сейчас на поверхности и во что превратилось поле ветряков и техника карьера – лучше и не знать.

Наконец локатор словно вспух – эскадра выпустила десантные боты, и они ринулись вниз. Томаш представил себе имперских десантников: как они сейчас сжимают в руках рычаги и несутся вниз – накаченные боевыми стимуляторами, готовые умереть за Империю.

– Проклятые мерзавцы! – прошипел Замир. – Они сейчас орут хором Имперский гимн с выпученными глазами!

– Да, – сказал полковник. – Именно это они и делают. И это прекрасно. Ждем еще двадцать секунд.

Эти двадцать секунд показались Томашу вечностью. Он до сих пор не понимал, почему полковник взял его в штаб, но уже догадывался, что наступает последний день в его жизни. Что ж, он готов умереть за Метрополию, как и любой из восьмидесяти двух солдат гарнизона. Восьмидесяти одного. Томаш вспомнил Дайбо и крепко сжал челюсти.

– Связь! – негромко скомандовал полковник и придвинул к себе микрофон: – Вызывает база «Велга-328»! Говорит комендант базы Зоран Грабовски. Я желаю говорить с его сиятельством ко-адмиралом Санчесом Диего Хуаном Мигелем Фернандесом, – отчетливо проговорил он. – У меня есть важная информация для его сиятельства.

Наступил тишина, а затем раздался голос имперского связиста:

– Его превосходительство адмирал Эрнесто Марианус на связи, он слушает вас.

– Мне не нужен старый дурак Эрнесто, у меня важное сообщение для его сиятельства предводителя клана тигров ко-адмирала Санчеса Диего Хуана Мигеля Фернандеса. Потом будет поздно.

Наступила тишина.

– Не будут они в таком тоне говорить, – покачал головой Замир.
– Будут, – кратко сказал полковник. – Они меня знают и боятся.
– Я, Санчес Фернандес, слушаю! – раздался насмешливый голос. – Предлагаю полковнику Зорану Грабовски сдать на милость Империи!

– Да, ваше сиятельство, – кратко ответил полковник. – Твои молитвы услышаны, берегись. Мы сдаемся на милость Империи.

Наступила недоуменная тишина.

– Как это? – спросил Фернандес.

– Прекратите огонь, – попросил полковник, – я поднимусь на поверхность без оружия. Со мной выйдет ваш Клаус Бонд, живой и невредимый. Мы сдаемся на милость его сиятельства ко-адмирала Санчеса Диего Хуана Мигеля Фернандеса.

Полковник выключил связь и откинулся в кресле.

– Оскар, подготовьте мой китель и кислородную маску, – приказал он. – Даниэль, откройте карцер и приведите Клауса, снимите с него наручники и принесите их тоже. Бегом! – рявкнул он.

Оскар и Даниэль, не раздумывая, бросились из штаба, в комнате остались только Полковник, Томаш и Замир. Томаш недоуменно перевел взгляд с полковника на Замира – у того тоже отвисла челюсть.

– Господин полковник, как прикажете это понимать? – глухо спросил Замир.

– Так и понимать, как слышали, – ответил полковник. – Мы сдаем базу. Я выхожу.

Замир снова открыл рот и закрыл его.

– Но это... – начал он. – Это... Это измена? Отставить!

– Замир, комендант базы я, – напомнил полковник, не поворачивая головы, он смотрел только в свой дисплей. – Так что поторопись, Замир, у нас мало времени...

Томаш видел, как правая рука Замира дрогнула и предательски медленно поползла вверх – к кобуре.

– Взять его! – взревел Замир, выхватывая бластер.

Томаш не понял, что произошло. Старый седой полковник только что сидел в кресле, а Замир стоял над ним, держа бластер по-полицейски, обеими руками, а теперь Замир лежал и стонал, полковник стоял над ним, а бластер, кувыркаясь, катился по полу в дальний угол.

– Томаш Новак, достать нож! – негромко приказал полковник. – Если он дернется – убить!

– С-с-слушаюсь... – заикаясь, выдавил Томаш, запуская руку за отворот куртки.

– И теперь слушай меня, Томаш, – произнес полковник, вынимая из своего стола увесистый сверток и вручая его Томашу. – Тебя нет и никогда не было. Я уничтожил твою метрику в архиве гарнизона. В этом пакете имперская форма, экранирующий костюм и пять ножей, я заказал их сегодня по образцу твоего. Ты залезешь в вентиляционную шахту над столовой и будешь наблюдать. Просто наблюдать. Когда поймешь, что можешь вылезти без шума и прокрасться в штаб, – прокрадись сюда. На орбите они оставят один крейсер, остальные посадят на планету. Ты дашь по нему залп. Основная защита будет отключена, залпа должно хватить. Тебе доводилось наводить катодную пушку?

– В одиночку – никак нет, – растерянно пробормотал Томаш. – Но в корпусе у нас были занятия.

– Разберешься, – кивнул полковник, – автоматика поможет. Итак, это было твое первое задание. Задание номер два: вернуться из штаба живым, вскрыть дверь ангара и выпустить пленных. И пусть они добьют остальных. Проследи лично: если адмирал и ко-адмирал будут живы – найди и добей их своими руками. Вопросы есть?

Томаш озадаченно чесал в затылке.

– Господин полковник, как же я смогу?

- Им будет не до тебя, – объяснил полковник. – Ты сможешь, я в тебя верю, сынок.
– Разрешите взять бластер?
– Нет, – отрезал полковник. – Они обыщут помещения энергосканерами, я дал тебе экранирующий костюм на тело. Только ножи.
– Господин полковник, а... что будет с имперцами? – спросил Томаш, помявшись. – Почему им будет не до меня?
– С ними будет то, что всегда бывает с людьми, – ответил полковник. – Выполняй!

* * *

Щель между щитами оказалась узкой, но вся столовая была видна как на ладони. Столовая была самым большим залом – здесь проводились и собрания, и праздники. Томашу было больно, что теперь здесь хозяйничают имперцы. Имперцы входили в дверь толпами, распевая гимн Империи. Они рассаживались за столиками, продолжая орать. Имперцы орали свой гимн яростно, но чем яростней орали и чем резче были их движения, тем яснее становилось Томашу, что победители не очень-то удовлетворены своей победой. Их было много – очень много, наверное, тысяча или две. Большая часть имперцев носила зеленые колпаки, но некоторые оказались в тигровых повязках – их было меньше, и они держались особняком. Томаш не мог разобрать, кто они: судя по бластерам, вроде тоже десантники, но, может, и техники.

На столике у входа лежала большая бобина двухцветной имперской ленты – синей с золотыми звездами, а рядом заботливо висели ножницы. Имперцы по очереди отрезали себе куски ленты и гордо привязывали на правое плечо. Это был их праздник. Томаш не видел, кто и когда принес ленту, похоже, она лежала тут с самого начала, и это было непонятно.

Тупые грузовые роботы заносили бесконечные ящики с закуской и выпивкой. На ящиках торчали имперские гербы – явно из крейсеров, севших на равнине. Роботы ставили ящики в угол, где их тут же потрошили десантники, устраивая импровизированные фуршеты. Один расшалившийся вертлявый парень повязал имперскую ленту на плечо робота. Робот вышел с этой лентой и вскоре зашел с новым ящиком. И снова вышел. Когда он вошел третий раз, его заметили. Высокий имперец, судя по нашивкам – капрал, догнал робота и выключил его. Робот замер с ящиком в руке. На стальном плечевом поршне топорщилась имперская лента.

– Какой предатель посмел сделать это? – громко спросил капрал.

Его не расслышали в общей суматохе. И тогда капрал вынул бластер, поставил огонь на минимум и дал залп в потолок. По вентиляционной шахте дохнуло раскаленной известкой, Томаш на миг зажмурился. Когда он открыл глаза снова, в столовой царила гробовая тишина.

– Кто?! Это?! Сделал?! – громко отчеканил капрал, обводя зал налитыми кровью глазами. – Кто посмел повесить на робота геральдическую ленту Великой Империи? Ленту, которую имеют право надевать лишь бойцы Империи, верные слуги Императора? Ленту, за которую проливали кровь наши отцы, наши деды и прадеды?

Зал молчал.

– Сегодня-я-я, – бушевал капрал, яростно растягивая слова. – Мы пр-р-разднуем победу-у-у! Победу над вр-р-рагом Империи, собакой Грабовски! Мы захватили гадолиниевый рудник, который так необходим Империи для новых катодных пушек и реакторных блоков! И эту нашу победу! – Голос капрала гремел. – Эту великую победу! Посмел оскорбить враг! Он здесь, он среди нас!

Капрал ткнул раструбом бластера прямо в сторону Томаша, и тот вздрогнул, хотя капрал явно имел в виду не его.

– Этот враг! – продолжал капрал, тыкая бластером во все стороны. – Захотел оскорбить Империю! Оскорбить доблесть! Оскорбить символ! Он надел ленту Империки, ленту победы на робота! На тупого железного робота с куцей памятью и грязными клешнями! Что он хотел сказать этим?! Что мы – роботы? Что знаки нашей доблести – пустая игрушка, которую можно окунать в грязь, вешать на рабов, вытирать задницу?! Пусть эта грязная трусливая собака сделает шаг вперед и...

– Да ладно, тебе, Эфан, – послышался бас, и кто-то опустил руку на плечо капрала.

– Что ты мне – ладно?! – взревел капрал, скидывая руку. – Что – ладно?! Это ты сделал?! Ты?!

– Да успокойся, Эфан, – заговорили со всех сторон. – Что ты завелся-то, в самом деле? Ну какой-то дурак повесил какую-то ленту...

– Не какую-то, а ленту Империки! – надрывался Эфан. – И не дурак, а подлец! Подлец в наших рядах! А это хуже врага! Пусть он выйдет! Пусть эта трусливая собака признается! Мы сразимся один на один! Давай! Выходи!

Ряды расступились, и вперед пробился здоровенный парень в лихо скошенной зеленой треуголке. Он на ходу закатывал рукава комбинезона, обнажая могучие руки.

– Ну я это сделал! – рявкнул он.

Томаш знал, что это сделал не он.

Эфан поднял раструб бластера, и лицо его исказилось.

– Ты сделал?! – зловеще повторил он. – Ты, Дельвиг?

– Брось пушку и ответь как мужчина, – пробасил верзила. – Ты хотел сразиться, Эфан?

Или ты трус?

Но Эфан не спешил расставаться с бластером.

– Так это сделал ты... – Он прищурился, а затем вовсе прикрыл один глаз, поднимая бластер. – Так получи же, поганая собака...

Неизвестно, чем бы это закончилось, но дверь распахнулась и на пороге в сопровождении парней в тигровых повязках появилась высокопоставленная персона. На вид этому человеку казалось не больше сорока лет, был он одет в мундир имперского ко-адмирала, слегка напоминавший расшитый золотом халат, а один глаз его закрывала повязка тигровой расцветки.

– Отставить дебош! – холодно произнес он. – Всем сесть. Сюда идет его превосходительство адмирал Эрнесто Марианус.

– Да здравствует его превосходительство адмирал Эрнесто Марианус! – разом отчеканили сотни глоток.

Настала тишина, ко-адмирал кратко махнул ладонью, приветствуя, и словно по команду вытянулись тигровые повязки.

– Славься его сиятельство ко-адмирал Санчес Диего Хуан Мигель Фернандес! – заорали они. – Слава! Слава! Слава! Вечная слава! Слава! Слава! Вечная слава!

Их было меньше, но орали они дольше. Ко-адмирал гордо прошел по залу и сел у дальней стены – там, где столики стояли на небольшом возвышении. Тут же все тигровые повязки перебрались к нему. Их действительно оказалось почти впятеро меньше, но выглядели они гордецами. Зеленые треуголки смотрели на них очень неодобрительно. Даже не на них – а чуть выше. Томаш пошевелился, чуть отполз и снова приник к щели, скосив глаза, – теперь ему целиком стал виден дальний конец зала и стена. На этой стене красовался огромный летящий тигр, растопыривший лапы в прыжке. Томаш мог поклясться, что еще утром его здесь не было.

В этот момент в сопровождении свиты появился властный седой старик в мундире адмирала и небольшой короне с изумрудом.

– Да здравствует его превосходительство адмирал Эрнесто Марианус! – разом отчеканили глотки.

– Здравствуйте, орлы! – гаркнул старик с неожиданной для своего возраста силой. – Да здравствует победа!

Он поднял руку, улыбнулся тонкими губами, оглядывая ряды зеленых треуголок, но вдруг заметил летящего во всю стену тигра и ряды тигровых повязок на возвышении. И улыбка сползла с его лица. Слегка растерянным казался и его адъютант – он держал в руке ящик с микрофоном и не знал теперь, куда его поставить. Вроде бы надо на возвышение, а оно занято.

Наконец Эрнесто Марианус решительно проследовал к тигровой стене и сел рядом с ко-адмиралом среди полосатых повязок. Адъютант установил микрофон, и Эрнесто Марианус начал:

– Бойцы! Орлы! Мы одержали большую победу! Гадолиниевый рудник отныне принадлежит Империи! Наши потери составили ноль! Наши враги обезоружены и заперты в ангаре! В страхе и мольбах они ожидают завтрашнего дня, когда мы явим им либо милость Империи, либо силу Империи!

– Убить!!! – заорали со всех сторон.

– Преступник Грабовски скован и заперт в моей каюте под охраной моих гвардейцев.

– Убить!!! – заорали со всех сторон. – Убить!!!

Адмирал улыбнулся краем рта и снова поднял ладонь.

– Мы празднуем нашу победу! – повторил он. – Слухи о нашей доблести летят так далеко, что теперь любой враг Империи предпочитает сдаться нам на милость, потому что...

– Не на вашу милость, господин Эрнесто, – тихо, но веско произнес кто-то за столом рядом с ним.

Адмирал запнулся, и губы его побелели.

– Не на вашу, – повторил тот же голос, – а на милость его сиятельства ко-адмирала Санчеса Диего Хуана...

– Молчать! – рявкнул в микрофон адмирал Эрнесто. – Как ты смеешь перебивать командира эскадры?!

– Вы не мой командир, ваше превосходительство, – возразил голос. – Мой командир был, есть и будет его сиятельство Санчес Диего...

В зале поднялся ропот и вперед выскочил капрал Эфан со своим бластером.

– На колени! – орал он. – Проси извинений, мерзавец! Ты оскорбил адмирала!

– Отберите у него бластер! – заорал кто-то, но было поздно.

Эфан поднял раструб и дал залп поверх голов. На стене, там, где была голова тигра, появилось раскаленное алое пятно. Оно вспыхнуло, словно по инерции прогреваясь изнутри, и медленно погасло, став черным. Тигр остался без головы.

– Подонки оскорбляют клан! – послышался истеричный голос, а следом раздались два залпа.

Обезглавленное тело Эфана безвольно обмякло.

И следом начался настоящий ад.

* * *

Полковника хоронили в закрытом гробу – настолько оказалось изуродовано его тело. Роботы-рудокопы привычно и деловито ковыряли оранжевый грунт. Они делали это легко и бездумно – так же копали они руду десятилетиями, так же вчера рыли котлован, куда свалили две тысячи имперских трупов.

Гарнизон стоял в молчании – все восемьдесят человек. Лишь тихо сипели кислородные мундштуки. Наконец гроб опустили в яму, и комендант базы файер-капитан Замир Пауль Ольга Юсупов первым снял с головы капюшон и поднял раструб бластера.

– Бойцы! – начал он. – Братья! Сегодня мы прощаемся с тем, кто был для нас дороже отца и матери! С тем, кому мы верили как самому себе! С тем, чья мудрость и военный опыт не знали границ! С тем, кто все предвидел, все понимал и все рассчитывал лучше нас на три хода вперед! С тем, кто самоотверженно отдал свою жизнь за нашу победу! Нашу горькую победу! Прощай, замученный подлыми имперскими гвардейцами, но не сдавшийся бригадир-полковник Зоран Зоран Петра Грабовски!

Замир качнул бластером и дал залп в низкое серое небо. Холодный аргон пронзил оранжевый световой луч и растаял в вышине. Следом вскинули бластеры остальные. И Томаш, закусив губу, яростно надавил на кнопку.

Роботы деловито закидали яму грунтом, а рядом поставили пирамидку из гадолия с выгравированной надписью.

«Оказывается, ему уже было семьдесят три», – сообразил Томаш.

Обратно шли молча, гуськом. Лишь в санпроходнике перед лифтами, когда уже сняли кислородные маски, кто-то сказал задумчиво:

– Да уж, всего не рассчитаешь...

– В каком смысле? – обернулся Замир.

– Я говорю, – продолжал рассуждать Оскар, – вряд ли полковник рассчитывал погибнуть. Он грамотно рассчитал, что нерастраченный боевой дух и вражда кланов заставят их устроить драку. Но ведь его не собирались убивать в тот вечер, просто под горячую руку попался, когда у них началась бойня.

Замир прищурил глаза и смерил Оскара взглядом.

– Оскар Шимон Бояна Вельд! – отчеканил он. – Уж не хочешь ли ты сказать, будто полковник не совершил свой последний подвиг? Будто он не отдал жизнь за всех нас и за победу над эскадрой? Будто погиб по глупости и недосмотру?

– Да нет, – покачал головой Оскар. – Я так не говорил. Я сказал, что полковник вряд ли собирался погибать так просто. Наверняка думал выжить, да всего ж не учтешь...

– Оскар Шимон Бояна Вельд! – отчеканил Замир яростно. – Сегодня, в день нашей победы, в день прощания с полковником ты посмел усомниться в его мудрости и героизме? Выйди и повтори при всех, чтобы все видели, что в наших рядах враг!

– Послушай, Замир, – неожиданно для себя вмешался Томаш. – Может быть, хватит, а? Уж кто бы говорил про сомнения в мудрости полковника!

Замир вспыхнул, его лицо пошло багровыми пятнами.

– Томаш Мирослав Тереза Новак! – рявкнул он, поднимая бластер. – Ты как смеешь говорить с комендантом?!

– А ты мне не комендант! – выпалил Томаш, отступая на шаг. – Мне полковник был комендантом! А ты для меня трус и изменник!

– Тихо, тихо! – встревожился Оскар. – Да вы что, парни? В день победы, в день похорон...

– Не тихо! – яростно огрызнулся Томаш на Оскара и снова повернулся к Замиру, чувствуя, как левая рука сама прижимается к груди и тянется вправо, за отворот комбинезона. – Не трогай память полковника, понял? Все, что угодно, говори! Но об одном лишь прошу: оставь ее в покое!

Владимир Венгловский Равлик-Павлик

Радиостанция в нашем Т-34 плохонькая, толку от нее во время боя – кот наплакал. Ломается чаще, чем работает. На привале вместо отдыха чинить приходится. Все уже третий сон видят, один я бодрствую – радиостанцию кручу. Хоть какая-то от меня польза. Во время боя обзор у стрелка-радиста маленький – все перед глазами скачет, ни черта не видно. Стрелял наугад, когда Студент, то есть командир, приказывал. Убил кого – не знаю.

Один лишь раз точно видел, что убил. Месяц назад под артиллерийский обстрел попали – пушку раскурочило, гусеницу сорвало. Сидим в башне – радуемся, что живые остались. Ваську-Гуся только контузило. И тут фрицы в атаку пошли. Думали, наверное, что в танке все померли. Прут цепью. Вытащили мы пулемет, за танком спрятались. Васька глаза выпучил, как рыба, ртом воздух хватает. Командир кровь со лба вытирает – осколком чиркнуло. Стреляй, говорит, Равлик. Я тогда не боялся – это же не «тигр»... Знал, что выживу. Командиру после боя орден Красного Знамени дали, а мне – медаль «За отвагу». Обещали в звании повысить, но пока не сложилось, так сержантом и остался.

Третий день наступаем. Из целых танков – наш, командира батальона и лейтенанта Павлущенко. Из моего пополнения почти все погибли. Впереди за леском – деревня, где фрицы окопались, Глушки называется. Все эти деревеньки у меня в голове перемешались. Деревня – бой, едешь, стреляешь, гарь, дым, в танке угореть можно. Снова деревня – опять бой. Вот и завтра эти самые Глушки взять надо. Небось, у фрицев тоже танки есть. Лишь бы не «тигры».

Когда «тигр» где-то в километре тебя на прицеле держит – все, туши свет. Или молись, или из танка выпрыгивай прямо под трибунал. Потому что пушка у «тигра» нашу броню на таком расстоянии пробивает, как яичную скорлупу. «Бэмц!» Кто из экипажа сразу убит, кого осколками искалечило. Если еще и в бак с горючим залепило... Солярка горит, температура в танке, как в аду. А я – в самом невыгодном положении. Сзади – Васька-заряжающий, слева – Михалыч. Только после кого-то из них вылезти могу.

Хотя насчет выпрыгивания из целого танка это я просто так сказал. Не выпрыгнем мы, пока не подобьют. И уж тем более командир. Злой на фашистов наш Студент. Отчаянный.

Один раз на «тигра» нарвались. Выехал между домами – метров пятьдесят до него было. Т-34 ревет. По внутренней связи не слышно ничего от грохота. Командир ноги на плечи Михалыча поставил и давит, показывает, куда ехать. Вдруг – «тигр»! Не ожидали его. Вообще фрицев не ждали. Не вижу – ощущаю, как командир напрягся. Губы сжал. Кулак под нос Ваське сует, мол, броневой давай! А я сижу ни жив ни мертв. Чувствую, не только мы напряглись – весь танк сжался. Металл, он же как живой, свои соки имеет. Положишь на него ладонь – и понимаешь, как они там, внутри, бегут, будто кровь в человеке. К подбитому танку прикоснешься – труп трупом. А к целому... Я с ним и разговариваю иногда, когда никто не слышит. Михалыч, наверное, лишь усмехнется в усы, а Васька – тот сразу пальцем у виска покрутит. Командир очками блеснет и начнет пургу нести, которой его в институте научили. Антинаучно, мол, это все. Только я чего снаряды от масла очищать люблю? В них тоже металл живой. Они – словно часть нашего танка. Вроде как семена у дерева, но не жизнь, а гибель несут.

Скукожился наш Т-34, будто кожей гусиной покрылся. «Тигр» уже пушку развернул. Командир губы сжал и выстрелил прямо на ходу! Чувствую – летит снаряд. «Хлоп!» – фашист загорелся, башню в сторону повело. А потом как рванет! У меня руки ходуном ходят. Михалыч кричит: «Лейтенант!» Он чаще всего нашего командира только лейтенантом и называет. Михалыч – он такой. Еще на финской воевал.

– Лейтенант! – кричит. Даже заикаться перестал. – Мы «тигра» подбили!

Обошлось. Выжили. Только «тигров» я теперь боюсь – смертельно. Едва вижу – сразу руки дрожать начинают. Когда радиостанцию после боя чиню – успокаиваюсь. Особенно если еще и ладонь к танку приложить. Не хочу, чтобы нас завтра «тигры» ждали. А металла впереди – куча. Знаю. Слышу его.

– Равлик! – прохрипел командир. – Черт с ней, с радиостанцией. Ложись спать. Я подежурю. Завтра бой, отдохнуть надо. А ты и так – странный какой-то. Сидишь, губами шевелишь, будто с танком разговариваешь. Молишься, что ли? Ложись давай.

Ложусь. Укрываюсь брезентом. Равлик... Это командир мне прозвище такое придумал. На самом деле я – Павлик. Павел Жаба. Фамилия моя такая. По имени меня никто из знакомых никогда и не называл. В школе я был Жабой. «Жаба, к доске». «Жаба, опять ты урок не выучил». В училище перед самой войной – тоже Жаба, и все тут. Когда месяц на радиоста-стрелка переучивали – Жаба! Ну, думаю, в экипаже тоже земноводным зверем буду. Хотя чего уж там – фамилия как фамилия. Бывают и хуже. Но в первый же день, когда нас, молодых, в экипаж собрали (один Михалыч из стариков был, весь его предыдущий экипаж погиб) командир меня Равликом окрестил. Сидели мы, отъедались после полуголодных пайков в училище. Гляжу – по танку улитка ползет. Я ее за панцирь схватил, поднес к глазам и говорю:

– Равлик-Павлик, высунь рожки.

– Что-что? – спросил командир наш новенький – лейтенант Григорьев. – Что еще за «равлик» такой?

– Дам тебе горошка... Это у нас в Украине так улиток называют, – улыбнулся я и аккуратно опустил равлика на лист лопуха.

– Эх ты, Равлик-Павлик, – сказал Григорьев.

За мной это прозвище и закрепилось. По-настоящему, так меня только мама называла, когда еще жива была. А командира мы Студентом зовем. За глаза, конечно, но он об этом знает. Когда только в часть явились, комбат нас принимал. Подошел к Григорьеву, а тот в строю стоит: шея длинная, уши торчат, очки такие круглые, интеллигентские. Ну, командир и спрашивает:

– Это что за студент такой?

А Григорьев:

– Никак нет, товарищ командир, аспирант!

Но для нас он Студентом так и остался. Зло Григорьев дерется, очень зло. Не щадит ни себя, ни нас. Всю семью его фашисты убили – и мать, и брата малого. А отец на фронте в сорок первом погиб. Думали вначале, что командир весь экипаж погубит. Но мы – в числе трех танков. Тех, что выжили. А сколько позади фашистов подбитых осталось – я не считал.

Эх... Лишь бы завтра не «тигры».

* * *

Сглазил! Знал же, что не надо каркать!

Первым подбили Павлущенко. Он справа под лесом шел. По центру – комбат. Слева – наш танк. И место открытое – не объедешь, не подкрадешься. Как на ладони все. Послали нас вперед, перед пехотой, ворваться в село и подавить огневые точки.

«Сынок, – сказал политрук Григорьеву, – понимаешь, надо! Ты уж не подкачай».

Надо – значит надо, тут ничего не поделаешь. Поможем пехоте. Первым делом мы два минометных расчета уничтожили, благо противотанковой артиллерии у фрицев не было. «Тигр» между хатами прятался. Подпустил танк Павлущенко поближе и, как в тире... Я только вскрик металла услышал. Т-34 будто на стенку наткнулся, а затем башня от взрыва метров на десять отлетела.

– Вон он, лейтенант! Между д-домами, ч-черт!

Григорьев повернул башню – не электрическим приводом, вручную крутил – все премудрости во время боя из головы вылетели. Выстрелили мы – только нет «тигра», отъехал. Стена дома обрушилась, пыль от штукатурки столбом. Танк комбата куда-то выстрелил. Я тоже строчил из пулемета в сторону немцев. По кустам, домам, в божий свет... Лишь бы заглушить начинающийся страх.

Вторым загорелся танк комбата. Трое успели выскочить и катались по земле, сбивая пламя. Четвертый член экипажа остался обгоревшим трупом, высунувшимся из люка на башне.

Я смотрел на все словно глазами нашего Т-34.

По танковой броне щелкали пули.

– Бронебойным, заряжай!

– Бронебойным готово!

«Тигр» выехал нам навстречу из-за стены крайнего слева дома. Лоб в лоб. Не пробьем мы его броню на таком расстоянии. Я снял непослушный палец с гашетки. Все бесполезно. Знал же, что погибну от «тигра». Обидно все-таки. А чем ты лучше других, Равлик? Ничем. Я схватился за броню, царапая ногтями металл, словно пытаюсь удержать его, укрепить перед выстрелом врага. Спрятаться за прочным непробиваемым панцирем. Выжить.

В детстве у маленького Равлика это хорошо получалось.

Я закрыл глаза.

* * *

Ночью снова стонал отец. Есть такая болезнь – позвоночная грыжа. Павлику она представлялась в виде большого черного паука, забравшегося под кожу и впившегося в позвоночник кривыми зубами. Павлик знал – утром снова придет отец Григорий, сухонький, в старой потрепанной рясе. Он скажет: «Ну-с, Андрей Николаевич, расслабьтесь», положит ладони на голую спину отца и будет долго сидеть, что-то бормоча себе под нос и глядя в потолок. Когда Павлик был совсем маленьким, как сейчас Аленка, он не понимал, почему этого чужого дядьку, от которого пахнет свечами и еще чем-то незнакомым, тоже называют отцом. Какой же из него отец? Отец большой, сильный. От него здоровски пахнет махоркой и начищенными сапогами. У отца есть наган, из которого он обещал дать пострелять, когда Павлик подрастет. У отца колючие усы и еще он – большевик! Даже тетушка Оксана, которая так и норовит огреть палкой пониже спины из-за краденых яблок, и та уважительно к отцу относится. Обязательно первой поздоровается.

Отец Григорий уйдет спустя час, сгорбившись, бросив на Павлика острый взгляд, от которого холодок пробежит по спине. Родной отец некоторое время полежит, потом, кряхтя, поднимется, распрямится, словно и не было никогда черного паука в спине.

В этот раз Павлик столкнулся с отцом Григорием в сенях – не удержался, выбежал во двор по нужде, а когда возвращался, то уткнулся лбом прямо в рясу.

– Ого! – сказал отец Григорий. – Экий ты, пострел, однако, шустрый. Ну-ка, посторонись.

Павлик прижался к поржавевшему умывальнику, пропуская гостя, зажмурился. Ладони легли на холодный металл. Железо поможет, защитит от дядьки. Вот сейчас... Ну... Отец Григорий остановился. Павлик открыл глаза.

– Лови, – сказал отец Григорий и кинул в него большую железную гайку.

Павлик поймал – не руками, мыслью поймал. Гайка повисла в воздухе, а потом, будто стеснясь своего поступка, со звоном упала на пол.

– Что случилось? – прокричала из комнаты мама.

Она не провожала гостя, а осталась вытирать мокрым платком пот со спины отца.

– Ничего, хозяйюшка, – ответил отец Григорий, – это я тут с отроком разминуться не смог.

Он наклонился, подбирая с пола гайку, и вдруг весело подмигнул.

– Приходи-ка ты сегодня ко мне, поговорим.

– А вы никому не скажете?

– Как можно? Это будет наш секрет.

Почему-то удаляющийся отец Григорий уже не казался Павлику таким страшным, как раньше.

* * *

Церковь была старенькой, с паутиной под потолком в дальнем темном углу. Павлик стоял и думал, что надо бы, наверное, перекреститься, как тетка Оксана крестится. Но он этого делать не умел. И вообще, его скоро в пионеры принимать должны.

– Здравствуй, Павел, – сказал появившийся в дверях отец Григорий. В руках он держал сапку с налипшими комками земли.

Так и сказал, не Павлик, не Павлуша, а Павел. Как взрослому. И от этого в груди прямо к горлу поднялся комок чего-то радостного и возвышенного.

– Здравствуйте, – сказал Павлик и, испугавшись, что голос получился писклявым, грубо добавил: – А чего у вас тут так... запущено.

– Вот ты возьми и распусти. – Отец Григорий опер сапку о стену и устало опустился на лавку. – Каждый норовит поругать, а помочь – добровольцев нет.

Он достал старый носовой платок и вытер лоб.

– Было тут хорошо раньше. Икона даже позолоченная была. Только когда голод в Поволжье начался, я ее отдал. Не забрали – сам отдал. Пусть и святая вещь, но, поверь, ни одна вещь на свете не стоит человеческих жизней, прости меня, Господи.

Отец Григорий перекрестился.

– Сейчас кто сюда ходит? Раз-два и обчелся. Паства по домам разбежалась.

– Ну и что? – сказал Павлик. – Религия – опиум для народа! – Он не знал, что означает слово «опиум», но подозревал, что что-то очень нехорошее, как самогон, который отец пьет по праздникам. – И... это, Бога нет!

– Ты в этом уверен? – улыбнулся отец Григорий.

– Да!

– А почему?

– Ну, так в школе говорят. Это антинаучно!

Отец Григорий спрятал платок и достал гайку. Сжал ее между указательным и большим пальцами и посмотрел сквозь отверстие на Павлика.

– Лучше скажи, ученая голова, как ты это делаешь?

Павлик нахмурился.

– А как вы папу лечите? – с вызовом спросил он.

Отец Григорий встал и неожиданно погладил Павлика по голове. Рука, прикоснувшаяся ко лбу, оказалась грубой и шершавой, как у папы.

* * *

Это случилось после того, как купили Люську. Павлик пас ее на дальнем пустыре. Люська была козой упрямой и вредной – того и гляди, боднет под коленки. Зато молоко по утрам она давала – вкуснее не бывает.

«Ладное молоко», – говорил отец Григорий, когда Павлик приносил ему кружечку.

О побеге заключенных из городской тюрьмы Павлик узнал позже, но в то утро никак не думал встретить на пустыре двух чужих дядек.

– Хорошая коза, – сказал первый дядька.

– Что с мальцом будем делать? – спросил второй.

Бежать? Но как? Догонят. Павлик сунул руку в карман.

– Ясно что. Выдаст, уйти не успеем.

В руке у одного блеснул нож. И тут Павлик по-настоящему испугался. Вокруг одуванчики цветут. Телега сломанная валяется. Солнце на небе яркое. Умирать не хочется. Но Люську отдавать убивцам нельзя – столько денег на нее копили. В кармане у Павлика лежало сокровище – английский перочинный нож, папин подарок. Надо выхватить, раскрыть лезвие и драться. Пальцы прикоснулись к металлу. По руке пробежали колючие ежики. Поднялись к плечу, покатались клубками по спине. Затылок обдало холодом. Сейчас Павлик выхватит папин подарок...

Нож раскроется, блеснет в воздухе и угодит в плечо первому убийце. Дядька схватится за рану, сквозь пальцы потекут струйки крови, как тогда, когда Павлик пробил вилами кожу на ладони. Потом Павлик подхватит заржавевший обод колеса, лежащий у сломанной телеги. Обод большой, тяжелый, хорошо по дядькиному лбу приложится. Металла вокруг много: гвозди в телеге, подкова под большим лопухом. Главное – не бояться.

Павлик закрыл глаза.

– Ме-е-е!

– Держи ее! За ноги держи! У-у, шавка.

– Ме-е-е!

И всхлип. Не человеческий. Страшный. А потом: кап-кап, кап-кап – капли падают и разбиваются о лежащую среди травы крышку консервной банки. Если раскроешь глаза, то увидишь повисшую на руках у дядьки Люську с перерезанным горлом.

– Зар-раза, таки выпачкался. Уходим быстрее!

Перочинный нож, обод, подкова – они связаны невидимой нитью. Создают панцирь, укрывающий Павлика от всего мира. Павлика нет. Его не существует. Он за прочной броней, отгородившийся от страхов. Где-то там, во внешнем мире, про него забыли. Там режут Люську и льется кровь. Но здесь тихо и спокойно, только громко колотится сердце. Надо лишь выждать, пока убийцы уйдут.

Панцирь рассыпался с едва слышным звоном, как тонкое стекло. Мир встретил пятнами крови на земле и мыслью: «Что я скажу маме?»

* * *

– Сильно мать убивалась? – спросил отец Григорий, когда они сидели на лавочке возле церкви.

Павлик всхлипнул. Он бросил на землю несколько крошек для стайки воробышков, что весело прыгали и щебетали на теплой земле.

– Не плачь, – сказал отец Григорий. – Она была рада, что ты жив остался. А коза – дело наживное. Ну, перестань. Есть такие моменты, когда каждый может испугаться.

– Папа бы не испугался! Вы бы не испугались!

– Я? – нахмурился отец Григорий. – Еще как бы испугался! Что я могу сделать против двух здоровяков? Зато я умею фокусы сотворить, хочешь, покажу?

Павлик кивнул. Отец Григорий достал коробок спичек, зажег одну, держа в правой руке. Затем протянул левую, и огонек, сорвавшись со спички, пролетел по воздуху и впитался в вытянутый палец.

– Здорово! – удивился Павлик. – Вы... огонь... в себя! А папиного паука... боль от спины тоже так забираете?!

– Подобным образом.

– А вам не больно?

– Чуть-чуть, – усмехнулся отец Григорий. – Вот если я много огня впитаю, тогда да – больно будет, даже очень. Смотри, я, оказывается, еще и слезы забрать умею!

– Нет, – улыбнулся в ответ Павлик. – Они сами высохли. Ой, совсем забыл. К отцу человек приходил, о вас спрашивал. Сказал, что не надо вам больше видеться. Это плохо, что я подслушал, да?

– Это негоже, Павлик.

– А меня простят? Ну... там.

– Перед этим ты сам себя простить должен. А насчет отца не переживай. Я все равно приду, когда его опять схватит. Пусть ночью, чтобы никто не видел. Понимаешь, ведь нам с тобой не просто так сила дана. И родились мы здесь не случайно. Где-то существует другой мир, светлый, чистый, там люди не убивают друг друга и царит счастье. Может быть, среди нас есть посланцы оттуда, что думаешь? Что, если Господь хотел, чтобы мы родились тут и принесли частичку света иной жизни?

– Я не знаю.

– А ты не знай. Просто поступай, как считаешь правильным.

* * *

Отец Григорий умер два месяца спустя, когда начались холода и первые заморозки затянули лужи тонким льдом. Павлик сидел дома – противная ангина схватила горло. Говорить было больно. Книгу про детей капитана Гранта читать не хотелось – Павлик лежал и смотрел в окно. По небу медленно и торжественно, как на параде, плыли тучи с розовой корочкой. И далеко-далеко в воздушном океане чудились волшебные земли, полные ярких цветов и говорящих птиц.

Ему рассказали позже, как загорелась школа. Наверное, отошла заслонка у старой печи. Выпало горящее полено, занялся половик. Через несколько минут пламя бушевало, перекрыв выход к спасению. Испуганные ученики и Мария Опанасовна собрались в углу класса, задыхаясь от дыма. Не вырваться, не убежать.

Никто не знает, почему пламя так внезапно погасло, поговаривают, что его задул сильный порыв ветра. Только тетка Оксана каждый раз, вспоминая трагедию, истово крестилась и обнимала свою дочурку.

При пожаре погибли только двое – пьяный сторож и отец Григорий. Обгоревшее тело священника нашли невдалеке от школы. Он лежал, раскинув руки в стороны, и смотрел в небо почерневшим лицом. Говорят, что бросился спасать детей, потому и обгорел.

Но Павлику известно, как все было.

Кровь на земле от убитой козы. Сгоревший отец Григорий. Высунувшийся из танка черный труп.

«Что я скажу маме?»

«Поступай, как считаешь правильным». Но впереди – страх и смерть. Там прячется убийца, поджидающий жертву.

«Равлик-Павлик...»

Павел улыбнулся. Палец вернулся на гашетку пулемета. Ладонь ощутила холодный металл.

«Равлик-Павлик, высунь рожки, дам тебе горошка».

* * *

Перед нами был «тигр», но мои руки больше не дрожали. Едва начавший твердеть панцирь со звоном лопнул и рассыпался невидимыми осколками. Я почувствовал вражеский танк, понял волнение и азарт затаившегося безнаказанного хищника.

– Стреляй, командир, – сказал я.

Два выстрела слились в один. Короткое мгновение полета снаряда в цель. Я летел вместе с ним, ощущал пение ветра и яркую свободу жизни. Я знал, куда надо направить смерть.

Снаряд «тигра» задел борт Т-34 и разорвался снаружи. Внутри брызнули осколки брони. Коротко охнул Михалыч. Закричал Василий, зажимая рану на голове. Больно кольнуло в ногу и грудь.

Наш выстрел угодил «тигру» под башню – единственное незащищенное место. Хищник захлебнулся огнем и смертью. Пламя вспыхнуло погребальным костром.

– Мы подбили его, Равлик, – прошептал лейтенант.

– Я знаю, – сказал я и попытался улыбнуться.

Позади с криком «Ура!» шла в атаку пехота.

Карина Шаинян Водочистка

Чуть-чуть вытопанной травы, немного переплетенных корней, а все остальное – грязь, красная, липкая грязь. Даже в детстве Катя не умудрялась так перепачкаться – это другие дети, и земляне, и тхуканцы, могли извозиться, как поросята, но не она. А теперь даже в волосах грязь, брюки порваны на коленках. Пахнет гарью, листвой и железом, капли дождя оставляют во рту металлический привкус. Болит голова, и страшно саднит висок.

Холодный ствол бластера содрал кожу. Зачем так давить – неужели Тами боится, что Катя убежит? Куда она денется с корабля? Кусок металла несется через пустоту, скорчились в уютных мягких креслах пассажиры, и страшно, страшно. В кают-компании тхуканцы с лицами, похожими на лезвия кинжалов, держат под прицелом землян. Сталь подрагивает в руках, – как будто дикари ждут сопротивления от кучки студентов.

Тами вталкивает Катю в рубку, рычит капитану:

– Корабль заминирован. Лети на Тхукан. Сейчас.

Совсем рядом Катя видит белые от ужаса глаза второго пилота. Тами коротким тычком отбрасывает его в сторону и сильнее вжимает ствол в Катин висок.

– Пересчитывай маршрут. Быстро!

Тами говорит с сильным хакающим акцентом, как будто у него першит в горле. Катя улыбается сквозь слезы.

– В детстве ты говорил чище...

Тами смотрит на нее бешено и недоуменно, отбрасывает в сторону. Катя съеживается на полу, в спину врезается что-то твердое и холодное. Мокрое. Грязное.

Катя отодвигается от валуна, на который опиралась спиной, машинально тянется отряхнуть спину. Трет зудящую ссадину, под пальцами глина сбивается в катышки, и Катя испуганно отдергивает руку. Если грязь попадет на ранку – она загноится, превратится в язву. Как у тех людей, которые хлынули на Байкал во время Кризиса.

Страшная старуха с лицом, покрытым гнойными струпьями, хватает пятилетнюю Катю за руку: «Доченька, нашлась, нашлась!» От нее шибает больным невымытым телом, и Катя молча вырывается, еле сдерживая тошноту. Дома она старательно моет руку там, где в нее впились грязные цепкие пальцы. Льет на ладони чистую, прозрачную воду, а потом пьет – долго, через силу, с торжествующей жадностью. У них есть вода! У них много чистой воды. Потому что они хорошие – папа говорил, что люди сами виноваты в Кризисе: расслабились, научившись строить звездолеты, увидев, сколько в космосе хороших планет. «Каждый думал – успею улететь, если что, – говорил папа. – Перестали заботиться о Земле. А ведь предупреждали...» Папа тоже предупреждал, Катя знает. Папа – ученый, а ученые хорошие.

А теперь вокруг их биостанции – палатки, шалаши, грязные куски полиэтилена, душная кислая вонь. Все эти люди, которых предупреждали, прибежали теперь в их чистый поселок, кричат, ругаются с деревенскими. Даже дерутся – Катя видела, как на станцию прокрался егерь. Лицо его было в крови. Он говорил, размахивая руками и дергая разбитой бровью, а отец все качал головой, и наконец егерь плюнул под ноги и ушел. Отец долго смотрел на палатки, и лицо у него было тоскливое и растерянное, совсем незнакомое.

А теперь ночь, и свежий ветер с озера не может разогнать мерзкий запах лагеря. Катя забралась в родительскую постель – если придет та страшная старуха, папа с мамой защитят. За окнами гудит людской муравейник, а потом вдруг взрывается криками. Мама подскакивает с кровати, лицо у нее белое. «Не смей, Марина», – говорит отец. «Они перебьют друг

друга, Андрей, мы должны что-то сделать, тебя послушают...» – «Не смей выходить. Если вмешаемся – вовек не отмоемся... Там нет правых и виноватых». – «Что же дальше будет...» – шепчет мама, ломая пальцы, и отец обнимает ее, отводит от окна: «Улетим на Тхукан. Мне недавно предложили место... И теперь, пожалуй, имеет смысл согласиться». А потом раздается громкий треск, мелькают огни, и отец дергает Катю за руку, бросая на пол.

Тами выталкивает Катю на середину поляны, и она безнадежно опускается на землю. Корабль приземлился почти на самом берегу Хата, в знакомых с детства местах. Тхуканцы рассыпались цепью вокруг поляны, окружив выгнанных под дождь людей.

– На Земле не верят, что мы настроены серьезно, – говорит Тами. – Что ж, тем хуже для вас.

Он поднимает бластер, грохот заглушает шелест дождя, ошметки грязи летят в лицо. В наступившей тишине слышно, как за деревьями густо всхлипывает Хат, и Катя инстинктивно ползет на звук. Сквозь зелень уже мелькает красная, лаково блестящая вода – в верховьях ливни смывают почву, вода мешается с илом. Катя ползет изо всех сил, в ушах гудит от напряжения – нет, это гудит насос, работает на пределе, очищая воду...

Катя подходит к реке, стараясь не ступать в грязь, – на ней новенькие ботиночки, белые с розовым, папа только вчера привез из командировки. На мостках сидит Тами, его худое носатое лицо сияет, а в руках...

– Ой, какая прелесть! – говорит Катя, и Тами загадочно ухмыляется. Он щекочет зверьку брюшко, и тот, сверкая глазками-бусинками, переворачивается на спину, хлопает широким плоским хвостом. Катя заморожено гладит шелковую шкурку, мех переливается всеми оттенками красного. Зверек размером примерно с котенка, но такой пушистый, что кажется больше. Тами осторожно пересаживает его на колени подружки и зачерпывает густую красную воду. Берет зверька и сажает в ведро – Катя не успевает даже вскрикнуть. Она с ужасом смотрит, как намокает и пачкается прекрасный мех, а потом зверек начинает звонко шлепать хвостом, вертеться, фыркать, – и вода в ведре светлеет. Тами стоит рядом, довольный и гордый.

– Это тхак. Смотри, смотри!

Катя смотрит. Вода в ведре уже абсолютно прозрачная, только на стенках осталась тонкая корка спрессованного ила. Зверек пьет, с хлюпаньем втягивая воду, а потом повисает на краю ведра, смотрит на детей блестящими глазами, и Кате кажется, что он смеется.

– Водочистка, – тянет потрясенная Катя.

– Ага, – соглашается Тами. – Только не говори никому!

– Почему? – удивляется Катя.

– Меня отец убьет, если узнает. Тхаков нельзя ловить и тем более показывать чужакам. Раньше воды не было, только ил, людям нечего было пить. Тогда Создатель отрезал волосы и бросил на землю – так появились тхаки. Вот, – Тами слегка смущается, отворачивается к реке. – Я тебе показал, потому что ты мой лучший друг. Так что поклянись, что никому не скажешь.

– Клянусь, – говорит Катя, – можно, я его еще поглажу?

Мягкая, густая шерстка, такая красивая, такая гладкая. Водочистка фыркает, и ее мех вдруг становится мокрым и грязным, липнет к пальцам. Катя брезгливо отдергивает руку, и что-то больно ударяет ее в бок.

Катя уворачивается от ноги, занесенной для нового удара, и оказывается лицом к лицу с Полем. Он лежит на спине, его волосы, такие светлые и мягкие, перепачканы красным.

Катя отшатывается, кровь отливает от лица. Голубые глаза Поля открыты, и Кате кажется, что он смотрит на нее насмешливо и нежно.

Катя поплотнее запахивает халатик.

– Не смотри на меня, – улыбается она, – я еще не умылась даже – Амико заняла душ.

Поль развалился в кресле, солнечные зайчики прыгают по волосам, смешливо сморщенному носу, по светлым стенам холла. Катя с наслаждением подставляет руки под блики земного солнца: завтра они летят на Сайву, и долгие два месяца практики им будет светить чужая звезда.

– Ну, раз нельзя смотреть на тебя, посмотрю новости, – говорит Поль и щелкает пультом.

Экран оживает, и Катя, присмотревшись, вскрикивает: камера плывет над знакомой биостанцией, зависает у разбитого окна – за ним бывшая папина лаборатория, столы перевернуты, на полу блестят осколки стекла, ветер шевелит обрывки бумаги и пленки. Диктор тревожно бубнит: «новые нападения на тхакофермы... есть жертвы...» На дорожке между пустыми вольерами, уткнувшись лицом в красную глину, лежит человек в синем халате – и рядом мертвый тхуканец. Крупный мужчина в форме гневно кривит лицо: «Земляне не допустят разграбления тхакоферм. Мы не завоевываем Тхукан, мы боремся за выживание. Земле нужны водочистки, и горстка религиозных фанатиков-дикарей нас не остановит».

Катя отводит глаза, тербит пояс халата.

– Они ведь не разбирают даже, где фанатики, а где мирные, убивают всех...

– Они все фанатики, Катя.

– Да, наверное... Я понимаю, что другого выхода нет, наверное, но так же нельзя... Я не могу... – Катя вскидывает глаза на экран, и ей кажется, что щека военного измазана кровью. – Поль, выключи, пожалуйста.

Поль хмыкает, но послушно щелкает пультом.

– Ты говоришь прямо как наши чокнутые гуманисты. Они готовы угробить Землю, лишь бы дикари не пострадали... Катя, это же не люди! Они убивают землян, всех подряд, всегда и везде! Или мы, или они – понимаешь? Раз они не захотели договориться...

– Я понимаю. Но они же не все такие, не все! Среди них есть очень хорошие, я уверена, что они пытаются договориться! Просто они же не могут справиться... Я не знаю... Понимаешь, Поль, какую сторону не считай правой – все равно потом будет стыдно.

Поль моргает светлыми ресницами, пожимает плечами. Тишина давит, и Катя, зажмурившись, мотает головой, отгоняя мучительную картинку: взрослый Тами, грубый, сильно и плохо пахнущий, в заляпанной глиной одежде, со злобной ухмылкой стреляет в землянина.

Падает второй пилот, загребая побелевшими пальцами грязь. Остальные земляне сбиваются в кучу, и Катя слышит всхлипы Амико.

– Думаю, теперь они зашевелятся, – говорит Тами, засовывая бластер в кобуру. – Мы просто хотим, чтобы вы ушли, – говорит он. – Ведите себя благоразумно, и мы вас больше не тронем. Если земляне улетят с Тхукана – мы вас отпустим.

«Наивные идиоты», – шепчет Амико. Тами не слышит.

– Если вы уйдете, мы простим вам то, что вы сделали с тхаками, – продолжает он.

– Вы сумасшедшие маньяки! – кричит Амико. – Без водочисток земляне погибнут!

– Нам плевать на землян, – отвечает Тами. – Представьте, что мы... ну, например, начнем топить печи распятиями. – Он говорит всем, но смотрит на Катю. Один из тхуканцев толкает его локтем – понятно, что Тами говорит лишнее, не о чем рассуждать о святом с этими земными животными. Но он глядит на Катю и повторяет: – Представь...

Катя плачет, и слезы оставляют чистые дорожки на перепачканном лице.

Дорожка вьется между деревьями, еле заметная, нужно знать, чтобы увидеть. Никто не замечает тропинки, люди растеряны и напуганы. Тами, окинув землян недобрый взглядом, опять ныряет в корабль. Катя смотрит на тропинку, ее петли зовут и подмигивают. Сколько раз они с Тамой ходили здесь – наигравшись в лесу, возвращались в поселок, заглядывали по пути на биостанцию к Катиному отцу, и он кормил их бутербродами – сам съесть не успевал, всегда был занят. Катя оглядывается. Она стоит на краю поляны, и ни один тхуканец не смотрит. Они не опасаются – ведь Катя все еще маленькая девочка, чистая девочка, не знающая ничего о войне, лучший друг Тамы. Она пойдет по тропинке домой. Биостанция разрушена, но там должны быть люди и даже, наверное, солдаты. Она позовет их, они придут и прогонят тхуканцев, чтоб не стреляли в людей. Правда, тогда будут стрелять в Тамю – он стоит над передатчиком, сосредоточенно хмурясь, и Катя безуспешно пытается поймать его взгляд, как будто ожидая разрешения побежать наконец по тропе. Но Тами больше не смотрит на нее.

Земляне сидят, привалившись друг к другу, промокшие и грязные. «Они перебьют нас всех», – шепчет Амико, и Катя вжимает голову в колени, чтобы не слышать. Дождь прекратился, солнце играет в грязи, глина взрывается тысячью блесков – как вечерние платья красивых, серьезных женщин, как хрустальные люстры, как пузырьки в бокале шампанского.

Катя пьет шампанское первый раз в жизни – на банкете в честь папиного открытия можно. Тем более что она сама... Катя тихо улыбается про себя – если бы она не рассказала папе про симпатичного пушистого тхака... Ну и что, что она поклялась Тамю никому не говорить. Зато папе обещала рассказывать про всех необычных животных, встреченных в лесу, – а уж водочистка точно была необычной! Жаль, что Тами обиделся, – так и не разговоривал с ней до самого отъезда. По лицу Кати пробегает тень, но поток шампанского снова настраивает на радостно-торжественный лад. Изящно держа бокал, Катя прогуливается среди гостей, вслушиваясь в разговоры.

- ...сразу же вернемся на Землю...
 - ...и такие милые, представь себе! Жалко, что на Земле больше года не живут...
 - ...говорят, тхуканцы недовольны, но вряд ли это нужно воспринимать всерьез...
 - ...но мы над этим работаем. Пока будем разводить на Тхукане, а там, глядишь, придумаем, как заставить размножаться на Земле...
 - ...дрессировка, основанная на природных инстинктах...
 - Андрей Васильевич! Позвольте... спасение... нет, нет, не возражайте!
- Сверкающий зал гудит, и гудит в голове от шампанского.

Гудят голоса, тхуканцы сбились в кучу, машут руками. Какое злое у Тамы лицо... Он бросает мимолетный взгляд на землян и отворачивается.

- Что-то у них пошло не так, – шепчет Амико.
- Нас отказались выкупать, вот и все, – отвечает ей капитан.
- Гады, – всхлипывает рыжий парень с параллельного курса, и капитан рычит:
- Чего мы стоим по сравнению с Землей? Заткнись, слюняй!
- Кучка дикарей, пусть вооруженных... – задумчиво тянет Амико, капитан пристально смотрит на нее, и Катю обдает волной паники. Она зажмуривается, а когда открывает глаза, видит, что пилот, пригнувшись, бежит к Тамю. Это глупо и страшно – бросаться на тхуканцев с голыми руками, но тут за спиной Тамы вырастает покрытая грязью тонкая фигурка, и Катя понимает, что это Амико – страшная, оскаленная, совершенно незнакомая Амико с бластером в руках. Амико дико визжит, из бластера вылетает красный, как глина, луч, и Катя теряет сознание.

Во рту металлический привкус, страшно болит голова. Вьется между деревьями дорожка, и никто не помешает Кате бежать по ней до самого поселка, позвать на помощь, – некому помешать, все мертвы. Мертва Амико, и капитан, и перепуганный рыжий, все земляне. И Тами мертв, и остальные тхуканцы с лицами, как лезвия кинжалов. Осталась одна Катя – Катя и дорожка. Но нельзя же идти в поселок такой перепачканной! Даже спину уделала о грязный валун – зачем только на него опиралась? И в детстве она не умудрялась так замараться – это другие дети, и земляне, и тхуканцы, могли извозиться, как поросята, но не Катя. Она пытается стереть грязь, но глина только размазывается, прилипает к рукам, и Катя понимает, что это не грязь, а кровь. Борясь с тошнотой, она шарит по карманам в поисках платка – вечно у нее нет под рукой платка, ведь она никогда не пачкается, а если что – можно попросить у Поля или Амико. Катя оглядывается, и внутри что-то обрывается. Грязь захлестывает с головой, забивает рот, ноздри, проникает внутрь, облепляет холодной массой сердце. Крик Кати переходит в вой, и воет вертолет над тхуканским лесом – белый вертолет землян.

Белые простыни, а Катя вся в красном иле, волосы сбились в колтун, пачкают подушку – так нельзя, она обязательно должна сходить в душ. Катя тянется к звонку, и входит врач в сверкающем, хрустящем халате.

– К вам гости, Катя, – улыбается он. В дверях маячат родители, отец машет сеткой с красно-оранжевыми апельсинами.

– Нет, – Катя тянет на себя простыню, от пальцев на ткани остаются пятна. – Нет. Подождите немножко, я только схожу в душ, мне обязательно нужно помыться. – Она криво улыбается отцу и отводит глаза – зачем он смотрит на нее такую? – Я такая грязная, подождите немножко.

– Катя, – мягко говорит врач, – ты была в душе полчаса назад.

– Вы что-то путаете, – возражает Катя, показывая доктору руки, покрытые глиной. Неужели он не видит?

Улыбка врача тает, он что-то говорит родителям, и они уходят. Катя вздыхает с облегчением. Сейчас она помоеется, а уж потом вволю поболтает. Как хорошо, что на Земле снова есть чистая вода! А все потому, что Катя слушалась папу. Правда, Тами обиделся... С Тами связано что-то еще, неприятное и даже страшное, и Катя мучительно морщит лоб, а потом машет рукой. У нее и так достаточно проблем – вон как вся извозилась. О Тами можно подумать и потом, да что о нем думать, вырос, учится где-то, наверное... вот бы встретиться, поболтать. Катя уверена, что они помиряются, – детские обиды ничего не значат. В палату входит медсестра, у нее душистые белые руки и ясные глаза. Она трет ваткой Катину руку, ватка сразу краснеет, на коже остаются разводы, но сестра почему-то не обращает на них внимания. Блестящая игла впивается в Катину вену, и перед глазами плещется густая вода тхуканской реки. «Поспи», – говорит сестра, и Катя послушно сворачивается клубочком. Нехорошо укладываться в постель, не приняв душ, но она очень устала. Она только чуть-чуть отдохнет, а потом отмоется и будет чистой, как раньше.

Во сне Катя царапает лицо, пытаясь снять присохшую красную корку.

Мимо развалин биостанции течет илистый ручей. По красной воде растекается радужная пленка, плывет мелкий мусор, берега покрыты мерзкими бурыми пятнами. На берегу ручья сидит водочистка. На ее рыжей мордочке уже появились седые волоски, но глаза блестят, и хвост все еще гибок. Водочистка нюхает воду. От ручья пахнет руками: мягкими, детскими руками, маленькими пальцами, щекочущими брюшко, – вьются струйки еды, глины, молока. Большими ладонями, – от них вонь белых стен, стеклянных пузырей, острого металла, крови. Узкими жесткими руками, осторожными и почтительными, – лес,

дым и снова кровь. Водочистка вылизывает грудку и фыркает на ручей. Так много рук, а кровью не пахло только от тех, самых первых. Или пахло? Водочистка не помнит. Она входит в загрязненную воду, шлепает лапами, вертится и бьет хвостом. Альый мех темнеет, вьются крошечные водовороты, и скоро вода вокруг тхака начинает светлеть.

Григорий Панченко Жан

– Ну живей же!

Я попятился, отступая к стене. Холодно было стоять нагишом, да и неловко, честно-то говоря. В Домреми, помнится, о таком мы не особо задумывались, ну так ведь здесь не полутемная теснотища деревенского дома и не берег пруда за околицей. Да и мы – здесь, сейчас – не «близняшки из Домреми».

Я рыцарь вообще-то! Ну ладно, у нас, господ, это называется «оруженосец», господа мне все объяснили. Но у меня у самого вообще-то есть... то есть был специальный парень, который подавал мне оружие, помогал напяливать латы и подводил боевого коня. А после, когда подъезжали мы к месту боя, этого же коня уводил прочь, потому как сражаться большей частью приходилось за укрепления; так и не выпало мне покамест скакать в атаку, эх! Зато пехотным копьем в схватках орудовал я очень даже изрядно, бился плечом к плечу с самонаидостопоподобными рыцарями, дважды даже было – впереди всех. За первый из тех случаев меня признал равным себе по отваге сам сеньор де Виньоль; у него прозвание «Ла Гир», но вот на то, чтобы привселюдно именовать его так, у меня отваги как раз и не хватило, ну да пускай, мало у кого хватает...

На осадной лестнице я тоже среди передних был, когда брали мы штурмом бастиду Турель да городишко Жаржо, скверный и колючий, словно еж. Тогда все рыцари, сколько их есть в нашей войске, знай говорили про мое бесстрашие; и все оруженосцы, и солдаты тоже.

Вот только никто из них не знал, что то был я.

– Да скоро ли ты там?!

Молчит, не отвечает. Только что, один раз «Отче наш» прочитать, была слышна какая-то возня, шорох одежды – но вдруг как замерло все на полужвуке. Стою, глаза опустив, с ноги на ногу переминаюсь. Будто посторонний какой, случайный здесь человечешко. Дурак дураком.

И вдруг снова зашелестело. Ну наконец-то. Долгое ли дело – штаны натянуть!

– Не поворачивайся!

Это *она* мне. А я и не думаю поворачиваться, между прочим. Голос вот только какой-то странный у *нее* сделался.

Начал я вспоминать, когда еще такой голос слышал – отчего-то вдруг это очень важным показалось, – да так и не припомнил ничего. *Ее* вообще поди разбери. Уже с тринадцати лет не пытаюсь.

Хотя это я загнул: как раз у меня получалось иногда. У меня да у папани. Он точно что-то чувствовал, причем загодя: даже мы с *ней* еще ничего не сообразили... да что там – *она* сама небось еще себя не поняла.

Себя. Или ИХ.

– Слушай, да сколько можно! Я уже гусиной кожей покрылся, если хочешь знать! Рубаху хоть подай...

– Потерпишь. С Малышом виделся?

Это только меж нас двоих могло быть сказано. В войске-то наши домашние прозвания неведомы, а вот в семье, да и в деревне, «Малыш» – не Пьер, младшенький, но сам я. С тех же тринадцати лет, когда стало ясно, что мы, «близнята из Домреми», даже росточком друг другу остаемся вровень. Впрочем, семья-то пускай, а деревенским сверстникам я за такое именование сразу морду бил, да и пацанве постарше. Сам уже не помню, отчего счел это для себя такой обидой, но сладу со мной не было никакого, даром, что ли, вокруг старины Реми-

экоршера¹ с малолетства терся. Правда, как-то раз подстерегли меня за ручьем жуанвильские ребята, втроем на одного – и худо бы пришлось, да только вдруг *она* на помощь подоспела, неожиданно-негаданно. Эта тройца от нас двоих едва ноги унесла, в слезах, соплях и кровище.

(Да забодай меня улитка, ведь тогда я и брякнул, в восторге от нашей удали: дескать, носи ты не девчачье платье, а штаны – эх, и наподдали бы мы всем этим бургиньонам вместе с годоями!

А что *она* ответила? Или, может, промолчала как-то по-особенному?

Вот и не помню. Шутка ли – почти треть жизни с той поры миновало, целых шесть лет...)

* * *

– На самом-то деле все было так...

Дедушка Пьерло сделал паузу. Мы ожидали в почтительном молчании.

«Дедушка» он не нам, а всему поколению наших дедов, каковое поколение в *наших* деревнях и замках, весьма многочисленных, народ именует «Дю Лис-старшие» – произнося это с еще бóльшим почтением, чем мы сейчас молчим.

Нам, стало быть, он пра-пра.

Вообще-то, столько не живут. По крайней мере, сам дедушка Пьерло до стольки считать не обучен, сколько лет он уже на свете отбыл. Хотя, если взять и подсчитать, то получится отнюдь не возраст патриарха. Даже полная сотня годков, скорее всего, не наберит. То есть на самом деле – живут столько люди, пускай очень редко.

Вот есть Лилии-старшие, а дедушка – Дю Лис-изначальный, первый нобиль в нашем роду.

А сейчас уже вон сколь много нас, из рода Лилий. И каждый год в мае, в последние майские дни, все мы съезжаемся сюда, в дедушкин замок, маленький да пригожий, будто игрушка... будто сам дедушка... только самые старшие из Лилий помнили «Пьера-воителя», рыцаря со нравом ястребиным и хваткой волчьей... В замок дедушки Пьерло. Почтительно рассаживаемся вокруг старика в главном зале, тоже чистеньком, как игрушечный, хоть и ветшающем помалу. И слушаем, слушаем...

Так заведено.

Родители и дядья с тетками порой шептались, что, мол, старый хрыч и повоевал вдоволь, и даже судьей побывать успел – а так и не отучился по-деревенски бить соплей о землю; ну и всякое прочее. Однако от дедов никто из нас такого никогда не слышал. Деда-то твердо знали, и нам тоже помнить должно: прежде Дю Лиса-изначального просто не существовало носителей вот этого герба с королевскими лилиями. Ну разве что дедушкины брат и батюшка – последний был вообще Жак-простак, в позапрошлом веке родился, с ума сойти! – однако и они получили лилейный герб не раньше дедушки Пьерло, но вместе с ним, из тех же королевских рук, в час единый.

И была еще СЕСТРА. О да. Она точно была.

* * *

После той баталии мы до темноты не решались домой вернуться. Как потом оказалось, напрасно: родители битых и в самом деле папане пожаловались, но он так глянул на них, что

¹ Экоршер – «шкуродер», «свежеватель»; иногда почтительное, иногда презрительное, но всегда опасливое прозвище, которое давали бойцам (и полководцам) отрядов, заслуживших славу наиболее отчаянных головорезов даже по меркам Столетней войны.

те убралась восвояси еще прытче, чем их сынки давеча. А на следующий же день подозвал к себе Реми, благо тот у нас на дворе прикармливался, – и стал меня старик натаскивать уже не тайком от всех, но открыто. Да так, что продыху не было. Света я не взвидел от такой заботы.

Только много позже догадался: это было не для меня, а для *нее* сделано. Чтобы хоть как-то разделить наше близняшество, чтобы не набралась *она* от меня такого, что лишь драчливым парням впору. Должно быть, тогда папаня и увидел сон, вещий и страшный, хотя рассказал о том года через три, а верно понял и того позже. Что ж, хотелось ему так, а вышло этак: пока старый живодер уводил меня за околицу и там обламывал о мои бока ясеневый шест, *она* начала говорить с НИМИ...

– Чего? А-а, с Малышом... Ну да, виделся. Нас позавчера свели, дали поговорить. А разве к тебе его не?.. Ну, то есть чтобы...

(И прикусил язык.)

– Чтобы попрощаться. – В *ее* голосе слышен смешок, да такой, что у меня все нутро словно бы оборвалось. – После приговора то есть. Нет, не было этого. Последний раз я его видела верхом, с мечом да в броне. Как и тебя, кстати. А вот подумай, братец: отчего это нам теперь свидеться дозволили? Только нам с тобой – и именно сейчас?

Я только хмыкнул. Все же девчонка девятнадцати лет, даже если она успела покомандовать войском и пообщаться с НИМИ, против мужчины девятнадцати лет остается как есть полной душой.

– Что только нам с тобой – понятно. Пьера для попрощаться привести еще могли, а вот для чего другого Малыш теперь не пригоден: он нас с тобой чуть ли не на пядень перерос, и усищи над губой пробились.

– Правда? – Теперь *она* засмеялась совершенно по-обычному. Скрипнула чем-то за моей спиной: наверное, села на скамью, вроде есть там в углу лавка.

– Ага. Чернющие такие. Он все время, пока мы говорили, знай теребил их с гордостью.

– Ну да пора, в его возрасте так за год как раз и меняются. Парню ведь – ого! – семнадцатый пошел. Я и то опасалась, что он в нас с тобой удастся...

(«В нас с тобой...» Меня аж злостью опалило: ну, шерсть на роже до сих пор не растет, так что я, спрашивается, урод из-за этого или недомерок?! Вообще-то, слегка да, но ведь не карлик, просто малорослый, пааадумаешь! Зато словно из железа кован. Да за меня любую девку отдадут, с ого-го каким приданым! А теперь, когда семейный герб у нас, – даже девку благородных кровей, вот!)

Как-то сумел взять себя в руки: не для того я здесь, чтобы с *ней* ссориться, да еще перед расставанием.

* * *

– Смеяться будете, но в семье первыми из благородных стали мы с братцем. – Дедушка Пьерло покойно откинулся на спинку кресла и сплел пальцы.

Смеяться никому из нас и в голову не пришло, а самые младшие украдкой обменялись тоскливыми взглядами. Ничего, еще привыкнут. Дедушка, похоже, намерен жить вечно – значит, он и прапраправнукам своим будет эту историю рассказывать. Каждый год.

Старшие Дю Лис тоже переглянулись, пряча ухмылки. Уж они-то слышали ее столько раз, сколько нам и не снилось.

Мы почтительно слушали, куда нам было деться. О королевской милости и мудрости. О доспехах, которые по королевскому указу, милостивому да мудрому, были изготовлены в одной мастерской и чуть ли не по одной мерке: «Мы, младшие, в ту пору ранней юности лицом и ростом очень сходны вышли, все трое – я с братцем Жаном и Сестра», – проговорил дедушка с такой гордостью, будто это тоже вышло по милостивому (и мудрому тоже)

королевскому указу. О надоспешных одеяниях с гербом, для двух братьев одинаковых, а вот для Сестры совсем ином, ее надлежало почтить отдельно, выше – но оттого, между прочим, позже это было проделано. То есть как бы вдогон братьям: они-то, получается, уже nobили, а она до поры – так, крестьяночка. Хотя скажи им тогда такое – они б сказавшего в два меча иссекли, как брюкву, а потом бы еще и рожу ему набили хорошенько и пинками гнали до самой околицы (тут старшие Дю Лис снова переглянулись, более не пряча улыбки). О том, как дедушкин батюшка опоздал к церемонии, отчего он сделался благородным на три часа позднее своих чад, – и по этому поводу Его Величество тоже милостиво пошутить изволил. И о том, что...

А вот этого, кажется, не было. Точно не было! Раз в кои-то веки старик рассказывает новое!

Мы наострили уши.

* * *

– Когда, как не сейчас, нас с тобой свести могли, спрашивается? – спокойно так говорю. – Вчера ты в башне была. Завтра, как они думают, тоже будешь там – а вообще-то, уже сегодня, тебе бы поторопиться, вот-вот стража придет! Да и толку нет нам такую встречу устраивать, когда ты в мужской одежде, под присмотром четырех годовев. Зато сейчас, когда портного приводили, то-се, да и вообще им было негоже совсем обойтись без церковной тюрьмы – вот епископ и исхитрился...

– Кто?!

(Аж заляк я от этого вопроса. И что мне, скажите на милость, ответить?)

– Ну, не местный, само собой, – говорю остороженько, как с человеком, у которого рассудок слегка повредился. – То-то и оно, что руанское Преосвященство здесь хвост набок, лапки враслопырку. Так ведь для нас это и славно: раз уж так вышло, что всем заправляет епископ из Бове...

– А-а... – И снова смешок, странный такой. – Для тебя он, конечно, Преосвященство. В смысле – не судья. Пастырь Хряк. Кошон, свиница из Бове. А я-то все думала, когда же его рыло из-за угла вылезет. Выходит, дождалась. И что же, тебя напрямик к нему привели? Тайно да небось еще до рассвета? И он тебе, чаду-простецу, сразу все объяснил: как скорбит он о моей судьбе, до чего в тягость ему судейская мантия и сколь желал бы он натянуть нос вконец обнаглевшим годоям!

– Нашла простеца – благородная госпожа, понимаешь! Между прочим, именно так все и было. Только он больше не про годовев говорил, а про... этих... Чже... Бохэмитов... Язык вывихнешь, короче.

– Про чехов. – Уродское слово *она* выговорила почти без запинки. – Про богемских еретиков.

– Во-во. Он, говорит, с их отцом-совратителем, по птице гусь названным, словесами мерялся аж в ту пору, как мы с тобой еще под лавку не хаживали. И, говорит, совсем ему поперек души... сейчас, как это... а, отправить в огонь те уста, которые изрекли: *«Спустя долгое время после начала деяний ваших стало ведомо мне...»*

– *«Иисус, Мария! – поправляет. – Сейчас, спустя долгое время после начала деяний ваших, стало ведомо мне, Деве, что отпали вы от истинной веры и сделались еретиками, сарацинам подобными...»*

...И – будто вспышка в лицо, звон в ушах, в голове, во всем естестве. Как незапамятно давно, полжизни назад, при Жаржо. Как давеча, на мосту через эту их Крши-во-клат-нице, где оставили мы Малыша. Но выдержал шлем, и тогда, и тогда, и вот сейчас, ага.

«...Отвергли истинное учение, предавшись позорным и незаконным суевериям; и, исповедуя и распространяя их, нет ни единого гнусного деяния, равно как злодейской гнусности, от которой вы бы воздержались».

...А мечу и рукам не привыкать, они сами все делают, и вот уже отлетает кто-то, валится другой, а третий – это он меня и угостил – замахивается повторно, но клинок быстрее цепового била, и падает наземь длань в сермяжном рукаве, отсеченная по плечо: цеп она так и не выпустила. Ну и держи себе, мертвячина, для мертвяков сейчас ваши шипастые кропила. Они страшнее страшного, когда через стену боевых возов лезть – однако ваши возы мы сейчас обошли! Обошли!!! Конец вам!!! Аааа!!!

«...Вы отрицаете власть Церкви, отвергаете причастие, извращаете символ веры. Вы разрушаете храмы, ломаете и предаете огню изображения святых, что сделаны были для поклонения нам и в память нашим потомкам, также истребляете христиан, что не принимают ваши верования. Где оправдание вашей ярости, глупости вашей и безумству?»

Еще кто-то заносит на меня цеп, промахивается и падает от моего меча. Крики вокруг, звон и грохот вокруг: не все промахиваются. Стеной стоит мужичье, держится стойко, крошит и кропит все кровавым елеем – но умирает, умирает, умирает...

В плен их разрешено не брать. А я так бойцам своего отряда прямо-таки приказал не брать никого. Имперцы могли и возроптать: они в таких делах все малость богемцы, даже кто алеман; но вот нет у меня имперцев, все свои. Сплошь экоршеры, зернышко к зернышку их собирал, по-особому пестовал. Черный отряд. Черный отряд под белыми лилиями.

«...Вы преследуете истинную веру, которую Отец, Сын и Дух основали, возвеличили, утвердили и подтвердили тысячами путей через тысячу чудес – и намереваетесь ее полностью свергнуть, разрушить и истребить. Но, пускай сами вы слепы, не уповайте, что и вокруг все лишены зрения! Независимо от того, уповаете ли вы, что...»

Главкомандующая мой приказ слышала, однако ж промолчала, никак его не отменив, не смягчив даже. У нас с ней к богемскому мужичью счет поверх всех особьей, за одно и то же. За одного и того же. За брата.

Прямо перед нами откуда-то высыпала целая толпа мужичья и с немислимой сноровкой – да, это они умеют – оборотилась строем. В Черном отряде такая черная шутка есть: «Когда еретик склонит пред тобой колени – моли о пощаде!» Воистину так, только мы, пощады не давая, сами о ней тем паче не молим.

И вот на колено пал первый ряд еретиков, взметывая перед собой эту жуткую дрянь, стреляющие палицы свои, все время забываю, как они зовутся. Второй ряд – цепоносцы, уже занесли на взмах тяжеленные кропила, один удар у них точно будет. А за их спинами, меж плечами, с боков – опять огнестрельщики.

«...что сумеете остаться безнаказанными, или надеетесь на снисхождение Господне – знайте: потому Он и дает вам погрязать в грехе кощунства, что готовит на ваши головы кару руками верных своих. Страшна будет расплата и тяжки муки, кои вы изведаете».

Жарко сверкнуло, грохнуло из рядов – и тяжелее, гулче грохнуло справа, с деревянной башни в три яруса: она нам ох как вредила с самого начала боя, хотя влеклась по полю медленно, не каждый раз поспевая к месту со своими пушками. Сейчас ей тоже не следовало бы поспеть, на то и был расчет, а вот – перезарядили еретики свои орудия.

«...Что до меня, то да станет вам известно: не будь я занята англичанами – давно бы уж пошла на вас. Однако...»

Грохнуло, плюнуло пламенем, ударило свинцом, стрелами, шипастыми билами кропачей – в нас; ударили наши мечи, ударили в строй наши кони грудью и копытами. Это еще помнилось. Потом были мысли простые, краткие, черно-алые. В слова и воспоминания их не облечь.

Время спустя оказалось, что я пеш и даже лежач. Приподнялся. Обнаружилось, что я и жив вдобавок. А вот те, кто подо мной, на мне, вокруг – нет. И только по доспеху или остаткам его можно отличить экоршера от еретика.

«...знайте, что если пребудете в своем прежнем неверии – могу я оставить англичан и повернуть на вас. С тем, чтобы мечом, если не будет иного способа...»

Меч у меня по-прежнему в руке, только измаран кровью по крестовину, затуплен и выщерблен, а близ остря и вовсе обломан. Встаю, опираясь на него, как на клюку.

Отстал я, выходит. А Черный отряд вперед ускакал – весь. Вон белолилейное знамя лежит, с перебитым древком и многожды простреленное, уже не белое вовсе.

Кто-то (Господь, конечно: больше вроде как и некому) сдвинул по небу солнце, только не как для Иисуса Навина, а в другую сторону. Длинные тени лежат, предвечерние.

«...если не будет иного способа, устранить ваши зломерзкие суеверия, исторгнув или ересь из вас, или самую жизнь».

А бой дотлевет. И наша взяла. Да как может быть иначе, ведь с нами – Дева! Вот она, на вершине той башни, и стяг в ее руках – королевские лилии, без пробоин, без крови, всегда береженные Тем, Кто Над Нами.

Забрало поднято, но лица ее с такого расстояния не узнать. Да и не нужно. По воинскому облачению Деву узнают, по знамени...

Человека рядом с ней тоже можно узнать только по облачению – епископскому. И по посоху, на который он тяжело опирается. Стар он уже совсем, пастырь Хряк, его, наверное, на эту башню под руки внесли – ну да ведь не может он упустить такого: всю свою жизнь шел к тому, чтобы благословить воинство Верных, одолевших последних еретиков в последней из битв... кому он нужен без этого...

А после этого – кому нужен?

«...Но ежели желаете раскаяться и обратиться к свету истины – то отправьте ко мне своих послов, и я научу их, как вам надлежит искупить содеянное. Если же...»

А мы – кому нужны теперь? Провоевавшие две дюжины лет подряд, больше полжизни, и половину этого срока – в чужих краях? Шкуродеры, свежеватели, в крови собственной и чужой, до края мира прорубившиеся, дальше только леса да схизматы с песьими головами...

Все мы легли здесь. Даже те, кто стоят под знаменем.

«...предпочтете закусить удила и противиться шпоре, то ведайте: приду я по ваши головы с силами людскими и небесными, чтобы взыскать...»

...Он, этот, стоял даже не возле передвижной башни, но в самой башне, на первом ярусе. Там сбоку был пролом от ядра, высадившего два щита обшивки, потому я и увидел. Давно, наверное, видел, только не понял: ну, стоит человек и стоит, мало ли кто он, может, один из тех, кто епископу взобраться помогали. Только теперь понял – он в сермяге, от крови черной, и подреберье у него глубоко разрублено, так что стоит он на петлях своих кишок. А в руках у него – стреляющая палица.

Пиксида, вот как это называется у богемцев. Четыре коротеньких, в полторы ладони, стволика, собранные вокруг древка так, что получается словно бы головка тяжелой булавы. Свинец мечет или отрезки толстых стрел навроде арбалетных. Ну а после четвертого выстрела – как палица, да.

И вот он приподнимает свою пиксиду последним живым усилием... вверх ему оружие не направить, да и толку бы разить через перекрытия башни – но еретик ведет ее куда-то перед собой. Что или кто там – мне не видно, часть щитов уцелела. А вот что может быть...

«...чтобы взыскать с вас сразу за все!»

Пушечное зелье. Бочонок, причем не один. Свинец или тем паче стрела – ерунда, но ведь пиксида вблизи не только убойный снаряд мечет, но прямо-таки плюется огнем, мне ли не знать!

Только подумать о том успеваю, а сделать хоть что-то – куда там. Харкнули пламенем два из четырех стволов пиксиды – и мгновенно, словно бы в тишине, вся башня превращается в огненный столб.

* * *

«...чтобы взыскать с вас сразу за все!» – доканчивает *она*. – Надиктовано в замке Сюлли двадцать третьего марта миновавшего года. Жан Паскурель записывал, мой секретарь и духовник. Не совсем так, как я ему диктовала, конечно, – но он сказал, что на церковной латыни слова «задница» не существует и многих других слов тоже.

Я сижу как пришибленный. Но понемногу начинаю соображать: не было. Не миновало двадцать лет и еще четыре, не потеряли мы Малыша в бою за мост через эту реку, как ее... не выговорить... И не поглотило пламя Деву вместе с епископом...

Вместо этого Дева продолжает мне что-то говорить – даже не очень важно что. На разговоры все равно времени нет, а скоро совсем не будет.

Прикрикнуть, что ли, на *нее*? Ага, тут прикрикнешь: на такое даже прозванный Ла Гиrom не отваживался.

Он-то не отваживался, а я, по старой памяти, наверное, и мог бы. Аж три раза у меня это получалось. «Сиди уж, младшая!» – и я опускаю забрало (доспехи-то у нас по одним лекалам деланы, надоспешная котта тоже одних цветов), беру у *нее* из рук укороченное по-пехотному копье и, как бы *ее* шагом, стараясь не перепутать ногу, на которую надо прихрамывать, иду к рядам наших, перестраивающихся под обстрелом со стен Турели; а на исходе того дня сеньор де Виньоль сказал привселюдно, что в бою Дева ему ровня; небось старый душегуб Реми гордо усмехнулся из пекла, хотя и устояла тогда проклятая бастида. День же спустя, седьмого мая: «Лежи уж, младшая!» – и Малыш, Пьер то есть, помогает мне приладить *ее* латное плечье, чтобы все видели дыру от стрелы – и пала пред Девой дважды пролившая ее кровь Турель, и воспрял Орлеан...

А последний раз, собственно, не прикрикнул – прошептал испуганно: мол, да ты чего, близняшка, на ногах ведь едва стоишь! Стены же Жаржо тверды, осадная лестница крута, отпор бешен – уже на третьем «Отче наше» так садануло меня по темени, что рой светящихся пчел закружился перед глазами, жужжанием своим заглушая лязг железа, да орудейный грохот, да все прочие звуки тоже. Шлем выдержал, ага; но об этом я узнал уже ближе к вечеру.

Говорят, в тот день Дева покрыла себя неуязвимой славой, проявив отвагу даже бóльшую, чем при освобождении Орлеана. В помятом шлеме и броне, сброшенная с высоты пятнадцать локтей, не дала унести себя с места сражения, подбадривала солдат, вплоть до победы продолжала командовать штурмом – а потом удержала войско от расправы с горожанами... в смысле – от полной и всеконечной расправы.

Не знаю, им видней. Тем, кто рассказывает. Не могут же они все разом ошибаться или выдумывать: так, нет?

Сбоку сверху, где стена и окошко под самым потолком, вдруг донесся стук. Я чуть ли не в испуге поднял глаза – но это всего лишь черный дрозд с разлету уселся на оконную решетку. Вот же дрянь, птах поганый: комок перьев – а, по звуку судя, словно конь прикопытился. Нашел время!

...И все я вру. То есть прикрикнуть, в голос или шепотом, у меня вправду получалось – но лишь после того, как *она* прикрикнет. На нас на всех, на войско свое и вражеское, на весь мир... может быть, даже на НИХ... Когда мы, от простых солдатишек до наирьцарственнейших полководцев графской крови и немеряной смелости с превеликим опытом вместе, вдруг начинаем озираться, где же Дева и ведет ли она все еще нас – *она* встанет и поведет. Даже со ступней, насквозь пропоротой противопехотным шипом (годои не только из длин-

ных луков разить горазды, они и в осадном деле толк знают: страшная штука – такой вот четырехжальник, когда наступаешь на него с бега, всем весом). Даже получив стрелу между плечом и шеей... в два пальца шириной была дырища, глубиной же – в полторы ладони... И пару недель спустя, шатающаяся от слабости после конного марша на рысях, с двумя едва затянувшимися ранами, в ногу и над ключицей – встанет и поведет.

Потому-то и шел вместо *нее* я, что иначе *она* пойдет, хоть бы небо обрушилось. Собственно, это *она* ведь и шла, пускай даже в моем теле. Я рыцарь (ну, почти), нам с Пьером и папаней дворянский герб жалован, себе я цену очень знаю, и она высока – но дрогнуло бы мое мясо, а кости в воду превратились, доведись мне самому идти в такой бой. А уж чтоб вести за собой хоть малый отрядец, о королевском войске даже речи нет – это и вовсе дудки: ищи себе, щука, иного пескаришку.

После Жаржо наши мясо и кости лежали пластом: у *нее* стрельная рана открылась, у меня же на башке гуля размером с гусиное яйцо, да огненные пчелки перед глазами все еще хоровод кружат. А война вела нас дальше, вела в конном строю – и хотя, конечно, при всяком войске есть обоз, но все еще грозны годои, страшен в открытом поле их строй-«борона», кусающий дальним боем оперенной смерти, вблизи же грызущий мечевыми жвалами, ибо на диво ладят в бою годойский лучник с рыцарем. У нас по-прежнему каждый, от обозника до графа, знает: ни разу еще не биты они нами при сколько-то равном числе сил. Да и так, как получается, треплем мы их, лишь пока хранимы Девой.

В общем, отлеживаться на госпитальной телеге может лишь один из нас, «брат Девы». Деве же – вести войско.

Я не встал бы. То есть без «бы», именно что не встал. *Она* – встала. Но с двумя такими ранами человечье мясо и кости не позволяют обрести упор в стремя, ниже упор в повод. И то, что ранее делалось мной, теперь совершил Малыш. Лицо его в мельканье пчелиных крыл я видел плохо, но голос сквозь их жужжание долетел: звонкий, мальчишеский, даже не собирающийся еще ломаться. С этакой вот ехидцей. «Что ж, старшенькие, Жанна с Жаном, лежите себе, набирайтесь сил!».

И четыре дня подряд все войско видит Деву верхом, в доспехах, бодрюю духом и телом. А те двое, кто без сил лежат на обозных повозках, – это ее братья, само собой; им такое не в укор, они ведь просто люди, кости с мясом...

Все эти четыре дня парень был счастлив. А что ко времени, как наступил срок бить годовев при Патэ, войском командовала уже настоящая Дева – это счастье Франции. И наше тоже.

Годоям повезло меньше.

...Все эти мысли долго длятся, но время-то летит как ворона, быстро да напрямиком: половинка «Отче наша» миновала с той поры, как мы с Жанной в последний раз что-то сказали друг другу. Так что же именно мы сказали? *Она* – что я простец и чадо, а я *ей* – что епископ из Бове... то есть судья...

Вот, значит, как.

– Ну... У него ведь и вправду, того, свои резоны есть, – и, проговорив это, сразу чувствую, как слабы мои слова супротив *ее* уверенности.

– Знаю я его резоны. Лучше, чем ты. И, может быть, лучше, чем он сам. Ну-ка держи покрепче.

И сунула мне в руки что-то. Ну, рукав. Ну, женского платья – того, что сегодня утром надела она и что теперь предстоит надеть мне. Ну я и взял.

– НЕТ!!!

Чувство было, как тогда в стенном проломе Жаржо: тело киселем расплылось, перед глазами все переворачивается, не понять, где у тебя душа, а где пятки. Так не кричала *она*,

так не кричал никто, просто не сможет. Вообще нечеловеческий это окрик-запрет. И не голос вовсе – ну, то есть не ушами он слышен.

То, что от меня осталось, это сообразило вот почему: дрозд на окне повернул голову и, распушив крыло, принялся чистить перья. А кабы это был такой крик, который слышат ушами, – по всему Руану воронье бы с крыш сорвалось...

Это кто-то из НИХ до меня докричался.

Не сказать, чтобы эта догадка меня успокоила. Да кто я таков, на что я ИМ-то?! Тем паче – сейчас?

– Крепче держи!

А вот это уже *она* командовала. Голосом и даже негромко – но по одному *ее* слову армия на смертоубийство кидалась. Куда уж мне воспротивиться, даже если ОНИ приказывают иное.

И я – дуралей, осел, дубинище стоеросовое! – так и вцепился в этот рукав, будто в копейное древко или черенок лопаты. А Жанна со своей стороны вцепилась. И дернула резко – *она* ведь сильная, до сих пор со мной чуть ли не вровень...

Тр-р-ресь!

А голос-то у *нее* сейчас был не только командный, но и странный чуток. Как я слышал только давеча... и – точно! – еще лишь один раз пару лет назад, когда слышать был не должен: сестрица специально от нас подальше отошла и встала на колени, будто к молитве. Но так уж вышло, не помню почему, что я кое-что разобрал. Это *она*, оказывается, говорила с НИМИ. Добро бы просто говорила, к этому уже мы все привыкли – так ведь спорила, пререкалась, что-то свое гнула! Я чуть в собственные башмаки по уши не провалился: виданное ли дело – противуречить сент-Катрин или сент-Марго, а то и Мишелю-архистратигу, кто уж там из них до тебя ни снизошел?! Потихоньку, пятясь, отступил оттуда – и, само собой, в дальнейшем помалкивал об этом...

За спиной снова – тр-р-ресь, только потише. Это она, надо думать, рубаху порвала. Уже без моей помощи, сама исхитрилась: там полотно потоньше.

Так ведь, значит...

– Ты чего?! Дура! Корова криворукая, мозги твои девичьи – что, ну что ты наделала?! Теперь ведь всему конец!

(А как было задумано! Нас в церковной тюрьме не оставят, епископ сразу дал понять, что такое не в его силах. Но, дескать, когда станут выводить оттуда – появится шанс обратить это в нашу пользу. Кто выйдет в моей одежде, тот и будет Жан, пленный рыцарь, ну ладно, ладно – оруженосец. А кто в платье, подобающем женскому полу, – того отведут в башню и будут стеречь крепко.

Под бабьими тряпками укрываться, само собой, зорно: что по рыцарским меркам, что по деревенским. Да уж пару деньков как-то перетерплю сестры и Франции ради. А потом и открыться можно будет. Не сожгут же меня, это ведь ни разу не ересь, но вроде как военная хитрость. Узнику бежать дозволено, а брату дозволяется этому бегству способствовать. Все честно, тут уж кому повезет: добыче или ловчим. За Девой присмотр особый, а вот мне... *ей*-мне должно было повезти. Как именно – не сказал епископ: мол, покамест для меня же самого лучше этого не знать.

То есть... выходит, он это все и придумал? А мне-то по сей момент казалось, что это придумал я: в тот наш первый и единственный разговор.

Да что уж гадать-то. Не получится ведь теперь ничего. Если даже напялю я на себя эту женскую одежду, рваную от ворота до подола – только дурак меня с сестрой перепутать может. Причем слепой дурак.)

– Папаню береги.

– Что?!

– Я говорю – как выйдешь на волю, сразу к папане отправляйся и будь с ним рядом. И Малышу это тоже накажи, если увидишься с ним. Вас теперь надолго задержать не должны: какой выкуп ни стребуют – живо плати, и он чтоб платил, не торгуясь. Деньги не деньги, война не война – от двух ваших мечей королю и Франции не убудет. А папаня у нас один. Маму я знаю – она выстоит. Папаню же не упустите, понял?! Иначе я вас даже из рая найду и надеру уши обоим.

Я невольно дернулся, словно бы и вправду закрывая ближайшее к *ней* ухо. Вроде ерунду *она* сказала – и про что оборвет (да кто ж из рая выпускает земные счета сводить?!), и про что папаню беречь надо (он нас всех, поди, сам сбережет! Матушка, получается, выстоит – а он будто бы нет?!) – но...

И тут только вполне понял. Не про папаню, он-то и вправду крепок, чушь все это – а про *нее*.

Из рая.

* * *

– До сих пор помню, какими глазами батюшка на всех нас смотрел, особенно на сестрицу. – Дедушка Пьерло подался вперед; теперь и поверить было трудно, что миг назад он сидел, удобно откинувшись на высокую спинку кресла, говорил назидательно, с удовольствием. – Мы уже сделались нобили, а ему еще целые сутки предстояло мужиком оставаться, однако все боязно было – вот ухватит нас с Жаном за уши да и уведет назад в деревню, коровам хвосты крутить. Сестрицу, понятно, нет... Она у него всегда была в любимицах, хотя семью он вот как держал! – Дедушка потряс в воздухе сухим старческим кулачком.

Умолк ненадолго. С сомнением глянул на нас, явно раздумывая, стоит ли говорить дальше.

– Нас из плена долго не отпускали, – как-то неохотно продолжил он. – Вернее, это мы с братом уперлись: ох как жаль было отдавать все... Вам, нынешним, этого не понять, но мы-то лишь год благородными землевладельцами побыли – и что ж, выходит, покончено с этим?! Но так-таки пришлось выкупа ради все распродать, когда стало ясно: иначе сидеть нам в темнице, пока жареный гусь не загогочет. Ну и вышли мы оттуда в чем были. При дворе вспомнят о нас, нет ли – поди угадай; так что первым делом поспешили в Домреми, к батюшке. Как вяз он крепок, да и хозяйство у него, конечно, ладное, даром что благороден от теперь: не оставит же нас в нужде! Добрались – а хозяйство-то, пусть менее ладное, есть, батюшки же... Сельчане сказали – отошел он на следующий же день, как прилетела весть о костре на руанской площади. Никакой хвори и в помине не было. От скорби...

Дедушка Пьерло пожевал губами.

– Потом всякое было... – продолжил он еще более неохотно. Вновь откинулся в кресле, смежил веки и умолк довольно надолго.

Мы ждали. И когда уже настала пора осторожно, на цыпочках удалиться – дедушка вдруг распахнул глаза.

– Об одном знайте, – сказал он вдруг с неожиданной злостью. – Все вы, кто от чресел моих, – единственные Дю Лис. Других нет и не будет. Вот я слышал, недавно прошел слух, что объявился кто-то из рода Жанова, – так не сомневайтесь нисколько: самозванцы это. Жан-Пти, Жан-Малыш, не оставил потомков...

И раздраженным взмахом руки отослал нас.

* * *

– Не горюй так, братик, и не трепыхайся. Можешь вообще-то поворачиваться: я уже одета.

Я ошарашенно оглянулся. Действительно одета, в мужское, причем – не в мое: моя одежда на скамье лежит. А я, между прочим, до сих пор в чем мать родила стою. Торопливо схватил штаны, рубаху, прочее, кое-как зашнуровался... Да что за напасть, с ума я, что ли, спятил: откуда вообще в этой камере возьмется еще один мужской костюм?!

– Не помнишь? (*Ей*, как всегда, не требовалось вопроса, чтобы понять.) Это было на мне, когда я в плен попала. Все время с тех пор было, целый год. До того дня, который назвали отречением – и от которого я отрекаюсь сейчас.

Тут мы оба вздрогнули и оглянулись: черный дрозд над нашими головами громко чирикнул. Посмотрел я на него, как арманьяк на бургиньона, – будто это он во всем виноват... будто он в клюве и лапах притащил сюда эту одежду...

А как, в самом-то деле...

– Оставили здесь, – пояснила *она*, опять поняв все без слов; говорила мягко, как с несмышленьшем, будто из нас двоих не я старше на целых полчаса. – Тогда же. Женское платье внесли, а мужское... решили не убирать. Забыли. На случай, если ты окажешься не так похож на меня, как догадался Пастырь Хряк, – тебя ведь к нему лишь единожды приводили, да? Или не так смел ты окажешься. Или более догадлив. Догадливому смелость требовалась совсем особая, братишка! Думаешь, посидел бы ты день-другой, получил от свинищи весть, что «Жану д'Арк» удалось исчезнуть – и рассказал бы все? Снова стал бы обычным пленником, выкупился бы со временем, как положено... хотя нет: уж ваш-то с Малышом выкуп я бы, освободившись, худо-бедно устроила. Не надейся. Ты, близняшка, ответил бы за все. Тебе бы до костра просто ни единого слова произнести не дали. А потом, разворошив хворост, покажут толпе огарок твоего тела на предмет мужского естества – и ахнет народ: «Да она ведь не просто ведьма была, она – оборотень, нелюдь!!!» Так что не для меня предназначался тот костер, не для тебя даже. Для всей Франции...

– Это... сказали тебе ОНИ? – просипел я, едва языком ворочая.

– Нет. – *Она* устало махнула рукой. – ИМ, оказывается, Францией больше, Францией меньше... А вот такие, как я, в тысячелетие раз, много два-три рождаются. Те, которые могут ИХ слышать. Через которых ОНИ жить могут. Да ладно, не полная я дура, чтобы напоследок о НИХ всем рассказывать... или хотя бы тебе... Забудь.

Села на пол, прислонясь к скамье спиной. Совсем без никаких мыслей в голове я опустил рядом. Ощутил своим плечом *ее* плечо. Вровень.

Дрозд вдруг громко засвистал, затрещал, залился трелями. И, не знаю откуда, мы одновременно поняли: истекают последние минуты, когда нам вместе быть. Едва лишь отзвучит дроздиная песня – войдет стража.

Можно было отмерить это время в «Отче наших», но что-то не хотелось.

Ефим Гамаюнов Конец эпохи

Солнце раскрашивало зеленью луга, выделяющиеся аккуратные разделы крестьянских полей, неровные ленты дорог. Картинки, проносящиеся за окном

...такое простое, невыразимо красивое и понятное. Такое сложное и неуловимо шаткое в равновесии конструкции из человеческих страстей, опасений, надежд...

или само нутро великой страны?

– Ваша светлость...

Сидящий за низким столиком немолодой, но статный мужчина с пышными усами отвел глаза от окна и обернулся на голос.

– София, дорогая, посмотрите, какое прекрасное утро сегодня.

Женщина, подошедшая к эрцгерцогу, была невысока и изящна, с прямой спиной и тонким точеным лицом. Темные волосы собраны в высокую аккуратную прическу.

– Фердинанд, сегодня светит солнце, но на душе у меня беспокойно.

Мужчина улыбнулся, и в уголках глаз образовались «морщинки смеха»: они так нравились княгине Софии, но она все реже видела их на лице мужа.

– Это все от проклятого паровоза!

– Ваше высочество! Так говорить вам не подобает.

– Извините, дорогая, я слегка не выспался, вероятно. Сегодня чудесная погода, обещаю, как только я закончу свои дела, мы с вами погуляем в парке. И вы поймете, что волновались совершенно напрасно и мир прекрасен.

Женщина покачала головой.

– Вы же знаете, как к вам относятся в этом городе: у вас тут слишком много недоброжелателей. Можно ли будет найти хоть сколько-нибудь безопасный уголок?

Франц Фердинанд поднялся и обнял жену.

– Не волнуйтесь, для вас я отыщу такой уголок.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал эрцгерцог.

– Ваше высочество, скоро прибываем, минут сорок осталось. – Стюард увидел кивок и поспешил прикрыть дверь.

– Садитесь, дорогая, я сам налью вам чаю.

Франц Фердинанд шутливо склонился и отодвинул стул.

– Ваша светлость... вы так любезны. – Княгиня сделала легкий книксен.

– Только бы вы улыбались. – И снова она разглядела «смешливые морщинки».

Луч коснулся щеки эрцгерцога, напомнив какой-то светлый, почти забытый, эпизод из детства. И тут же волшебный миг был безнадежно испорчен: едва дверь вагона открылась, как в уши ударил гомон собравшейся на привокзальной площади толпы и шум стравливаемого пара из котлов. Франц Фердинанд прищурился, разглядывая пестрый ковер нарядов, дожидаясь заканчивающую сборы супругу. Вскоре она вышла к нему, легко коснулась рукой плеча, едва слышно прошептала молитву Святой Деве.

Как всегда. Разве можно не любить за такую заботу: в мелочах, в участии, в умении быть рядом всегда и во всем? Даже если и возникала на сердце необъяснимая тревога, то рассыпалась, словно от взмаха палочки волшебной феи. И эрцгерцог шагнул на платформу, под звуки начавших бить башенных часов и чуть припозднившегося, но грянувшего дружно и громко оркестра.

– Ваше высочество! – Встречавший генерал Потьерек, военный губернатор Сараево, в белом парадном мундире, сверкал золотом пуговиц и погон. Он вытянулся в струну и отдал честь.

– Лучше все же светлость, – Франц улыбнулся и протянул руку. – Будет или нет еще это высочество.

– Непременно будет, – чеканно ответил Потьерек. – Прошу вас следовать за мной. Княгиня...

Путь до паромобилей августейшие супруги проделали неспешно, останавливаясь, чтобы помахать собравшимся людям, раскланяться со знатными чиновниками, полюбоваться на замечательное каменное здание вокзала.

– Ваша светлость, поспешим, тут не совсем безопасно, – едва слышно произнес, оказавшись на мгновение совсем близко, генерал.

– Чепуха, я должен показать своему народу, что ничего не боюсь. Только так можно завоевать уважение, – ответил эрцгерцог.

Начищенная медь паровых котлов мобилей на миг заставила глаза подходящих ослепнуть.

– Дорогая, давайте сегодня не поедem в первом. Пожалуй, этот вот ничем не хуже. – Франц остановился у второй парокареты и повернул голову к Софии.

– Конечно! О, этот блеск... скорей бы от него скрыться!

Кожаный салон мобиля встретил прохладой и полумраком.

– Генерал, вы с нами? – спросил эрцгерцог. – По пути обсудим некоторые вопросы.

Паровые двигатели заработали сильнее, попыхивая дымом и шипя, словно небольшие змеи. Кортeж паромобилей под неумолкающие приветственные крики отъехал от вокзала Сараево.

– Ваша светлость, если вы не против, сейчас небольшой прием в ратуше, далее обед. А потом займемcя тем, ради чего вы проделали далекий путь. – Потьерек, достал кружевной платок и вытер выступивший на лбу пот.

– Лучше будет после приема поскорее закончить наши дела. Я обязался подарить Софии прогулку и склонен сдержать обещание.

– Как будет угодно. – Генерал чуть склонил голову. – Надеюсь, после смотра ваше настроение будет даже лучше, чем сейчас.

– Возможно, генерал. Смотря что вы мне покажете.

– Ваше высочество, – в голосе Потьерека, как отметил для себя Франц Фердинанд, прорезались нотки убежденности. – Меня уверили, что это поможет нам стать сильнейшей державой в будущей войне.

– К сожалению, вы правы, война назревает, – вздохнул эрцгерцог. – Я многое готов отдать за то, чтобы ее не было, но...

Сильный взрыв заставил Софию вскрикнуть, а Франца Фердинанда прикрыть собой жену, сменяя тщательно отглаженное платье, ломая заткнутое в шляпку страусовое перо.

– Гони! – закричал Потьерек.

Шины взвизгнули по камням брусчатки, машина прыгнула и понеслась по набережной.

– Я не потерплю такого! – Эрцгерцог, белый от ярости, стоял в небольшой комнатке с единственным окном высоко под потолком.

– Ваша светлость, вы же не думаете, что это подстроено специально?

– Не думаю? Но тогда вы объясните мне это! Мы приехали сюда как гости, а нас встречают бомбами!

Несколько томительных минут Франц Фердинанд гневно осматривал бургомистра и приближенных к власти чиновников. Те молча отводили взгляды. Комнату, одно из немногих

небольших помещений при ратуше, готовили к визиту будущего императора явно второпях: под вынесенной мебелью так и не успели вытереть полы, лишь слегка смахнули пыль. Никто не думал, что может произойти нечто выходящее за рамки обычного визита и эрцгерцог пройдет куда-либо, кроме главного зала.

– Мне почти все равно, что могло произойти со мной, но, Господь Всемогуший, там была и моя жена!

Дверь скрипнула, и в комнату вошел, сверкая мундиром, губернатор Потьерек.

– Ваша светлость, позвольте доложить... Котел взорвался, видимо, от перегрева. Несчастное происшествие, но никакого террора, всего лишь роковая случайность.

Франц Фердинанд отыскал глазами стул и тяжело опустился, качая головой.

– Боже, боже мой, генерал, зачем нам террористы, если даже ближайшие соратники подталкивают мою семью к гибели?

Потьерек с каменным лицом ответил:

– Бог не дал свершиться непоправимому, ваша светлость. Народ разнесет эту новость на всю Австро-Венгрию. Из любой ситуации можно вынести что-то положительное.

Некоторое время напряженная душная тишина висела в каморке.

– Генерал, у вас есть жена? – Франц Фердинанд посмотрел на Потьерека. Желваки играли на скулах эрцгерцога.

К счастью, в эту минуту дверь скрипнула вторично и в комнату вошла княгиня София, чуть более бледная, чем обычно, но уверенная и прекрасная. Генерал стал «смирно», чиновники наклонили головы в приветствии, Фердинанд поднялся и подал жене руку.

– Как вы, дорогая?

– Лучше, ваша светлость. Чуть кружится голова, но это от испуга. Я слышала, что взрыв вызван поломкой паромобиля?

– Несчастный случай, – нехотя подтвердил Франц Фердинанд. – Техника несовершенна, к несчастью.

– Значит, бояться нечего?

– Разумеется. У нас же сегодня запланирована прогулка.

У Софии кольнуло в груди при этих словах, но она не подала вида. Будущая императрица, и даже чуть больше: она та «крепкая стена», за которую порой прятался от жестокости мира сам будущий австро-венгерский император. И значит, не имеет права быть слабой. Особенно сегодня!

Торжественный прием прошел смято и нудно. Местная элита так явно заискивала перед приездом Франца Фердинанда, так льстила княгине Софии, что к концу на обоих напала откровенная скука. Она, все еще играя свою роль, изредка кивала, соглашаясь с вещающими. Он, пропуская мимо почти все речи, негромко переговаривался с военным губернатором.

– Вы думаете, это разумно, Оскар?

– Мне кажется, не выполнить главную цель своего приезда было бы непростительной ошибкой.

Франц Фердинанд посмотрел на супругу.

– Не хотелось бы подвергать Софию опасности.

– В Сараево не так много террористов, как говорят, поверьте, ваша светлость!

Наконец речи отзвучали, медвяный поток во многом притворного обожания иссяк. Франц Фердинанд поднялся, коротко ответил, что безмерно рад побывать в прекрасном городе, что жители здесь добродушны и веселы, а погода просто на зависть всей остальной империи. Такие слова уже «впитались в кровь»: чтобы говорить их, давно не требовалась какая-то особая работа ума или сердца. Политика закаляет, одновременно заставляя черст-

веть. Будущий император понимал это, хотя и не совсем принимал. Жизнь, казалось ему порой, должна состоять из переживаний – мелких и подчас незначительных.

Однако на пороге уже маячила война, нависая над всей Европой пока незримой, но тяжелеющей с каждым днем тучей: еще немного, и прольются первые капли

крови,

полетят бомбы, запылают пожары.

– Я намереваюсь посетить в госпитале пострадавших в сегодняшнем взрыве паромобиля. А затем, по любезному приглашению генерал-губернатора, отправлюсь к нему в гости. Спасибо вам, люди восхитительного Сараево, за теплый прием.

Пожалуй, только глухой не расслышал бы в голосе эрцгерцога издевки.

Вскоре после приема августейшая чета вместе с Потьереком и графом Гаррахом ехала в пыхтящем паромобиле. Маршрут, заранее озвученный Францем Фердинандом, был изменен.

Эрцгерцог, выглядывая в окно кареты, молча изучал висящий над полями искристо-льדיстый цеппелин, блестящий на солнце тонкой коркой инея. Во всей этой картине ему виделось нечто зловещее, наполненное мощью смертоубийственной волны, готовой хлынуть на эти вот самые поля. Сминая, калеча, разрушая... Франц Фердинанд вздохнул.

– Мысли ваши полны тревоги. – София улыбнулась мужу.

– Вы правы, моя София, моя мудрость, – откликнулся он. – Я чувствую надвигающиеся перемены и противлюсь им всей душой, прекрасно осознавая, что если не приму необходимые меры, то они опрокинут и меня, и всю эту страну.

– Ваша ноша тяжела, ваша светлость, в том нет сомнений, – осторожно сказал Гаррах, нервно оглаживая эфес сабли. – И наша общая задача чуть облегчить ее. Надеюсь, с помощью друзей сегодня это удастся.

Цеппелин закрыл собой солнце, паромобили остановились в его тени у стены большого деревянного ангара. Двери строения были плотно закрыты, у створок дежурила пара караульных в чужой униформе без знаков отличия. Фердинанд нахмурился и посмотрел на Потьерека.

– Ваша светлость, это иностранные подданные, – извиняющимся тоном сказал генерал. – Это их секреты. Иначе просто невозможно было договориться.

– Я отослал почти всю охрану, – с укоризной бросил эрцгерцог. – Надеюсь, вы знаете, что делаете.

– Они деловые люди, мой принц, не военные, – вмешался граф Гаррах и добавил: – В их интересах, чтобы вы были живы и здоровы.

Франц Фердинанд несколько мгновений смотрел на графа, затем едва заметно кивнул.

– София, вы не проведете несколько минут в одиночестве? – спросил эрцгерцог.

– О нет, ваша светлость! – Княгиня решительно поправила шляпку, укороченное с утра страусовое перо качнулось. – Достаточно на сегодня неожиданностей! Я напугана и не хочу отпускать вас даже на несколько минут!

Шофер в блестящих медных очках открыл дверь. Франц Фердинанд шагнул из кареты и предложил супруге руку. С противоположной стороны из паромобиля выскочили Гаррах и генерал-губернатор. Навстречу, выскочив, словно черт из табакерки, спешил невзрачный человек в такой же, как на караульных, синей униформе.

– Ваша светлость, княгиня, генерал, граф, – с легким, почти неуловимым, акцентом произнес он, – меня зовут Шульц. Я представляю здесь интересы моей компании.

Фердинанд едва заметно поморщился – немцев будущий император недолюбливал.

– У нас совсем немного времени. – Потьерек достал из кармана мундира часы, посмотрел на циферблат и убрал обратно. – У эрцгерцога запланировано много дел. Приступим?

Шульц несколько суетливо подскочил к большой деревянной створке ворот и с трудом принялся открывать.

– Прошу вас, господа, время начинать удивляться. Отойдите чуть в сторону, благодарю.

Изнутри ангар казался еще больше: дальняя стена его терялась в полумраке, а пустота только добавляла иллюзию полной бесконечности.

– Позвольте представить вам, ваше высочество, оружие нового мира! – Немец чуть поклонился и скомандовал в полумрак: – Выпускайте гиганта!

В темноте лязгнуло. Зашипел пар, стравливаемый из перепускных клапанов машин, загудели, раскручиваясь, шестерни невидимого пока механизма. Лязгнуло вновь, и земля едва заметно вздрогнула – словно тяжелый великан сделал первый, пробный и неуверенный шаг. Затем второй, третий. Франц Фердинанд, нахмутив брови, стоял впереди, чуть испуганная княгиня выглядывала из-за плеча. Потьерек, с саблей наперевес, выказал желание встать сбоку для защиты, но эрцгерцог взмахом руки приказал отодвинуться.

– Нет нужды бояться, – стараясь перекричать усиливающийся шум, заорал Шульц. – Наши инженеры самые лучшие в мире! Мы все рассчитали!

В полумраке ангара родилось движение, проявившееся вначале смазанным штрихом-отблеском, затем светлым силуэтом, и вот...

– Боже мой, что это? – вскрикнула София.

Раздался треск, верхняя балка ворот переломилась, словно легкий пруттик, доски фронтона выгнулись и лопнули, разбрасывая вокруг острую шрапнель щепок. Немец схватился за голову, закрываясь от обломков, и бросился в сторону. Граф Гаррах выскочил, прикрывая собой эрцгерцога, генерал Потьерек встал рядом.

Нечто, вырвавшееся из недр поломанного ангара, застыло перед ними. Огромная пугающая железная пародия на человека. С высоты шести метров на сверкающей стали голове сквозь узкую щель «шлема» темнели стеклянные окуляры глаз. Проклепанные пластины груди, шишковатые шарниры рук и ног, металлические витые трубки и полосатые шланги. Чудовище утробно урчало, столб дыма вздымался над правым плечом.

– Новейшая разработка! – горделиво прокричал Шульц, подходя к остолбеневшей в изумлении группке людей. – Солдат, которому нет равных. Идеальный! Совершенный! Не знающий усталости и страха, сам принимающий правильные решения, четко следуя отданному приказу. Сейчас вы убедитесь в этом!

Прошло совсем немного времени, и со стороны висящего чуть вдали за ангаром цепелина показался пушечный бронемобиль. Он ехал напрямик через поле, огибая строение. Не доехав двух сотен шагов до стоявших, бронемобиль остановился в клубах черного дыма. Следом, чуть отстав, на поле выехал военный паромобиль. Водитель выскочил, поколдовал с замком грузовой кареты и побежал обратно к цепелину. У Франца Фердинанда сжалось сердце в нехорошем предчувствии, он повернулся было к немцу, чтобы найти ответы на возникшие вопросы. Только тот уже подбежал к пышущему паром механическому человеку и, открыв пластину на стальной ноге, дернул какие-то рычаги. Прodelав одному ему ведомые манипуляции, Шульц захлопнул отсек, повернул вентиль, располагавшийся чуть выше, и стремительно отскочил. Паровой гигант зашипел, выбросил клуб дыма и, развернувшись с оглушающим лязгом и звоном, шагнул в сторону выехавшей на поле техники.

Из груди стального монстра раздался пушечный выстрел. В поле, совсем рядом с грузовым паромобилем, взметнулась земля. Гигант неумолимо, словно один из библейских всадников Апокалипсиса, двигался вперед. Из кареты грузовика как горох высыпали люди, загремели винтовки. Бронемобиль тем временем чуть отъехал в сторону и дал ответный выстрел. Снаряд ударился о клиновидную грудь механического человека, заставив того пошатнуться и на миг замереть, а сам отрикошетил в сторону и взорвался в поле. Второй выстрел гиганта

оказался убийственно точен: бронемобиль – несокрушимая боевая машина – с оглушительным взрывом превратился в пылающую грудку железа.

– Что вы делаете? – в ужасе воскликнул эрцгерцог. – Там же люди!

– Это военные преступники! – в ответ прокричал Шульц. – Им предоставлено право победить сегодня или умереть. Не волнуйтесь, все согласовано!

– Это необходимо остановить. – Франц Фердинанд рывком за плечо притянул к себе Потьерка, – Генерал, вы слышите? Это невысказуемо!

– Ваше высочество! Это не наши граждане, это...

Механический человек поднял руку, звуки пулеметной очереди прорезали воздух. Люди из паромобилей, словно только что очнувшись, пытались бежать, но было слишком поздно: достигнув места остановки грузовика, парочеловек поднял вторую руку, из кулака в сторону убегающих выпала толстая ярко-красная струя пламени. Огонь мгновенно охватил собой часть поля. Крики заживо сгорающих донесли до пошатнувшегося эрцгерцога и замершей в ужасе княгини. Механический гигант равномерно двигался, продолжая заливать поле огнем. Изредка он задействовал другую руку: начинал работать пулемет.

Вскоре все было кончено.

– И этим вы хотели меня удивить? – обычно сдержанный Франц Фердинанд тряс генерала, схватив за отвороты белоснежного мундира. – Это, по-вашему, поможет моему государству?

Тишина, разлившаяся над полем расправы, – иначе этот скоротечный бой назвать было сложно – казалась особенно страшной. Едва слышно трещали догорающие мобили, им вторил свист ветра в разломанном фасаде ангара.

– Это бойня, а не война! Вы не видите разницы? – Эрцгерцог отшвырнул Потьерка. Затем его взгляд уперся в Шульца. – Вон! Вон из моей страны! У вас есть ровно то время, которое понадобится мне, чтобы добраться до города. Затем здесь будут войска!

– Но это всего лишь демонстрация возможностей новой тех...

– Молчать! Эта машина убийств никогда не появится в моем войске!

Шульц развел руками и сказал:

– Мир никогда не будет прежним. Я предлагаю вам совершенное оружие, которое внушает ужас противнику, уничтожает его, заставляя трепетать любого. Самое совершенное, могучее – за ним будущее!

Франц Фердинанд в ярости подскочил и ударил немца по лицу.

– Война – дело кровавое, гиблое, уничтожительное. Но это дело чести! А ваша поделка – вечное бесчестие!

Он еще некоторое время стоял, сжимая и разжимая кулаки, нависнув над согнувшимся Шульцем, а затем вздрогнул, словно о чем-то вспомнив.

– София? – Эрцгерцог оглянулся.

Княгиня быстрым шагом направлялась к остановившемуся в дымящемся поле гиганту. Франц Фердинанд устремился догонять, бросив замершим Гарраку и Потьерку:

– Что ж вы, мерзавцы...

Генерал и граф переглянулись, нерешительно шагнули следом.

– На минутку, господа, – поймал их за руки Шульц. – Раз уж все равно наше дело прогорело, я бы обсудил кое-что, пока есть время.

– София, куда же вы? – Франц Фердинанд догнал супругу, преградил дорогу. – Там может быть опасно.

– Там могут быть раненые, – спокойно ответила княгиня. – Им нужна помощь. И, раз уж речь велась о чести, то моя не может позволить стоять в стороне, пока мужчины играют в ужасные кровавые игры!

Эрцгерцог смотрел в глаза жены. Она была права... как всегда.

Он не видел, как развернулся механический парочеловек, а она, закрытая от гиганта мужем, успела только охнуть.

пулемет заработал вновь

– Куда? Стоять! – Назвавшийся Шульцем как-то незаметно вытянулся, будто подросток разом на несколько сантиметров. – Слушайте меня, глупцы!

– А я считал вас союзником, почти другом, – глухо сказал Потьерек. – Вы же убеждали, что все под контролем, обещали полную безопасность для... и обманули. Ну вот, вы добились, чего хотели? Так рассчитывали? И что же дальше?

– Вы убили нашего будущего императора, – добавил Гаррах. – Не этот механизм, вы настоящий убийца.

– Какая разница, кто я и чего добивался. – Шульц вновь развел руками. – Господа, поймите: наступает новая эпоха, и в ней нет места таким, как Франц Фердинанд с его устаревшими понятиями о чести! Я предложил ему оружие нового века, способное дарить победу в любой войне. Но он... Он был слишком старомоден и неповоротлив, а мир меняется, господа. И этот мир, или рок, или судьба – нет разницы, как это назвать, – отбросили неспособного принять новые правила! Что я могу противопоставить року? Ничего... как и вы. Наступает новая эпоха, и нам всем выбирать: жить в ней или умереть.

– О какой эпохе вы говорите? – с горечью и досадой бросил Потьерек. – О войне, которая вот-вот начнется?

– Война уже неизбежна, вся Европа это понимает. Господа, полноте... у вас есть десять минут, пока в моем парочеловеке не закончится топливо. Десять минут, чтобы придумать, как выбраться из сложившейся ситуации... А быть может, даже извлечь выгоду. Помните, моя компания делает оружие по всем миру: Лебель, Гочкис, Маузер, Триттон... все работают только на нее. Даже русские винтовки Мосина собирают мои люди! Мы переманили Максима из-за океана... Война требует много оружия... И не подумайте, что я лично был против воззрений покойного... Нет! Но – дело прежде всего. Задумайтесь, господа, с кем нужно дружить, а с кем нет. И вы найдете правильный выход.

Человек в синем мундире повернулся и зашагал в сторону висящего цеппелина. Гаррах, глядя в удаляющуюся спину, произнес:

– У вас не может не быть на примете какой-нибудь радикальной группировки, ненавидящей Франца Фердинанда, упокой Господь его душу. Думаю, мы сможем представить все так, чтобы вина легла на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.